

© Минц М. М., 2007

Данный файл распространяется по лицензии Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 3.0 Unported (Атрибуция — Некоммерческое использование — С сохранением условий). Чтобы ознакомиться с экземпляром этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/3.0/deed.ru> или отправьте письмо на адрес Creative Commons: 171 Second Street, Suite 300, San Francisco, California, 94105, USA.

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

МИНЦ Михаил Михайлович

**БУДУЩАЯ ВОЙНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА СССР
в 1927–1941 гг.**

Специальность 07.00.02 — «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель —
д-р ист. наук
проф. Е. С. Сеньявская

Москва 2007

Оглавление

Введение	4
I Формирование советской военно-политической концепции будущей войны в 1927–1941 гг.	50
1 Представления советского военно-политического руководства о политическом характере и целях будущей войны	51
2 Состав потенциальных противников и их оценка военно-политическим руководством СССР	76
3 Предполагаемые сроки начала будущей войны	86
II Разработка основ стратегии ведения будущей войны в 1927–1941 гг.	102
1 Теоретические дискуссии в советской военной науке 1920-х — 1930-х гг. о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны	103
2 Реализация выводов советской военной мысли 1920-х — 1930-х гг. в советской военной доктрине	122

III Влияние представлений о характере будущей войны на советское военное строительство и военное планирование	142
1 Советское оперативно-стратегическое планирование в 1940–1941 гг.	143
2 Оценки уровня подготовки личного состава РККА в конце 1920-х — 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны	172
Заключение	184
Список использованных источников и литературы	193
Список сокращений	219
Приложения	221
I Определения основных терминов, используемых в диссертации, согласно Военной энциклопедии (1994–2004 гг.) и Советской военной энциклопедии (1976–1980 гг.)	221
II Задачи советских войск согласно основным редакциям стратегического плана 1940–1941 гг. (схемы)	229

Введение

Актуальность избранной темы обусловлена, прежде всего, её теснейшей взаимосвязью с историей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. К будущей схватке с «мировым империализмом» СССР готовился годами. Советско-германское противостояние, начавшееся 22 июня 1941 г., по своим масштабам как раз и оказалось той самой будущей большой войной, для которой в Советском Союзе создавалась армия, укреплялся тыл, разрабатывалась новая боевая техника, совершенствовалась военная теория. Эта война подвела итог проделанной ранее работе, став для советских вооружённых сил своеобразным экзаменом. Поэтому изучение тех представлений о будущей войне, которыми руководствовались советские лидеры, определяя содержание и направление строительства вооружённых сил, может помочь нам глубже понять историю Отечественной войны. Понять причины как поражений РККА летом-осенью 1941 г., так и конечной победы СССР в войне, одержанной вопреки, казалось бы, катастрофическим поражениям.

Изучение заявленной темы важно и для понимания самого феномена войны как такового, особенностей возникновения и развития войн. Место, занимаемое войною в человеческой культуре (в широком понимании этого слова), трудно переоценить. Однако войны не вспыхивают внезапно. В каком-то смысле они являются лишь завершением часто до-

вольно длительных и сложных процессов. Даже если государство и не планирует в обозримой перспективе вести какую-то конкретную войну с одним из своих соседей, строительство вооружённых сил всё равно проводится исходя из предположений о том, как именно их предстоит использовать. Предыстория и история Войны 1941–1945 гг. как раз и являются собою пример того, как развиваются подобные процессы и к каким результатам они приводят.

Объектом исследования являются представления военно-политического руководства СССР, т. е. круга лиц, принимавших непосредственное участие в выработке военной политики советского государства¹, в том числе в принятии политических и стратегических решений по вопросам, связанным с военным строительством, совершенствованием вооружённых сил и подготовкой к будущей войне. Провести границы этого круга не так просто, поскольку приходится учитывать тот специфический стиль управления, который сложился в нашей стране в сталинскую эпоху. Можно подойти к проблеме сугубо формально, перечислив центральные государственные, военные и партийные органы, а также должностных лиц, в ведение которых входили оборонные вопросы: Политбюро ЦК ВКП(б) и сам ЦК с его многочисленными отделами и комиссиями; Совет народных комиссаров, Совет труда и обороны, Комиссия обороны при СНК и Политбюро ЦК (позже — Комитет оборо-

¹Военная политика — «система обществ(енных) взглядов, отношений и учреждений, а также определяемая ими деятельность гос(ударст)ва и его отд(ельных) структур, др(угих) соц(иально)-полит(ических) институтов об(щест)ва, направленные на создание, подготовку и применение *силы военной* (см.) в полит(ических) целях» (Военная энциклопедия: В 8 т. М., 2002. Т. 6. С. 476–477). Более развёрнутые определения основных терминов, используемых в настоящей диссертации, взяты из Военной энциклопедии, приведены в приложении I.

ны); нарком по военным и морским делам (позже — нарком обороны), нарком ВМФ, Реввоенсовет СССР (Военный совет при наркомате обороны, Главный военный совет), начальник Штаба РККА (Генерального штаба), начальник вооружений РККА, отдельные управления Наркомата обороны и Генерального штаба. Однако принять такой список без предварительной корректировки невозможно.

Прежде всего необходимо сразу оговориться, что в данной работе не будут обсуждаться представления о будущей войне того многочисленного аппарата, который участвовал в подготовке решений. Сама по себе эта тема не менее интересна и актуальна, чем тема предлагаемой диссертации, однако она заслуживает отдельного исследования. В противном случае можно попросту «утонуть» в материалах, относящихся к деятельности бесчисленных комитетов, отделов и комиссий (не говоря уже о личных документах их работников), вдобавок к этому смешав в рамках одной работы людей принципиально отличных друг от друга по своему положению в государственной системе (с одной стороны — лица, принимающие решения и несущие ответственность за их последствия — независимо от того, под чьим влиянием формировались те представления, которыми они при этом руководствуются, — с другой — аналитики, без которых не обойдётся ни один руководитель, но которые отвечают лишь за достоверность предоставленной руководителю информации и не несут ответственности за принятые им решения). Круг людей, привлекавшихся для подготовки решений или для консультаций, был довольно широк: хотя известно, например, что Сталин лично контролировал работу военной промышленности², при решении некоторых важных вопросов он мог, тем не менее, обращаться за сове-

²Ванников Б. Л. Записки наркома // *Знамя*. 1988. № 1. С. 138

том не только к наркомам, но и к отдельным конструкторам³; резонно предположить, что с руководителями более высокого ранга он общался гораздо чаще.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что формальная структура органов власти не отражала в полной мере реальное положение отдельных людей в скрытой от постороннего взгляда истинной властной иерархии.

Во-первых, личный состав отдельных органов в действительности зачастую в значительной степени дублировался, так как одни и те же люди могли входить в состав сразу нескольких советов или комитетов.

Во-вторых, существовала тенденция к концентрации всех руководящих функций на самом «верху» государственной пирамиды, даже в обход официальной системы учреждений. Характерно в этом отношении высказывание И. В. Сталина на заседании Политбюро 17 января 1941 г., записанное В. А. Малышевым: «Вот мы в ЦК уже 4–5 месяцев не собирали Политбюро. Все вопросы готовят Жданов, Маленков и др. в порядке отдельных совещаний со знающими товарищами, и дело руководства от этого не ухудшилось, а улучшилось»⁴. Похожая информация содержится и в воспоминаниях А. И. Микояна. Как он пишет, Комитет обороны постепенно «стал мало работать, редко собираться, а значит, мало было коллективного обсуждения военных вопросов, которые сосредоточивались вокруг Сталина. Сталин собирал случайные совещания. Молотов на них присутствовал всегда, на некоторых бы-

³См., например: *Ванников Б. Л.* Записки наркома // *Знамя*. 1988. № 1. С. 147; *Грабин В. Г.* Оружие победы. 2-е изд., испр. М., 2000. С. 116, 125–128, 433–436.

⁴*Малышев В. А.* «Пройдёт десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: Дневник наркома В. А. Малышева // *Источник*. 1997. № 5. С. 114.

вал я, до финской кампании Ворошилов всегда участвовал»⁵. Он же упоминает о том, что «ещё до 1941 г. в Политбюро существовала пятёрка: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Микоян. Называлась она „по внешним делам“ или „по оперативным вопросам“»⁶. Многими проблемами занимался непосредственно Сталин.

В. Л. Петров, анализируя советскую политическую систему последних предвоенных лет, предлагает говорить о наличии в государстве обособленной группы высших должностных лиц, сосредоточивших в своих руках реальную власть. К наиболее устойчивому составу этой группы он относит И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берия, К. Е. Ворошилова, а также Г. М. Маленкова, Л. М. Кагановича, А. А. Жданова и, наконец, А. И. Микояна, отмечая при этом, что «временами в эту группу включались и другие видные партийные и хозяйственные работники». Эти лица, по его мнению, «реально стояли над партией и государством и воплощали руководящее ядро политической системы, страны, общества. Политбюро, ЦК ВКП(б) и съезды партии, Верховный Совет СССР, его Президиум и СНК по существу являлись органами, которые придавали легитимность решениям правящей верхушки, облакая их в форму постановлений, законов, указов, распоряжений»⁷.

Можно добавить к этому слова Л. Самуэльсона о том, что «в любом случае, кому бы ни принадлежала постановка вопроса — РЗ СТО⁸, КО

⁵ Микоян А. И. Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. С. 340–341.

⁶ Там же. С. 392.

⁷ Петров В. Л. Особенности политической системы перед войной // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 59.

⁸ Распорядительные заседания Совета труда и обороны, учреждённые в 1927 г., являлись своеобразной комиссией по вопросам обороны с правом принятия решений от имени СТО. В 1930 г. вместо РЗ СТО была создана новая Комиссия обороны при СНК и Политбюро ЦК (позже — Комитет обороны). — М. М.

СТО или РВС — большинство из них рассматривалось и решалось *de facto* на Политбюро. В наиболее важных случаях Политбюро, от имени Центрального Комитета партии, принимало собственные постановления по обороне. Поскольку всё, что касалось обороны, имело гриф „совершенно секретно“ и выше, считалось неприемлемым знакомить с этими решениями Политбюро даже Центральный Комитет, то есть формально высший выборный орган ВКП(б). Этот факт следует особо подчеркнуть, так как в существующей литературе часто делаются ссылки на открытые, „подчищенные“ постановления ЦК ВКП(б) и Совета Народных Комиссаров (СНК) по вопросам обороны. Реальные же решения в полном объёме остаются вне поля зрения историков до сих пор. Дело в том, что эти решения Политбюро доводились до сведения по частям: каждый руководитель знал лишь свои, стоящие непосредственно перед ним задачи и сведения, необходимые для их выполнения»⁹.

Таким образом, с учётом реальной политической практики, получаем скорректированный перечень органов власти и должностных лиц, а также примерный список государственных и военных деятелей, занимавшихся в разное время решением ключевых вопросов в области обороны:

- Политбюро ЦК (внутри него выделялось своеобразное «микроядро» — ближайшее окружение Сталина); нарком по военным и морским делам (нарком обороны); начальник вооружений РККА; РВС Союза и органы, наследовавшие ему; Совет труда и обороны с его Распорядительными заседаниями; Комиссия (Комитет)

⁹ *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 52.

обороны; начальник Штаба РККА — Генерального штаба;

- И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, С. К. Тимошенко, Л. З. Мехлис, А. С. Щербаков, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, А. И. Егоров, Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков и др.

Разумеется, приведённые перечни вряд ли можно назвать исчерпывающими, но в подобной ситуации исчерпывающий список, скорее всего, вообще невозможен. Так или иначе, они дают определённое представление о той исторической коллективности, в рамках которой принимались важнейшие решения по вопросам, связанным с подготовкой к будущей войне, и ещё сохранялись элементы делового обсуждения возникающих проблем.

Предметом исследования является содержание и эволюция образа будущей войны, бытовавшего в среде военно-политического руководства СССР, т. е. совокупности представлений о будущей войне, исходя из которых определялись направление и содержание подготовки к ней. Значительная часть этих представлений составляет военную доктрину («принятая в государстве (коалиции государств) на данное время система официальных взглядов на использование средств *насилия военного* (см.) в политических целях, на характер военных задач и способы их решения, на основные направления *строительства военного* (см.)») ¹⁰. Однако помимо собственно военно-доктринальных установок советского руководства в предлагаемой работе рассматриваются и такие вопросы, как представления о стратегическом и военно-техническом харак-

¹⁰Военная энциклопедия: В 8 т. М., 1995. Т. 3. С. 101.

тере будущей войны, выработанные советской военной мыслью 20-х — 30-х гг., оценки уровня подготовки личного состава РККА, а также советское оперативно-стратегическое планирование в 1940–1941 гг. Развитие советской военной стратегии в целом в задачи данной работы не входит, это тема для отдельного исследования, во-первых, потому, что стратегия занимается не только предвидением характера будущих войн, но и подробной разработкой методов ведения войны на основе принятой военной доктрины, т. е. решением сугубо технических проблем, тогда как в данной работе рассматриваются более принципиальные вопросы, и, во-вторых, потому, что разработка проблем военной теории протекала в значительной степени на более низких этажах армейской иерархии, и лишь некоторые из советских военных теоретиков могут быть отнесены (часто с большой оговоркой) к военно-политическому руководству страны. Однако такой раздел стратегии как предвидение характера будущей войны рассмотреть необходимо, поскольку выработанные военно-теоретической мыслью представления о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны были приняты в том или ином виде советским военно-политическим руководством и оказали своё влияние в том числе и на формирование его военно-доктринальных установок. Что же касается оценок текущего состояния вооружённых сил и его соответствия предполагаемым требованиям будущей войны, то данный вопрос также не следует оставлять без внимания, хотя на первый взгляд и может показаться, что он относится скорее к практической составляющей военной политики (военное строительство, подготовка и ведение войн), нежели к теоретической. Упомянутые оценки напрямую вырастают из представлений о характере будущей войны, их можно рассматривать как прямое продолжение военно-доктринальных

установок военно-политического руководства и в то же время как то связующее звено, посредством которого происходит переход от теоретических разработок к практическим мероприятиям. Следовательно, изучение подобных оценок позволяет взглянуть на более общие представления о будущей войне под дополнительным углом зрения и в том числе более объективно оценить их адекватность. К тому же, такая проблема, как оценки состояния вооружённых сил, по своей природе относится скорее к несобытийной истории, чем к событийной, а основная цель данной работы как раз и состоит в том, чтобы исследовать несобытийный «фундамент» советского военного строительства в изучаемый период. Всё то же самое в полной мере относится и к военному планированию. Оценки уровня технической оснащённости РККА в предлагаемой диссертации не рассматриваются исключительно из-за недостаточной проработанности источниковой базы. Практические мероприятия советского руководства по подготовке к будущим войнам составляют отдельную тему для изучения, требующую особой методики исследования, и в данной работе не рассматриваются.

Отдельно следует остановиться на самом понятии *«будущая война»*. Его использование может вызвать определённое недоумение, поскольку Вторая мировая война началась в 1939 г. и к моменту нападения Германии на Советский Союз уже почти два года была частью настоящего, а не будущего. Здесь важно подчеркнуть то обстоятельство, что участие Советского Союза во Второй мировой войне с сентября 1939 года по июнь 1941-го сводилось лишь к серии локальных конфликтов. Какой бы ожесточённой и кровопролитной ни была Зимняя война с Финляндией, её масштабы были явно не сопоставимы с размахом боевых действий в Европе в 1939–1941 гг. и начавшегося 22 июня

1941 г. советско-германского противоборства. Крупномасштабная, тотальная война, которая потребовала бы всеобщей мобилизации, сопровождалась бы мобилизацией экономики, всерьёз угрожала бы самому существованию советского государства в случае его поражения, война, географические масштабы которой были бы соизмеримы с территорией Союза (а именно такое противостояние обычно обозначается выражением «большая война», или прочно укоренившимся в нашей культуре ещё с XIX века термином «отечественная война») — такая война в то время оставалась ещё в будущем. Боевые действия в Европе изучались в СССР, и их осмысление, безусловно, являлось немаловажной составляющей выработки целостного образа будущей войны, однако для нашей страны большая война стала настоящим лишь 22 июня 1941 года, «летней ночью на рассвете».

Теоретико-методологическая основа и методика исследования. В теоретическом отношении предлагаемая работа носит историко-антропологический характер с элементами имажинологии и военно-исторической антропологии. Поступки человека определяются не столько объективными условиями как таковыми, сколько результатами осмысления этих условий, причём, как показывает опыт (в том числе и опыт Второй мировой войны), представления о сложившейся обстановке могут сколь угодно сильно расходиться с действительностью. Поэтому необходимым условием для того, чтобы понять мотивы принимаемых человеком решений, является исследование его представлений о сложившейся ситуации. При этом важно понимать, что упомянутые представления не вырастают напрямую из данных обстановки и в значительной степени обусловлены установками сознания, существующими априори. Следовательно, изучение этих установок не менее

важно, чем изучение самих представлений, на них основанных.

Военно-политическое руководство СССР в данном исследовании понимается как коллективный субъект, обладающий коллективным сознанием и волей и несводимый в полной мере к индивидуумам, его составляющим. Причастность личности к некоторой объективно существующей коллективности в любом случае предполагает принятие определённых особенностей мышления и поведения, присущих данной коллективности, даже в том случае, если личность не осознаёт своей принадлежности к ней. В ещё большей степени это относится к ситуации, когда принадлежность к коллективности осознаётся. В свою очередь, особенности поведения и мышления, присущие коллективности, вырабатываются и в дальнейшем дорабатываются входящими в неё индивидуумами, которые, таким образом, как бы «подстраиваются» друг под друга, что и позволяет рассматривать их объединение как целостный коллективный субъект.

При проведении исследования были использованы как общенаучные методы (анализ и синтез, сравнения, обобщения), так и методы исторического исследования (историко-генетический, историко-сравнительный анализ, историческое описание). В работе над источниками применялись исторический, логический и комплексный подходы; упор делался на сопоставление исторических источников различных видов.

Таким образом, цель исследования состоит в том, чтобы выявить и проанализировать образ будущей войны, бытовавший в среде военно-политического руководства СССР в предвоенный период. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

- определить внутреннюю структуру образа будущей войны;

- вычленить базовые (статические, неизменные) положения образа будущей войны;
- проследить динамику образа будущей войны;
- выявить и сравнить наиболее значительные индивидуализации образа будущей войны в представлениях отдельных деятелей;
- проследить истоки существовавших представлений;
- определить степень адекватности представлений о будущей войне.

Необходимо пояснить также хронологические рамки данной работы. Исходя из поставленной цели исследования, очевидно, что изучаемый период должен заканчиваться 22 июня 1941 г. Всё, что было потом — это уже история синхронного осмысления начавшегося противостояния, хотя основой для этого осмысления и стал поначалу прежний прогностический образ будущей большой войны. Несколько сложнее со временем начала изучаемого периода. Тем не менее, опять же, если исходить из поставленной цели исследования, то наибольший интерес будет представлять период реконструкции вооружённых сил и экономики. В течение тридцатых годов цель строительства вооружённых сил состояла в создании современной армии, хорошо оснащённой и подготовленной, и соответствующего тыла, что позволило бы более или менее на равных противостоять «великим державам». В двадцатые годы речь фактически шла о том, чтобы сохранить минимальный допустимый уровень боеспособности при минимальных финансовых затратах. Граница между этими двумя периодами довольно расплывчатая. В предлагаемой работе в качестве таковой условно принята «военная тревога» 1927 г.,

которая, как считается, стала одним из основных стимулов к переориентации советского руководства на масштабную реконструкцию вооружённых сил. На самом деле ситуация несколько сложнее. С одной стороны, «съезд индустриализации» — XIV съезд ВКП(б) — состоялся ещё в 1925 г. С другой — в настоящее время высказываются определённые сомнения по поводу того, насколько пропагандистские установки 1927 г. о «возрастании военной угрозы» соответствовали истинным представлениям советских руководителей о степени опасности¹¹. Первый пятилетний план в области экономики стартовал в начале 1929 г., а постановление Политбюро «О состоянии обороны СССР», которое принято считать своеобразным пятилетним планом строительства вооружённых сил¹², было принято только в июле этого года. В 1927–1928 гг. фактически происходила лишь выработка общей концепции дальнейших преобразований в военной и военно-промышленной сфере. При этом показательно, что планы строительства вооружённых сил на ближайшие несколько лет, сформулированные Тухачевским в 1927 г., ещё не предусматривали никакой реконструкции армии¹³. В знаменитых записках М. Н. Тухачевского о реконструкции армии, составленных в 1930 г., также содержатся скорее теоретические размышления и предложения на перспективу, нежели конкретные планы ближайших мероприятий¹⁴.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

¹¹См. например, *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 48–49. По мнению автора, настроение лидеров СССР в этот период было в действительности гораздо менее тревожным, чем официальные сообщения и заявления.

¹²См. Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978. С. 182; *Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 98–103.

¹³*Самуэльсон Л.* Указ. соч. С. 68.

¹⁴См.: РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446.

1. Впервые в качестве предмета диссертационного исследования выбраны представления советского руководства о будущей войне как тот базис, на котором основывались практические мероприятия по подготовке к войне.
2. Прослеживается взаимосвязь собственно военно-доктринальных установок военно-политического руководства СССР с его политическими и идеологическими установками, с одной стороны, и концепциями будущей войны, выработанными советской военно-теоретической мыслью, с другой. Таким образом появляется возможность проследить истоки советской военной доктрины предвоенного периода и заложить основу для более детальных исследований в данной области.
3. Изучается взаимосвязь советской военной доктрины 20-х — 30-х годов с практической деятельностью советского военно-политического руководства, анализируются механизмы воздействия представлений о будущей войне на военное строительство и военное планирование. Это позволит по-новому подойти к изучению проблем предыстории и истории Великой Отечественной войны, будет способствовать их более глубокому пониманию.
4. Дается оценка адекватности представлений советского руководства о будущей войне.
5. В научный оборот вводится ряд новых архивных документов, в том числе документы из фондов Наркомата обороны и Политического управления РККА, а также личных фондов советских «вождей», ранее не привлекавшие внимания исследователей.

6. К источникам применяется комплексный подход: в предлагаемой работе сравниваются источники различных видов, включая оперативную документацию, теоретические работы, пропагандистские материалы, источники личного происхождения и т. д.

Практическое значение исследования. Результаты проделанной работы могут быть использованы при подготовке курсов лекций и учебных пособий, на семинарских занятиях со студентами исторических факультетов, в процессе выработки политических решений.

В развитии историографии по теме предлагаемой работы можно выделить несколько этапов. Остановимся на каждом из них более подробно.

Первый этап продолжался примерно до конца 1950-х гг. В это время глубокое и непредвзятое изучение таких проблем, как история и предыстория Великой Отечественной войны, было ещё практически невозможно. Сильнейший идеологический диктат вкупе с практически полным отсутствием доступа к архивным источникам стал причиной того, что основные работы указанного периода, посвящённые минувшей войне, относятся скорее к политической публицистике, нежели к научным произведениям и не представляют серьёзной познавательной ценности¹⁵.

Второй этап в осмыслении истории предвоенного периода начался в конце 1950-х гг. Провозглашённый в стране курс на десталинизацию способствовал смягчению идеологического диктата; как следствие, улучшилась и ситуация с доступом к источникам. Именно к описыва-

¹⁵См. например *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945 гг.: Краткий ист. очерк. М., 1952.

емому периоду относятся первые публикации документов по истории Отечественной войны. К ним добавилась волна военных мемуаров. Резко возросло и количество научных работ, посвящённых истории войны и предвоенного периода, как авторских, так и коллективных обзорного характера¹⁶.

Однако изучение истории предвоенного периода всё ещё в значительной степени сдерживалось, как сохранявшимися ограничениями на доступ к архивам, так и новыми идеологическими установками. Ситуация определённо не располагала к тому, чтобы подвергать научному анализу такие сугубо идеальные конструкции, как представления о будущей войне, тем более, что краткий ответ на вопрос о них фактически уже был дан на уровне государственной идеологии. По-видимому, именно этим следует объяснить то обстоятельство, что авторы описываемого периода в основном ограничивались изучением событийной истории (политические перипетии кануна войны, строительство советских вооружённых сил, подготовка к приближающейся войне в 1939–1941 гг., в том числе допущенные в этот период ошибки и упущения), в то время как представленные модели прошлого явно не рассматривались как предмет для отдельного детального исследования. Специальных исследований по этой тематике почти не было, а в обзорных работах она обычно затрагивалась вскользь. Для литературы 1970-х гг.¹⁷ характе-

¹⁶См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1963. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. XL, 532 с.: ил.; История СССР: С древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1967–1971. Т. 8–9.

¹⁷См. например: История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1973. Т. 1: Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. XXVIII, 367 с.: ил.; Советские Вооружённые Силы: История строительства. М., 1978. 518 с.: ил.

рен меньший акцент на описании ошибок и просчётов предвоенного периода, однако принципиальные изменения в историографии произошли только во второй половине 1980-х гг.

На рубеже 1950-х — 1960-х гг. была разработана официальная концепция начала минувшей войны, которая в значительной степени сохраняет свои позиции до сих пор. Она была достаточно подробно изложена в многотомной коллективной монографии «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Согласно этой концепции, СССР не собирался ни на кого нападать, и это прекрасно понимали руководители нацистской Германии, что подтверждается немецкими источниками. Следовательно, рассуждения о «превентивном» характере нападения Третьего рейха на Советский Союз совершенно беспочвенны¹⁸. В книге достаточно подробно разбирается событийная канва предвоенного периода, в то время как представления советского руководства о будущей войне описываются предельно кратко и сжато. Отмечается, что характер будущей войны оценивался в целом правильно: СССР либо подвергнется нападению коалиции империалистических государств, либо будет вынужден принять участие в совместных действиях ряда держав с целью пресечения агрессии; война будет длительной, изнуряющей, потребует мобилизации усилий всего народа, создания массовой армии, перевода всей экономики на обслуживание военных нужд; роль техники в будущей войне неизмеримо возрастет, что означает необходимость заранее подготовить соответствующий экономический базис; по этой же причине значительно возрастут требования к уровню подготовки бойцов и командиров, ещё большее значение получит мораль-

¹⁸История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 401–402.

ный фактор; боевые действия будут носить манёвренный характер, хотя в отдельных случаях возможен и переход к позиционным формам борьбы. В случае вражеского нападения предполагалось вести решительные действия вплоть до полного разгрома врага на его территории. Главным видом боевых действий считалось наступление как последовательность согласованных наступательных операций. Названы в книге и отдельные недостатки: не уделялось достаточного внимания вопросам обороны, недооценивалась возможность боевых действий на территории самого СССР, не были разработаны принципы ведения боевых действий в начальный период войны, в частности, не предполагалось, что противник может нанести внезапный массированный удар заранее отобилизованными и развёрнутыми войсками¹⁹. Эти же выводы в более краткой редакции попали позднее и в соответствующий том «Истории СССР»²⁰.

В другой обзорной работе — «Советские Вооружённые Силы. История строительства»²¹ — также рассматривается в основном событийная история и совсем вкратце — некоторые моменты из истории военной мысли.

Из специальных исследований доперестроечного времени можно назвать статью Н. Ломова «Советская военная доктрина»²². В работе содержится обзор основных проблем, связанных с разработкой военной доктрины, и попутно затрагивается вопрос о советской военной доктрине межвоенного периода. Однако эта проблематика разрабатывается лишь в самом общем виде, и её более глубокое изучение, по-видимому,

¹⁹История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1963. Т. 1. С. 438, 440–441.

²⁰История СССР: С древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1971. Т. 9. С. 513–514.

²¹Советские Вооружённые Силы: История строительства. М., 1978. 518 с.: ил.

²²Ломов Н. Советская военная доктрина // *Военная мысль*. 1963. № 1. С. 14–30.

не рассматривается автором как научная проблема.

Следует отметить также монографию В. А. Анфилова «Бессмертный подвиг»²³ — одну из ранних работ историка, посвятившего несколько десятилетий изучению предыстории и начала минувшей войны, также написанную в рамках официальной концепции и посвящённую главным образом событийной истории.

Таким образом, во второй половине 50-х — первой половине 80-х гг. в советской историографии была довольно скрупулёзно исследована событийная составляющая истории Великой Отечественной войны, чему способствовало значительное расширение источниковой базы. Однако целый ряд проблем, в том числе относящихся к предыстории войны и событиям её начального периода, в значительной степени остались неизученными из-за сохранявшихся препятствий идеологического характера. Что касается вопросов несобытийной истории, то необходимость их исследования просто не была ещё по-настоящему осознана.

События предвоенного периода гораздо активнее стали изучаться в конце 1980-х гг., уже в период «перестройки», что позволяет говорить о начале *третьего* этапа в развитии историографии. Его особенностью стало начало радикального переосмысления советской истории. Этому способствовало и начавшееся рассекречивание документов сталинской эпохи. В новой ситуации события кануна Великой Отечественной войны оставались одной из наиболее востребованных тем. В «Военно-историческом журнале» в это время даже была отведена специальная рубрика для дискуссии по проблемам предыстории войны. Однако концептуальные подходы к изучению названной проблематики ещё не пре-

²³ Анфилов В. А. Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечеств. войны. М., 1971. 543 с.: ил.

терпели принципиальных изменений. Поэтому, в частности, авторы описываемого периода по-прежнему обращались прежде всего к событийной истории, стремясь проследить ход советских военных приготовлений, выявить ошибочные решения и таким образом уточнить причины неудач Красной армии летом 1941 г.

Весьма показательна в этом отношении статья Ю. Г. Перечнева «О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии»²⁴. Основную её часть составляет обзор просчётов советского руководства перед войной, а наиболее перспективным направлением для дальнейших исследований автору представляется уточнение событийной истории. Другие возможности для исследований в статье даже не рассматриваются.

Причины поражений советских войск в начальный период войны в литературе конца 1980-х — начала 1990-х гг. описываются в целом вполне традиционно; во всяком случае, именно такими представляются трактовки того времени с высоты сегодняшнего дня. В основных работах периода «перестройки» так или иначе упоминаются следующие факторы:

1. Неверный прогноз сроков нападения немцев²⁵.
2. Чрезмерное стремление не дать Гитлеру повода для нападения на СССР и как следствие — запоздалое и слишком медленное про-

²⁴Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 4. С. 42–50.

²⁵Азясский Н. Ф. О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году // *Военная мысль.* 1990. № 8. С. 16–17; Ивашов Л. Г. В последние предвоенные // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 11. С. 12; Перечнев Ю. Г. Указ. соч. С. 42–50.

ведение сосредоточения и развёртывания войск²⁶. Причина этой тенденции, как предполагается, состояла в том, что Сталин понимал, что Красная армия не готова к войне с Германией, и старался по возможности оттянуть её начало до более благоприятного момента, но зашёл в этом стремлении слишком далеко, проигнорировав тревожные сообщения разведки и постоянно затягивая мероприятия по подготовке к обороне, хотя обстановка объективно требовала проводить их в самом быстром темпе.

3. Неготовность к тому, что противник нанесёт удар заранее отобилизованными и развёрнутыми войсками²⁷.
4. Просчёт при составлении стратегических планов, в которых исключалась возможность стратегической обороны²⁸.
5. Просчёт в определении направления главного удара немцев²⁹.
6. Отсутствие отработанной системы готовностей для войск западных приграничных военных округов³⁰.
7. Невнимание к опыту первых операций Второй мировой войны³¹.

²⁶ Азяский Н. Ф. О стратегическом развёртывании вооружённых сил Германии и Советского Союза в 1941 году // *Военная мысль*. 1990. № 8. С. 16–17; Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 4. С. 42–50; Хорьков А. Г. Накануне грозных событий // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 5. С. 44; Ивашутин П. И. Докладывала точно // *Военно-исторический журнал*. 1990. № 5. С. 57–58.

²⁷ Азяский Н. Ф. Указ. соч. С. 16–17.

²⁸ Там же; Перечнев Ю. Г. Указ. соч. С. 42–50.

²⁹ Азяский Н. Ф. Указ. соч. С. 16–17.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

8. Интенсивное формирование новых частей и соединений в непосредственный канун войны, прежде всего в бронетанковых и моторизованных войсках³².
9. Негативные последствия репрессий в армии в 1937–1938 гг.³³ Многие исследователи совершенно справедливо отмечали, что репрессии создали в вооружённых силах крайне нервную, гнетущую атмосферу, что подрывало боевой дух бойцов и командиров, сковывало инициативу и таким образом оказало самое пагубное влияние на исход боевых действий летом 1941 г. Однако, что характерно, существовала также склонность рассматривать репрессии как едва ли не главную причину неудач РККА в начале войны, недооценивая роль других факторов. Видимо, как раз отсюда происходит и устойчивая тенденция связывать именно с репрессиями то обстоятельство, что накануне войны в Красной армии не хватало квалифицированных командиров, и значительная часть командного состава не имела достаточного стажа, занимая свои должности менее года. Тот факт, что некомплект командиров в гораздо большей степени был связан с непрерывным ростом численности вооружённых сил в последние два предвоенных года, тем более что количество частей росло опережающими темпами по сравнению с численностью личного состава, по сей день нередко ускользает из внимания исследователей. Между тем, как мне

³² *Ивашов Л. Г.* В последние предвоенные // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 11. С. 14.

³³ *Перечнев Ю. Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооружённых Сил к отражению фашистской агрессии // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 4. С. 42–50; *Комал Ф. Б.* Военные кадры накануне войны // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 2. С. 21–28; *Сувениров О. Ф.* Всеармейская трагедия // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 3. С. 43–45.

представляется, действительно кошмарные итоги репрессий несколько не умаляются тем, что они были хотя и важным, но всё же не единственным фактором, оказавшим своё негативное влияние на результаты первых схваток с частями Вермахта.

Представляет интерес статья О. Ф. Сувенирова «„Клим, Коба сказал...“»³⁴, посвящённая дипломатическим перипетиям 1939 года. Генезис Второй мировой войны описывается автором вполне традиционно: главный виновник войны — мировой империализм, главная причина конфликта коренится в его имманентных свойствах, правительства Великобритании, Франции и США стремились направить фашистскую агрессию против СССР, отсюда политика невмешательства. Далее, однако, Сувениров анализирует историю англо-франко-советских переговоров 1939 г. и на основе уже опубликованных документов приходит к новому для советской историографии выводу о том, что эти переговоры были сорваны по вине советской делегации в соответствии с указаниями Сталина, который, по-видимому, принял решение заключить договор с Германией независимо от того, чем кончится диалог с западными правительствами. Сувениров затрудняется с ответом на вопрос о причинах, которыми было обусловлено это решение Сталина, тем более, что, по его мнению, в договоре с Германией не было вообще никакой объективной необходимости (ещё одно серьёзное расхождение с традиционной трактовкой). Он лишь предполагает, что Гитлеру удалось создать у Сталина преувеличенное представление о военной мощи Германии и о вероятности вовлечения СССР в войну на два фронта.

Исследования, авторы которых проявляли бы специальный интерес

³⁴ Сувениров О. Ф. «Клим, Коба сказал...» // *Воен.-ист. журнал*. 1988. № 12. С. 51–60.

к несобытийной истории, в общем массиве литературы рубежа 1980-х — 1990-х годов почти не попадаются. Стоит отметить статью С. А. Тюшкевича в сборнике «30-е годы. Взгляд из сегодня»³⁵, которая содержит небольшой раздел, посвящённый довоенным представлениям. Автор противопоставляет М. Н. Тухачевского, А. И. Егорова и других военачальников К. Е. Ворошилову и С. М. Будённому, предполагая, что конфликт внутри военной элиты был связан с различиями в представлениях о будущей войне: Тухачевский и другие исходили из того, что СССР будет вовлечён в войну коалиции стран против нацистской Германии, причём особенностью этой войны станет исключительно высокая роль техники; наоборот, Ворошилов и Будённый, по мнению Тюшкевича, придерживались шаблонного представления о том, что СССР придётся вести войну против коалиции империалистических держав, которую нужно будет превратить в гражданскую войну между мировым пролетариатом и мировой буржуазией, предполагая, что в такой войне ведущая роль будет принадлежать кавалерии. Тюшкевич предполагает также, что Сталин перед войной придерживался ошибочной теории о том, что новая мировая война, подобно войне 1914–1918 гг., приведёт к созданию революционной ситуации в капиталистических странах. Все эти тенденции вкупе с культом личности Сталина привели, по мнению автора, к деформации военной доктрины, в результате чего ленинский принцип её оборонительной направленности был подменён лозунгами о перенесении военных действий на территорию противника и о том, что «Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий»; следствием

³⁵ Тюшкевич С. А. // 30-е годы: Взгляд из сегодня / Отв. ред. Волкогонов Д. А. М., 1990. С. 101–107.

перечисленных тенденций стали ошибки в подготовке страны и армии к обороне перед нападением Германии³⁶.

Подводя итог, можно говорить о том, что во второй половине 80-х гг. разрушение системы идеологических запретов и контроля, а также связанное с этим начало рассекречивания архивных документов и переиздания мемуаров позволили историкам сделать первые шаги на пути к преодолению сложившихся ранее подходов к изучению истории Великой Отечественной войны с их многочисленными ограничениями. Однако инерция прежних концепций оставалась ещё довольно сильной, прежде всего в области методологии и методики исследований. Как следствие, начавшееся уточнение и переосмысление событийной истории почти не сопровождалось глубоким изучением её несобытийной «основы», в результате чего преодоление прежних представлений об истории минувшей войны оставалось в значительной степени неполным.

Принципиально иная ситуация сложилась в постсоветское время, что позволяет говорить о начале нового, *четвёртого* этапа в развитии историографии, продолжающегося и поныне. Его особенности определяются двумя основными обстоятельствами. Во-первых, в 1990-е гг. продолжился процесс рассекречивания архивных документов, принявший настолько серьёзные масштабы, что уже сейчас можно говорить, по сути, о формировании совершенно новой источниковой базы для исследований предвоенного периода. В качестве примера можно привести рассекречивание большей части документов в фондах Наркомата обороны и Комитета обороны, предоставление исследователям свободного доступа к личным фондам советских «вождей» в Российском го-

³⁶ *Тюшкевич С. А.* // 30-е годы: Взгляд из сегодня / Отв. ред. Волкогонов Д. А. М., 1990. С. 105–106.

сударственном архиве социально-политической истории (бывший Центральный партийный архив), публикацию колоссального массива документов предвоенной эпохи, включая советские стратегические планы 1938–1941 гг. Обновился также корпус мемуарной литературы, пополнившийся новыми изданиями ряда произведений, дополненными по первоначальным рукописям путём восстановления фрагментов текста, вырезанных в своё время цензурой, а также воспоминаниями, не допускавшимися к публикации в советское время. Второй особенностью современной историографической ситуации стала ломка прежних концептуальных подходов к изучению предистории минувшей войны, приведшая к возникновению в историографии нескольких конкурирующих направлений. Начало этому процессу положила т. н. «незапланированная дискуссия» среди историков, спровоцированная публикацией в России книг В. А. Суворова.

Суть концепции Суворова, чьи произведения появились на Западе задолго до распада СССР, заключалась в радикальном переосмыслении роли Советского Союза в подготовке и развязывании Второй мировой войны. Автор выдвигает неожиданное предположение о том, что внутренняя и внешняя политика Сталина в межвоенный период руководствовалась долгосрочным планом подготовки к новой мировой войне, результатом которой было бы завоевание Советским Союзом по крайней мере Западной Европы. Гитлер, по мнению Суворова, был приведён к власти Сталиным, что позволяло в перспективе использовать нацистскую Германию в качестве «тарана» («Ледокола Революции») против других западноевропейских стран, подготовив таким образом их последующее «освобождение» Красной армией. Исходя из этих предпосылок, автор с уверенностью называет именно СССР «главным виновни-

ком и главным зачинщиком» Второй мировой войны, предполагая, что развязывание войны в Европе как раз и было главным мотивом советской стороны, сорвавшей летом 1939 г. переговоры с Великобританией и Францией и заключившей договор с Германией о разделе Восточной Европы. В дальнейшем, вплоть до июня 1941 г., в СССР проводилась тайная подготовка к нападению на Германию, которая была сорвана внезапным вторжением немцев 22 июня. Суворов считает эту операцию Вермахта превентивной мерой.

Книги Суворова вызвали более чем бурную реакцию в России, в том числе и в научных кругах. Гипотеза о том, что СССР летом 1941 г. сам готовился к агрессии, несомненно, вызвала шок у многих читателей, тем более что версия о превентивной войне в своё время активно использовалась нацистской пропагандой, и любые попытки возродить её воспринимались (особенно в СССР) как повторяющие измышления нацистов и, следовательно, заведомо лживые. На восприятие суворовской концепции повлияли и особенности стиля его книг, относящихся к жанру исторической публицистики и далеко не во всём совместимых с общепринятыми критериями научности и исследовательской корректности. Сыграла свою роль и сама личность В. А. Суворова — бывшего советского разведчика-невозвращенца, что давало его оппонентам удобную возможность заклеить его как предателя и сделать естественный в такой ситуации вывод, что его книги не представляют никакой ценности.

За первыми публикациями книг Суворова последовало впечатляющее количество критических работ, как чисто публицистического характера, так и вполне научных, с разбором многочисленных натяжек и неточностей, содержащихся в «Ледоколе» и «Дне „М“». Вряд ли стоит сейчас специально анализировать эти публикации, поскольку это

уже многократно делалось ранее. Достаточно подробный анализ первых итогов «незапланированной дискуссии» можно найти, к примеру, в работах М. И. Мельтюхова³⁷. Важно, однако, отметить, что в свете новых документальных публикаций, сопровождавшихся к тому же раскочерчиванием целых архивных фондов, ранее практически недоступных для историков, ключевой тезис «Ледокола» относительно советских военных приготовлений накануне Великой Отечественной войны уже не кажется таким уж далёким от действительности. Что бы ни говорили некоторые наиболее радикальные «антисуворовцы» о том, что «Ледокол» и его продолжения не имеют научной ценности, «споры вокруг 1941 года», безусловно, способствовали возрастанию интереса к истории предвоенного периода, тем более, что наличие обновлённой источниковой базы позволило взглянуть на эту проблематику под новым углом зрения, сформулировать новые исследовательские задачи и новые подходы к их решению и тем самым вывести познание прошлого на новый уровень по сравнению с предшествующей историографией (равно как и по сравнению с тем же «Ледоколом»).

«Официальная» историография в новых условиях осталась на традиционалистских позициях, постаравшись по возможности отмежеваться от попыток ряда исследователей переосмыслить историю Великой Отечественной войны и подходы к её изучению. Это направление до сих пор остаётся весьма влиятельным и довольно продуктивным, подтверждением чему служат многочисленные работы его представителей,

³⁷ Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография / Под общ. ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1996. С. 488–521; Он же. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 92–109.

в том числе монографии обобщающего характера — не только авторские³⁸, но и коллективные³⁹. Однако, как и в предшествующей традиции, эти исследования посвящены почти исключительно событийной истории, прежде всего непосредственного кануна войны. Довоенные представления советского руководства практически полностью остаются вне поля зрения авторов-«традиционалистов», тем более, что причины неудач РККА в летне-осеннюю кампанию 1941 г. в рамках данного направления понимаются практически также, как и в советский период. Ещё одной особенностью официальной историографии в постсоветское время стала полемика с альтернативными ей историческими концепциями, порождающая в числе прочего упорное стремление так или иначе объяснить вновь введённые в оборот документальные данные в рамках официальной парадигмы. Отсюда, в частности, происходит гипотеза о том, что известный проект стратегического плана, составленный в мае 1941 г. и предусматривающий нанесение упреждающего удара по Германии, не был утверждён политическим руководством страны и, таким образом, должен рассматриваться как сугубо черновой документ, скорее всего, составленный военными по собственной инициативе, а также распространённая точка зрения о том, что Красная армия весной-летом 1941 г. была совершенно не готова к войне и это следует рассматривать как неопровержимое доказательство того, что Советский Союз не проводил никакой подготовки к нападению. Ещё одной характер-

³⁸ *Анфилов В. А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. 191 с.; Он же. Дорога к трагедии 1941 года. М., 1997. 303 с.; Он же. Незабываемый сорок первый. 2-е изд., доп. М., 1989. 368 с.; *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. 510 с.: ил.

³⁹ *Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки.* М., 1998. Кн. 1: Суровые испытания. 544 с.: ил.; *Мировые войны XX века: В 4 кн.* М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк. 597 с.: ил.

ной чертой описываемого направления является резко отрицательное и порой довольно агрессивное отношение не только к В. А. Суворову, но и к учёным-историкам, не разделяющим официальную концепцию истории Великой Отечественной войны. Причём симптоматично, что представители официальной историографии часто не склонны проводить каких-либо различий между своими оппонентами, объявляя их всех последователями Суворова (хотя его концепция в полном виде практически не поддерживается среди российских историков), а самого Суворова — агентом враждебной пропаганды, в лучших традициях прежней «борьбы с фальсификаторами истории». В результате собственно научная полемика фактически подменяется политическими и моральными обвинениями, что никак не способствует её корректности.

Оппонентами «традиционалистской» историографии вот уже много лет выступают многочисленные авторы, попытавшиеся, и небезуспешно, преодолеть ограничения защищаемых ею официальных концепций.

Так, ещё в 1992 г. в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья В. Н. Киселева «Упрямые факты начала войны»⁴⁰. Основная мысль автора состояла в том, что нежелание Сталина привести войска приграничных военных округов в боевую готовность вряд ли объясняется его стремлением не спровоцировать Германию на войну. Сталин, по мнению Киселева, вообще вряд ли к этому стремился, поскольку весной 1941 г. в СССР не только был разработан наступательный стратегический план, но и началось стратегическое развёртывание войск, что свидетельствует об утверждении этого плана политическим

⁴⁰Здесь цитируется по позднему повторному изданию: *Киселев В. Н. Упрямые факты начала войны // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 77–81.*

руководством страны. К тому же занятие войсками первого эшелона военных округов обороны на границе даёт противнику меньше поводов для нападения, нежели выдвижение из глубины страны стратегических и оперативных резервов. Автор приходит к выводу, что в первой половине 1941 г. и Германия, и Советский Союз «запустили свою военную машину так, что остановить её было практически невозможно». Причины неудач РККА в начальный период войны, по его мнению, состояли в следующем:

1. Германская сторона приступила к развёртыванию войск на советских границах ещё в феврале, опередив Красную армию на целых три месяца.
2. Советское руководство не придавало значения сообщениям разведки о военных приготовлениях Германии.
3. В ходе уже начавшейся войны советская сторона неоднократно продолжала попытки перейти в наступление.

Близкую позицию занял и В. Д. Данилов. В своих работах⁴¹ он также исходит из того, что майский стратегический план был действующим документом⁴². Причём, судя по директивам мая-июня 1941 г. о перестройке пропаганды, истинной целью готовившегося нападения было не столько предотвращение агрессии, сколько стремление «схватить

⁴¹ Данилов В. Д. Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 82–91; Он же. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 33–44.

⁴² Он же. Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? С. 84–88; Он же. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность. С. 33–44.

капитализм за шиворот»⁴³. Автор предполагает также, что Сталин не опасался нападения немцев, будучи уверен, что Гитлер не станет воевать на два фронта; это и стало причиной его недоверия к сообщениям разведки. Впрочем, примерно с середины июня Сталин, по мнению Данилова, действительно изменил своё мнение и предпринимал попытки оттянуть войну, граничащие с политикой умиротворения Германии, хотя было уже поздно. Такое изменение в поведении вождя автор объясняет тем, что Сталин, по-видимому, в какой-то момент осознал неготовность своей армии к наступательной войне, либо оценил, наконец, масштабы нависшей над страной угрозы со стороны Германии⁴⁴.

Перу М. И. Мельтюхова принадлежит серия статей, в которых делается попытка подвести некоторые промежуточные итоги «споров вокруг 1941 года»⁴⁵. Продолжением этого ряда является и его работа «Канун Великой Отечественной войны. Дискуссия продолжается»⁴⁶. Автор соглашается с выводом о том, что в СССР в первой половине 1941 г. проводилась подготовка к нападению на Германию. Он также считает некорректным применение понятия «превентивная война» как к действиям Гитлера, так и к предполагаемым истинным целям Сталина, поскольку советское руководство не ожидало нападения Германии

⁴³ Данилов В. Д. Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 88.

⁴⁴ Он же. Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 42–43.

⁴⁵ Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография / Под общ. ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1996. С. 488–521; Он же. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 92–109.

⁴⁶ Он же. Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999. 68 с.

в 1941 г., как и германское руководство не ожидало нападения со стороны СССР. Тезис В. А. Суворова о сроках планировавшегося нападения СССР на Германию (6 июля) также представляется М. И. Мельтюхову необоснованным. По его мнению, начало войны не могло быть запланировано ранее середины июля, когда должно было завершиться сосредоточение войск второго стратегического эшелона; точную же дату предполагаемого наступления, даже если она вообще была определена, а не ставилась в зависимость от обстановки, по доступным в настоящий момент документам установить невозможно.

П. Н. Бобылев в своей статье «Репетиция катастрофы»⁴⁷ подробно анализирует материалы совещания высшего комсостава в декабре 1940 года и проведённых затем в январе оперативно-стратегических игр на картах. Выполненное им исследование, основанное на ставших доступными для историков материалах декабрьского совещания и январских игр, показывает, что в ходе двух игр отрабатывались наступательные действия Красной армии соответственно на северо-западном и юго-западном направлениях. По результатам игр были внесены коррективы в стратегический план, который теперь предусматривал безусловное развёртывание главных сил к югу от Полесья, поскольку наступление на северо-западном направлении было окончательно признано бесперспективным. Оборонительные действия советских войск в начальный период войны на играх не рассматривались. Это опровергает существовавшее ранее представление о том, что в январе 1941 г. проводилась

⁴⁷ Бобылев П. Н. Репетиция катастрофы: (По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1941 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

только одна игра на картах, на которой отрабатывалось отражение вражеского нападения.

В более поздних статьях «К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году?»⁴⁸ и «Точку в дискуссии ставить рано»⁴⁹ П. Н. Бобылев развивает собственную концепцию предвоенного периода. Автор в целом придерживается традиционалистского подхода. Довоенные стратегические планы он рассматривает как планы отражения агрессии с последующим переходом в контрнаступление (занимающий более радикальную позицию М. И. Мельтюхов склоняется к тому, что положения стратегических планов 1940–1941 гг., касающиеся оборонительных действий, были всего лишь прикрытием⁵⁰). Ошибка Генерального штаба состояла в том, что эти планы были построены в соответствии с устаревшей теорией начального периода войны, предполагавшей, что между началом боевых действий и окончанием развёртывания главных сил должно пройти некоторое время. Однако соображения по плану стратегического развёртывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками от 15 мая 1941 г. представляются автору не маргинальным документом, а реакцией Генштаба на осложнившуюся обстановку на западных границах. По мнению П. Н. Бобылева, этот план можно таким образом рассматривать как план упреждающего удара с целью сорвать готовящееся нападе-

⁴⁸ Бобылев П. Н. К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // *Отечественная история*. 1995. № 5. С. 3–20.

⁴⁹ Он же. Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 41–64.

⁵⁰ Мельтюхов М. И. Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999. С. 22–28.

ние немцев. Автор не сомневается в том, что документ был утверждён Сталиным. Однако чрезмерная осторожность вождя привела к тому, что подготовка к реализации плана проводилась слишком медленно, и вторжение войск Вермахта не позволило довести эту работу до конца. Гипотезу о превентивном характере нападения Германии на СССР П. Н. Бобылев отвергает, поскольку германское руководство не ожидало советского нападения в 1941 г. Отвергает он и предположение о стремлении Сталина устроить мировую революцию силами РККА.

В. Б. Маковский⁵¹ не соглашается с тем, что майский план был утверждён политическим руководством страны, однако отмечает, что «на основе этого документа проводилось стратегическое развёртывание вооружённых сил».

В. А. Невежин в своей монографии «Синдром наступательной войны»⁵² прослеживает эволюцию советской пропаганды на протяжении 1939–1941 гг., в том числе лихорадочную перестройку пропаганды «в духе наступления» после сталинских выступлений 5 мая 1941 г., представлявшую, по его мнению, непосредственную идеологическую подготовку к предстоящей в самой ближайшей перспективе наступательной войне против Германии. В книге затрагиваются и представления советского руководства о будущей войне.

Таким образом, видно, что отказ, хотя бы частичный, от ограниченной традиционной концепции позволяет выработать самые разные подходы к изучению предыстории и начала Великой Отечественной войны,

⁵¹ *Маковский В. Б.* Прикрытие госграницы накануне войны // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 5. С. 52.

⁵² *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. 283 с.

при этом оставаясь свободным и от натяжек, свойственных произведениям В. А. Суворова. Проблема, однако, состоит в том, что основной интерес исследователей по-прежнему привлекают в основном события последних двух предвоенных лет, причём несобытийная история всё так же по большей части остаётся в тени.

Безусловно новаторской в этом отношении является диссертация В. А. Арцыбашева, посвящённая представлениям командного состава РККА о начальном периоде будущей войны⁵³. В работе подробно прослеживается эволюция представлений о начальном периоде войны на протяжении всего межвоенного двадцатилетия. В качестве объекта исследования выступает командный состав Красной армии. Хотя используемые в работе источники возникли, в основном, в ходе деятельности старшего и высшего комсостава, такую документальную базу, в принципе, можно признать вполне репрезентативной. Тщательно продумана и методика исследования, в том числе выделены составные части образа начального периода войны. Работа построена как сравнительный анализ военно-теоретических разработок, с одной стороны, и практических мероприятий, проводимых командным составом (от боевой и оперативной подготовки до стратегического планирования), с другой. В целом диссертация может рассматриваться как первое фундаментальное исследование, посвящённое истории представленных моделей (в данном случае — представлений командного состава), в период, предшествовавший Великой Отечественной войне.

Д. А. Бельков в своих работах⁵⁴ анализирует изучение в СССР опы-

⁵³ *Арцыбашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

⁵⁴ *Бельков Д. А.* Гражданская война в Испании: использование боевого опыта в совет-

та локальных войн и вооружённых конфликтов в 1936–1941 гг. и его влияние на советскую военную политику, в том числе и на представления о будущей войне.

Следует отметить также статью Н. Ю. Кулешовой, посвящённую возникновению и эволюции советской военной доктрины в предвоенный период⁵⁵. Статья содержит краткий обзор различных аспектов проблемы и может служить хорошей отправной точкой для дальнейших изысканий в этом направлении. В коллективной монографии «Отечественная военная доктрина (в историческом измерении)», подготовленной Институтом военной истории⁵⁶ также содержится раздел, посвящённый военно-доктринальным установкам советского руководства 1920-х — 1930-х гг., однако его ограниченный объём, к сожалению, не позволил авторам рассмотреть этот вопрос достаточно подробно.

Необходимо упомянуть и об исследованиях, посвящённых истории военной стратегии⁵⁷. Однако предмет этих исследований всё же довольно скромном военном строительстве (1936–1941) // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Опыт изучения и преподавания: Материалы межвузовской научной конференции, посвящённой 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 17 мая 2005 г. М., 2005. С. 235–264; *Бельков Д. А.* Опыт локальных войн 1930-х гг. и подготовка Красной Армии к войне // Вторая мировая война и современный мир: К 60-летию Великой Победы: Межвузовская научная конференция (26–27 апреля 2005 г., Москва): Материалы: [Приложение: Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., 2005.

⁵⁵ *Кулешова Н. Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история*. 2001. № 2. С. 61–72.

⁵⁶ *Отечественная военная доктрина: (В историческом измерении: от Великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина)* / Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации. М., 1996.

⁵⁷ Из последних крупных работ см. например: *История военной стратегии России* / В. О. Дайнес, А. А. Данилевич, В. А. Пронько и др.; Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000.

но сильно расходится с тематикой настоящей диссертации, поскольку основное внимание в данном случае сосредотачивается на военной теории как таковой, которая отнюдь не исчерпывается прогнозированием характера будущей войны. Как следствие, базовые представления о будущей войне рассматриваются лишь вкратце.

Подводя итог, можно говорить о том, что за 60 лет, отделяющие нас от минувшей войны, учёными была проделана огромная работа по осмыслению её истории и предыстории, прежде всего их событийной составляющей. Эти исследования начались ещё в советский период в рамках тогдашней официальной парадигмы и продолжают в настоящее время, на основе обновлённой источниковой базы, в условиях плюрализма подходов и концепций. Уже достаточно подробно изучены процессы, протекавшие в Европе и в Советском Союзе в непосредственный канун Великой Отечественной войны, политические перипетии этого периода, продолжает изучаться строительство советских вооружённых сил в межвоенный период, история военного искусства, проблемы экономической истории (в том числе становление советского военно-промышленного комплекса). Однако такая тема, как представления советского военно-политического руководства о будущей войне, и по сей день остаётся почти неисследованной. Между тем во многом именно эти представления следует рассматривать как тот системообразующий фактор, который связывает отдельные высказывания и действия в одно целое. Попытка целостного изучения данной проблемы сделана в предлагаемой работе.

Выбор источников при проведении исследования определялся, во-первых, особенностями избранной темы и, во-вторых, если можно так выразиться, особенностями нынешней российской архивной политики.

Изучение такой специфической проблемы, как представления, в особенности, если речь идёт о представлениях высших должностных лиц государства, а тем паче — такого государства, как советское, уже само по себе предполагает привлечение как можно более широкого набора источников, причём источников самых разных видов, чтобы получить максимально широкие возможности для сравнительного анализа. С другой стороны, приходится считаться с тем обстоятельством, что немалая часть архивных документов 1920-х — 1930-х гг. до сих пор остаётся засекреченной и для исследователей недоступна. В таких условиях необходимость использовать предельно широкую и разнообразную подборку источников возрастает ещё больше, поскольку было бы резонно предположить, что их компаративный анализ позволит «выжать» из имеющихся текстов максимум содержащейся в них информации и тем самым хотя бы отчасти компенсировать имеющиеся лакуны в документальной базе.

Поэтому в предлагаемой работе в качестве источников использованы как официальные документы высших военных, государственных и партийных органов, опубликованные и неопубликованные, так и публичные выступления советских руководителей, их публицистические произведения, а также военно-теоретическая литература и значительный пласт источников личного происхождения. Основной акцент при отборе источников делался на то, чтобы сформировать достаточно значительную по своему информационному наполнению подборку материалов и в первую очередь выявить и проанализировать наиболее репрезентативные с точки зрения заявленной темы исследования тексты, отложившиеся в ходе деятельности перечисленных выше личностей и организаций. Кроме того, выборочно использовались источники, прежде

всего личного происхождения, оставленные людьми, которые не входили в состав высшего военно-политического руководства, однако по роду службы участвовали в подготовке и обсуждении важных решений стратегического характера и таким образом имели возможность наблюдать со стороны деятельность первых лиц государства и армии. Хронологические рамки источниковой базы не совпадают с хронологическими рамками собственно исследования, поскольку специфика изучаемой проблемы заставляет использовать и материалы более раннего периода, чтобы иметь возможность проанализировать «унаследованные» от него представления, продолжавшие существовать и в то время, которому непосредственно посвящена данная работа.

Немаловажную группу источников составляют публичные выступления высших партийных, государственных и военных деятелей. Их тексты относятся к материалам пропагандистского характера и содержат официально декларируемые взгляды их авторов по тем или иным проблемам. Это сильно затрудняет их анализ и заставляет прилагать отдельные усилия к тому, чтобы понять истинное соотношение между концепциями, содержащимися в изучаемых речах, и подлинными представлениями самих выступавших. В ряде случаев этого можно достичь, сравнивая данные публичных выступлений с информацией, почерпнутой из других видов источников. Не менее интересные результаты можно получить, проследив изменения в содержании выступлений одного и того же человека на протяжении длительного времени. Кроме того, те официальные концепции, которые внедрялись выступавшими в сознание слушателей, сами по себе также представляют немалый интерес.

Следует отметить, что к группе публичных выступлений типологически тяготеют источники во многом весьма разнородного характера.

Так, в предлагаемой работе в числе прочих материалов используются заключительные выступления К. Е. Ворошилова на расширенных заседаниях РВС СССР и наследовавших ему органов, проводившихся осенью и посвящённых итогам боевой подготовки за истекший учебный год. Заключительное слово наркома обороны — источник специфический, во-первых, поскольку оно имеет гриф секретности и ориентировано на особую (и притом крайне узкую) аудиторию — высший командный состав, и, во-вторых, поскольку заседание РВС — всё же сугубо рабочее мероприятие, посвящённое решению частных проблем профессионального характера. Это естественно сказывается на содержании всех выступлений, включая и выступления наркома. Однако Ворошилов, будучи не только военным руководителем, но и представителем партийной элиты, затрагивал в своих выступлениях также и политические вопросы, причём соответствующие разделы его речей и по содержанию, и по стилю спокойно могут быть отнесены к той же группе источников, что и выступления «вождей» (включая самого Ворошилова) на съездах партии и других подобных мероприятиях. Характерно, что для выступлений С. К. Тимошенко, который, даже став наркомом обороны вместо Ворошилова, занимал всё же иное положение во властной иерархии, такая черта не свойственна.

Ещё один необычный источник, также используемый в данном исследовании, — это выступления и реплики Сталина на кремлёвских приёмах⁵⁸. В отличие от официальных выступлений генсека, его застольные речи произносились в более свободной и непринуждённой обстановке и поэтому характеризуются своим особым стилем и содержанием.

⁵⁸Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Неvejeва В. А. М., 2003. 543 с.

Важно и то, что они далеко не всегда предназначались для публикации и, таким образом, также были адресованы ограниченной и часто довольно узкой аудитории. Тем не менее эти речи в ряде случаев оказывались ничуть не менее важным каналом для внедрения новых идеологических установок, нежели официальные публичные выступления Сталина.

Из документов официального характера прежде всего следует назвать материалы пленумов РВС Союза, Военного совета при наркомате обороны и Главного военного совета, совещания при ЦК партии по сбору опыта Зимней войны (апрель 1940 г.) и совещания высшего состава в декабре 1940 г., а также большое количество разнообразных аналитических материалов, отложившихся в фонде Наркомата обороны.

Военно-теоретическая литература занимает особое место в общей массе источников, поскольку исследования в области военной науки составляли самостоятельный процесс, который в значительной мере протекал на более низких этажах армейской иерархии, чем те, которые рассматриваются в предлагаемой диссертации (хотя теоретическими проблемами занимались и весьма высокопоставленные военачальники, такие как М. Н. Тухачевский). Тем не менее, эта литература ни в каком случае не может быть оставлена без внимания, поскольку результаты военно-научных изысканий, несомненно, оказывали своё влияние на взгляды вышестоящего начальства (тем более, что отдельные его представители сами в этих изысканиях участвовали) и, таким образом, могут рассматриваться как косвенный источник, который также помогает понять представления высшего военно-политического руководства в целом.

Из источников личного происхождения прежде всего следует назвать мемуары ряда лиц, которые в течение того или иного периода

непосредственно входили в состав военно-политического руководства СССР или были близки к этому кругу (особенно с учётом того, что границы его по определению нечёткие). Эта группа источников содержит как воспоминания военных (Г. К. Жуков, К. А. Мерецков, А. М. Василевский), так и книгу А. И. Микояна — представителя политической элиты (можно было бы назвать также воспоминания Л. М. Кагановича, но как раз по теме данной диссертации они, к сожалению не содержат ничего интересного). Кроме того, я использую произведения некоторых авторов, занимавших перед войной менее высокое положение: как уже говорилось, такие тексты нередко содержат любопытные наблюдения со стороны. Немало интересных сведений можно найти в дневнике В. А. Малышева, воспоминаниях Б. Л. Ванникова, а также многочисленных полководцев — участников войны. В. Г. Грабин, будучи «все-го лишь» артиллерийским конструктором, неоднократно привлекался к обсуждению на высшем уровне вопросов о принятии на вооружение тех или иных артиллерийских систем, и его книга «Оружие победы» содержит множество ценных сведений о том, как принимались в то время стратегические решения в области военного строительства.

Как источник мемуарная литература обладает рядом особенностей, которые важно учитывать при анализе этих произведений. Воспоминания — источник ретроспективный. Благодаря этому они содержат связанное повествование о прошедших событиях, но это же приводит и к тому, что события межвоенного периода в них нередко рассматриваются как предпосылки к Отечественной войне. Иными словами, в мире, описанном в мемуарах, время движется к определённой цели: в 1930-е гг. — к войне, в 1941–1945 гг. — к Победе, хотя сами авторы воспоминаний, переживая описанные ими позже события, естественно, этого не осозна-

вали. Таким образом, в мемуаристике на описание событий неизбежно накладывается их позднейшая интерпретация, что само по себе делает изложение тенденциозным. Нельзя забывать и о том, что все мемуары, используемые в данной работе, испытали на себе значительное влияние как цензуры, так и, что не менее важно, самоцензуры, не говоря уже о таких явлениях, как естественное стремление мемуариста как-то оправдаться перед читателями. Тем не менее внимательный анализ воспоминаний, сравнение сообщаемой ими информации с данными других источников позволяют в какой-то степени преодолеть эти трудности.

Из архивных материалов в предлагаемой работе активно используются документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Российского государственного военного архива (РГВА). В последнем хранится значительный массив документов, отложившихся в работе различных высших органов военного ведомства, в том числе Наркомата обороны (ф. 4), Главного политического управления (ф. 9), Управления боевой подготовки РККА (ф. 31983). Среди документов фонда НКО стоит отметить прежде всего стенограммы расширенных заседаний РВС СССР, посвящённых итогам боевой подготовки за очередной учебный год, а также различные аналитические материалы, посвящённые итогам учений и манёвров, международной обстановке и т. д. Определённый интерес представляют пропагандистские материалы, отложившиеся в фонде Главного политического управления РККА. В фонде Управления боевой подготовки хранится значительный пласт документов, в том числе посвящённых тематике проводившихся учений и их результатам. В РГАСПИ представляют интерес личные фонды представителей советского военно-политического руководства. Так, в фонде К. Е. Ворошилова (ф. 74) помимо текстов

публичных выступлений и докладов маршала хранится также его переписка с другими военными и политическими деятелями по военным и другим вопросам, в том числе и переписка со Сталиным. В фонде А. А. Жданова (ф. 77) можно найти различные материалы идеологического характера, а также документы ряда совещаний по вопросам пропаганды. Стоит отметить стенограммы совещания в ЦК по вопросам художественного кинематографа, состоявшегося 14 мая 1941 г., и совещания по вопросам политической агитации, происходившего 10–14 января 1941 г. В фонде Сталина (ф. 558) представляет интерес переписка вождя по военным вопросам, проекты постановлений по военным вопросам, а также различные материалы, не вошедшие в собрание сочинений генсека. Определённый интерес представляют также фонды Коминтерна. В них можно найти самые разнообразные материалы не только идеологического, но и аналитического характера (вплоть до сообщений внешней разведки). В предлагаемой работе использованы отдельные документы из фонда 495.

В целом описанная источниковая база, несмотря на сохраняющиеся значительные лакуны, позволяет достаточно детально изучить представления военно-политического руководства СССР о будущей войне, их эволюцию и влияние на практическую деятельность советского руководства.

Структура работы обусловлена избранным предметом исследования и построена по проблемно-тематическому принципу. Диссертация содержит введение, три главы, заключение и список источников и литературы. Первая глава посвящена политической концепции будущей войны (политическая часть военной доктрины), включая цели в ней Советского Союза, состав ожидаемых противников и предполагаемые сроки на-

чала войны. Во второй главе анализируется собственно военная часть военной доктрины, включающая стратегическую и военно-техническую концепции будущей войны. Здесь же рассматриваются военно-теоретические разработки, на которых базировались эти концепции. В третьей главе разбираются оценки уровня подготовки личного состава РККА на протяжении изучаемого периода и прослеживается процесс выработки стратегических планов в 1940–1941 гг. Это позволяет раскрыть механизмы взаимосвязи между представлениями о характере будущей войны и практической деятельностью советского руководства в предвоенный период и в первые дни Великой Отечественной войны.

Глава I

Формирование советской военно-политической концепции будущей войны в 1927–1941 гг.

В составе военной доктрины традиционно принято выделять политическую сторону и собственно военную, при ведущей роли первой¹. Политическая часть военной доктрины формируется на основе общих целей и задач политики государства в целом, с одной стороны, и анализа международной обстановки, с другой, и включает такие составляющие, как представления о допустимости применения военной силы, о политическом характере будущей войны, составе вероятных противников и союзников и, наконец, о вероятных сроках начала войны. Рассмотрим эти вопросы более подробно.

¹Военная энциклопедия: В 8 т. М., 1995. Т. 3. С. 101.

1 Представления советского военно-политического руководства о политическом характере и целях будущей войны

Ожидалось, что будущая война возникнет либо как нападение коалиции крупных капиталистических государств на СССР, либо как новая война между «великими державами» за передел мира. В последнем случае представлялось весьма вероятным, что в войну попытаются втянуть и СССР. Так, в начале 1930-х гг. наиболее вероятной считалась война между Великобританией и США, которые попытаются использовать в своих целях коалиции стран, складывающиеся в Европе. Страны, победившие в Первой мировой войне (Франция, Польша, Румыния, Югославия, Чехословакия) рассматривались как потенциальные союзники Великобритании, побеждённые государства: Германия, Турция, Болгария, Австрия, Венгрия, Албания, а также Италия, «обиженная» Версалем — как союзники США².

Причиной будущей войны в официальной пропаганде объявлялось прежде всего якобы имманентно присущее капиталистическому строю стремление развиваться за счёт поиска новых внешних рынков сбыта и вывоза капитала, порождающее борьбу за сферы влияния. В качестве дополнительного фактора, «усугубляющего» предыдущий, рассматривался общий кризис капитализма, который, как предполагалось, в условиях сосуществования капиталистической и социалистической систем

²РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 88; *Молотов В. М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 20–21.

должен был принять хронический характер. «Несмотря на то, что капитализм достиг за последние несколько лет известной стабилизации, — читаем в проекте тезисов о войне и военной опасности для пленума ИККИ, составленных в мае 1927 г., — эта стабилизация носила крайне относительный характер. Пролетарская революция в России нанесла тягчайший удар мировому капитализму. Национально-революционные движения в колониях пробивают в нем новую брешь. Уже наличие этих двух факторов исключает возможность устойчивости капиталистического порядка»³. Разразившийся в 1929 г. мировой экономический кризис, казалось, подтвердил прежние прогнозы. Предполагалось, что он приведёт к обострению как «межимпериалистической борьбы», так и отношений между капиталистическими странами и СССР, ибо последний представляет собою «богатейший рынок сбыта и вывоза капитала»⁴. Даже теперь, когда кризис постепенно проходит, подчёркивалось уже во второй половине 1930-х гг., опасность войны не уменьшается, поскольку капиталисты «уже сами не верят в возможность значительного своего роста на основе развития своих внутренних сил»⁵. Называлась и другая возможная причина: «поскольку надежды на внутреннее перерождение СССР и на внутреннюю контр-революцию биты», у им-

³РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 526. Л. 2.

⁴*Сталин И. В.* Международное положение и оборона СССР // Соч. М., 1949. Т. 10. С. 49–50; *Молотов В. М.* Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ: (Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП(б) 5–7 июля 1930 г.) // Молотов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 20–21; Он же. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, 28 янв. 1935 г. // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 11–12; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 526. Л. 3.

⁵*Молотов В. М.* План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 янв. 1936 г.) // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 177.

периалистов не осталось иного способа уничтожить его, кроме войны⁶.

Позднее в качестве главных источников военной угрозы стали рассматриваться нацистская Германия, Италия и Япония. Тогда же возникло представление о том, что крупные капиталистические державы могут попытаться направить агрессию этих государств против СССР, использовать их в качестве «тарана» против Советской страны⁷. Прежде всего, разумеется, имелась в виду Германия, однако аналогичные предположения высказывались и насчёт Японии. Так, в военно-политической сводке 4-го отдела штаба ОКДВА по Японии от 25 января 1933 г. содержатся соображения о том, что Великобритания стремится использовать Японию против СССР и США, заодно тем самым отвлекая её от Тихого океана, где сосредоточены британские интересы⁸. В. М. Молотов в докладе на третьей сессии Верховного совета 31 мая 1939 г. высказал опасение, что попытки западных стран заключить договор с СССР, направленный на сдерживание Германии, могут преследовать цель столкнуть СССР с Германией, т. е., ограничив агрессию в одних районах, не препятствовать агрессии в других районах⁹. В докладе на торжественном заседании Моссовета 6 ноября 1939 г. Молотов, имея в виду заключение договора с Германией, выразил удовлетворение по поводу того, что советскому правительству удалось сорвать «кое-какие планы по расширению войны, например, путем втягивания в войну и Совет-

⁶РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 2.

⁷*Сталин И. В.* Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. // Соч. М., 1956. Т. 14. С. 326–331.

⁸РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 528. Л. 37.

⁹*Молотов В. М.* О международном положении и внешней политике СССР: Докл. пред. СНК СССР и Нар. комиссара иностр. дел т. В. М. Молотова на Третьей сессии Верховного Совета СССР, 31 мая 1939 г. М., 1939. С. 6.

ского Союза»¹⁰.

Однако, как ещё будет сказано ниже, состав ожидаемых потенциальных противников СССР в общем не претерпел существенных изменений за предвоенное десятилетие, и в 1939–1941 гг. в качестве таковых рассматривались не только Германия и её союзники, но и, например, Великобритания. Поэтому оказалось возможным возникновение в советской пропаганде тех лет и такого сюжета: Великобритания и Франция поддерживали Финляндию во время конфликта между нею и СССР, чтобы отомстить Советскому Союзу за его нежелание участвовать в их войне против Германии. Утверждалось, что эта война, как уже стало ясно, имеет ярко выраженный захватнический характер. Все лозунги о защите Польши — не более, чем пропагандистская уловка западных держав: прогнившая Польша уже давно развалилась, Германия согласна заключить мир, так что истинная цель Великобритании и Франции состоит в том, чтобы уничтожить германское государство. Линия Маннергейма подавалась как плацдарм, подготовленный британскими и французскими империалистами для нападения на Ленинград¹¹.

Какие же цели должен был преследовать Советский Союз в будущей войне? Официальная позиция советского руководства заключалась в том, что со стороны СССР война будет носить исключительно оборонительный характер. В беседе с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» Говардом 1 марта 1936 г. Сталин категорически отвергает возможность того, что СССР

¹⁰ *Молотов В. М.* Речи о внешней политике СССР. Хабаровск, 1939. С. 35–36.

¹¹ Он же. Внешняя политика правительства: Докл. пред. СНК и нар. комиссара иностр. дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. М., 1940. 20 с., ср. аналогичные высказывания А. А. Жданова: РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 886. Л. 28–33.

попытается в будущем «экспортировать» революцию в другие страны: «...Мы, марксисты, считаем, что революция произойдёт и в других странах. Но произойдёт она только тогда, когда это найдут возможным или нужным революционеры этих стран»¹². В. М. Молотов в докладе на торжественном заседании в Большом театре 6 ноября 1937 г. заявил, что у Советского Союза нет нужды в каких бы то ни было внешних авантюрах, однако правительство не забывает о возможности авантюры со стороны других государств, особенно фашистских¹³. Ещё раньше, в 1935 г., в отчётном докладе о работе правительства VII съезду советов он подчёркивал, что «мы построили за последние годы не мало укрепленных районов, с необходимым вооружением на наших западных и восточных границах», но эти вооружения «нельзя перенести с нашей территории на территорию другой страны», они «предназначены для отпора нападающим силам»¹⁴.

Тем не менее, есть основания полагать, что в действительности дело обстояло сложнее и помимо сугубо оборонительной войны допускались и другие варианты развития событий. Прежде всего, настаивают некоторые формулировки в выступлениях «вождей». Так, К. Е. Ворошилов в заключительном слове на расширенном заседании РВС СССР 25 октября 1932 г. говорит о подготовке к войне, «которую нам *навяжет* внешний классовый враг»¹⁵. Очевидно, что «навязать войну» — понятие более широкое, чем «напасть». Не менее двусмысленно высказывается и И. В. Сталин в политическом отчёте ЦК ВКП(б)

¹² Сталин И. В. Сочинения. М., 1956. Т. 14. С. 125–127.

¹³ Молотов В. М. К двадцатилетию Октябрьской революции: Докл. на торжеств. заседании в Большом театре 6 нояб. 1937 г. М., 1937. С. 14.

¹⁴ Он же. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 24.

¹⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 134об. Выделено мною.

XVI съезду партии:

«Мы не можем забыть слов Ленина о том, что очень многое в деле нашего строительства зависит от того, удастся ли нам оттянуть войну с капиталистическим миром, которая неизбежна, но которую можно оттянуть либо до того момента, пока не вызреет пролетарская революция в Европе, либо до того момента, пока не созреют вполне колониальные революции, либо, наконец, до того момента, *пока капиталисты не передерутся между собой из-за дележа колоний.*

«Поэтому сохранение мирных отношений с капиталистическими странами является для нас обязательной задачей»¹⁶.

В принципе, это высказывание, равно как и предыдущее, не исключает возможности того, что СССР может вступить в войну и по собственной инициативе — либо если войну ему «навяжут», либо если «капиталисты передерутся между собой» и советское правительство посчитает необходимым воспользоваться ситуацией.

Ещё более агрессивное заявление сделал В. М. Молотов на VII съезде советов. Упомянув о якобы имевшей место связи между убийцей Кирова и иностранной разведкой, он затем произнёс следующее:

«Но, считаясь с этим и другими имевшими место подобными фактами, мы должны, наконец, сказать по адресу тех государств, органы и представители которых не останавливаются перед посылкой террористов в СССР и перед завязыванием преступных связей с ними внутри нашей страны,

¹⁶ *Сталин И. В. Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 288–289. Выделено мною.*

что этим они серьезно испытывают наше терпение. Надеемся, что те, кого это касается, поймут, если мы скажем, что всякому терпению может притти конец»¹⁷.

Напрашивается резонный вопрос: что же произойдёт, когда «терпению придёт конец»? Не являются ли «посылка террористов в СССР и завязывание преступных связей с ними внутри нашей страны» одним из способов «навязать» войну Советскому Союзу?

Ещё один интересный случай описан в воспоминаниях Н. Г. Кузнецова:

«Запомнилось мне предупреждение Сталина: не ждать, когда враг нападёт, надо уже сейчас изучать его возможности, его уязвимые места, повышать бдительность и боевую готовность. У североморцев он спросил: „Заходят наши корабли в Петсамо? Редко? А немцы и англичане?“ Закончил разговор словами:

«— Напрасно вы редко навещаетесь туда. Петсамо — это Печенга — исконно русская земля»¹⁸.

Вряд ли подобные рассуждения уместны, когда речь идёт лишь об обороне.

Описанные тенденции сохранялись и в последние предвоенные месяцы. Любопытный пример изощёренной игры понятиями можно обнаружить в проекте приказа войскам Ленинградского военного округа «об обеспечении безопасности Ленинграда» (т. е. с объявлением о на-

¹⁷ *Молотов В. М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 26.

¹⁸ *Кузнецов Н. Г.* Накануне; Курсом к победе. М., 1991. С. 195.

чале войны с Финляндией), два варианта которого отложились в бумагах А. А. Жданова. Целью войны в документе названо обеспечение безопасности Ленинграда. Версия о стремлении СССР советизировать и аннексировать Финляндию отвергается как клеветническая. Однако в обеих редакциях приказа подчёркивается, что задача состоит не только в том, чтобы силой оружия отодвинуть границу от города, но и в том, чтобы «положить конец провокационной политике финляндского правительства», которое якобы действует по указке англичан и за последние годы превратило Финляндию в опорную базу для враждебных действий против СССР¹⁹. Какие именно меры имеются в виду, в приказе не уточняется, что, фактически, оставляет за пропагандистским ведомством полную свободу в толковании описанных положений. Стремлением положить конец враждебной политике финнов можно при желании объяснить не только разгром финской армии, но и, например, создание в стране лояльного к Советскому Союзу правительства. В последнем случае до «советизации» остаётся один шаг (что было наглядно продемонстрировано в Прибалтике несколькими месяцами позже), однако формальным мотивом для таких действий по-прежнему будет оставаться объективная необходимость в «обеспечении собственной безопасности».

Более того, лозунги об «освобождении трудящихся», «укреплении границ» (за счёт их перемещения), «расширении фронта социализма» не были сняты ни после польской и финской кампаний, ни после присоединения Прибалтики и Бессарабии. Напротив, официальная установка заключалась в том, что СССР и впредь будет проводить прежнюю политику, расширять «в любое время... когда представится это возмож-

¹⁹РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 887.

ным, позиции социализма», благо ещё Ленин считал, что новая мировая война позволит большевикам завоевать власть во всей Европе, подобно тому, как война 1914–1918 гг. способствовала захвату ими власти в России²⁰.

Здесь можно привести также слова Л. З. Мехлиса из написанной им в 1940 г. директивы военным советам и начальникам политуправлений Киевского особого и Одесского военных округов по идеологической подготовке к возможной войне с Румынией за Бессарабию:

«Войны справедливые и несправедливые. Всякая война, которую ведет государство рабочих и крестьян, является войной справедливой, войной освободительной»²¹.

Об этом же говорится и в его докладе «О военной идеологии», прочитанном 13 мая 1940 г. на совещании, созванном наркомом обороны. Мехлис ссылается на Ленина, подчёркивая преемственность между существующими установками и прежними прогнозами основателя большевистской партии о том, что «победивший пролетариат этой страны, экспроприровав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы *против* остального, капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств»²².

²⁰ Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 111–113.

²¹ Мехлис Л. [Директива военным советам и начпуокра КОВО и ОдВО] // *Военно-исторический архив*. 2006. № 2. С. 181.

²² [Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 87. Выделено в тексте.

Далее следует весьма недвусмысленный вывод:

«Речь идет об активном действии победившего пролетариата и трудящихся капиталистических стран против буржуазии, о таком активном действии, *когда инициатором справедливой войны выступит наше государство и его Рабоче-Крестьянская Красная Армия*. В этом духе нам нужно воспитывать нашу Красную Армию и весь пролетариат, чтобы все знали, что всякая наша война, где бы она ни происходила, является войной прогрессивной и справедливой»²³.

Эти слова прозвучали почти за год до знаменитой сталинской речи о переходе к «военной политике наступательных действий»...

25 июля 1940 г. главный редактор газеты «Правда» Е. А. Болтин в своём выступлении на совещании с писателями подчёркивал, что основа военной идеологии остаётся прежней: РККА, как и любая другая армия, есть инструмент войны, а не мира; война Советского Союза против любого капиталистического государства справедлива независимо от того, кто её начнёт; армию нужно готовить к наступательным боям; с представлениями о том, что мы, т. е. СССР, будем обороняться «а сами в драку не полезем», необходимо бороться; возможность того, что СССР первым нанесёт удар, не исключена²⁴.

Обсуждался и вопрос о поддержке СССР в случае войны зарубежным пролетариатом. Здесь, однако, ясности не было. Так, М. Н. Туха-

²³[Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 87. Выделено мною.

²⁴Невежин В. А. Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 134.

чевский в своей брошюре «Вопросы современной стратегии» (1926 г.) предполагает, что в будущей войне «мы неизбежно столкнёмся с таким серьёзным фактом, как социалистическое рабочее движение во враждебных нам государствах»²⁵. Эту же мысль он развивал и позже, в статье «Полевой устав 1929 года»:

«В ходе войны положение капиталистических армий будет ухудшаться. Война империалистическая будет превращаться в войну гражданскую. Хотя никто не может предсказать масштабов кривой этого развития, но тем не менее такая кривая неизбежна, и Красная армия может ее сделать еще более крутой, путем, во-первых, нанесения противнику жестоких поражений и, во-вторых, путем всей системы агитации и пропаганды, которую будет проводить через армию наша партия»²⁶.

Аналогичные мысли развивал и В. Триандафиллов в своей работе «Характер операций современных армий». Исходя из того, что будущая война потребует полного перевода всей экономики на военные рельсы (вплоть до того, что ряд отраслей промышленности, не имеющих военного значения, может вообще прекратить работу), он прогнозировал значительное падение уровня жизни и, как следствие, рост революционных настроений. «Лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую, — делал вывод Триандафиллов, — найдет в будущем более благодатную почву, чем это имело место в первой мировой войне»²⁷. Как ещё будет сказано ниже, он даже использовал этот про-

²⁵ Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 252–253.

²⁶ Он же. Полевой устав 1929 года // Красная звезда. 1929. 18 июля.

²⁷ Триандафиллов В. Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 48–53.

гноз как дополнительный аргумент в пользу «стратегии сокрушения»: нанесение сокрушительных ударов по противнику усиливает социальную напряжённость у него в тылу²⁸.

Параллельно с этим, однако, отмечалось, что размах будущих революционных потрясений в государствах-противниках СССР не следует преувеличивать, поскольку буржуазные правительства, несомненно, примут все возможные меры к тому, чтобы сохранить лояльность масс, что позволит им выставить против СССР довольно сильные армии с достаточно прочным тылом²⁹. Триандафиллов, правда, предполагал, что в случае войны и в СССР произойдёт обострение классовой борьбы, поскольку здесь ещё сильны «буржуазные элементы»; это, впрочем, не будет представлять большой опасности, так как большинство населения составляют трудящиеся, которые останутся лояльными по отношению к советскому государству³⁰.

Интересные рассуждения содержатся в уже упоминавшемся докладе Мехлиса «О военной идеологии» (13 мая 1940 г.). Анализируя опыт финской кампании, автор критикует устоявшееся представление, согласно которому в случае войны население враждебных стран восстанет против «эксплуататоров» и будет «встречать нас цветами». Наоборот, необходима тщательная политическая разведка, пристальное изучение населения соседних стран, иначе советская сторона может столкнуться с неожиданными проблемами. Симптоматично, однако, что, по убеждению Мехлиса, в Финляндии советским войскам противостояли не столько рабочие, сколько крестьяне-кулаки, к которым советская пропаган-

²⁸ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 161–163.

²⁹ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 252–253; Он же. Полевой устав 1929 года // Красная звезда. 1929. 18 июля..

³⁰ *Триандафиллов В.* Указ. соч. С. 48–53.

да ошибочно относилась как к рабочим. Похоже, Мехлис не допускал и мысли, что настоящие рабочие могут бороться против СССР³¹.

В мае 1941 г. И. В. Сталин, по-видимому, решил дополнительно «усилить» «наступательные» настроения в советской пропаганде. Результатом этого стали его знаменитые выступления 5 мая на приёме в Кремле выпускников военных академий. Хотя точной стенограммы этих выступлений, по-видимому, не существует (во всяком случае, обнаружить подобный документ в архивах до сих пор не удалось), их содержание может быть восстановлено по сохранившимся пересказам, авторы которых присутствовали на приёме. Попробуем проанализировать высказывания генсека, относящиеся к вопросу о политическом характере будущей войны, в том виде, в каком они приводятся в ряде источников.

Довольно развёрнутую цитату приводит в своём дневнике В. А. Малышев:

«Дальше т. Сталин говорил о внешней политике.

«„До сих пор мы проводили мирную, оборонительную политику и в этом духе воспитывали и свою армию. Правда, проводя мирную политику, мы кое-что заработали!.. (Здесь т. Сталин намекнул на Зап[адную] Украину и Белоруссию, и Бессарабию). Но сейчас положение должно быть изменено. У нас есть сильная и хорошо вооружённая армия“.

«И далее. . . „хорошая оборона — это значит нужно наступать. Наступление — это самая лучшая оборона“.

³¹[Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 93–94.

«„Мы теперь должны вести мирную, оборонную политику с наступлением. Да, оборона с наступлением. Мы теперь должны переучивать свою армию и своих командиров, воспитывать их в духе наступления“»³².

В дневнике Димитрова эти слова Сталина переданы более кратко:

«...Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне»³³.

Ещё один документ — т. н. «краткая запись» некоего К. В. Семенова, предположительно, сотрудника НКО, поступившая в Центральный партийный архив 18 мая 1946 г. Слова Сталина в ней переданы следующим образом:

«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную Сталинскую внешнюю политику.

«*Тов. Сталин:* Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

³²Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Неvejeва В. А. М., 2003. С. 280.

³³Там же. С. 281. Выделено в тексте.

«Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»³⁴.

Примерно так же, как ответ вождя на слова одного из генералов, описывает сталинскую речь и присутствовавший на приёме майор Евстифеев (в его версии речь идёт о начальнике Военной академии имени Фрунзе Хозине). Следует, правда, учитывать, что в данном случае мы имеем дело с показаниями, данными на допросе в немецком плену, которые, по понятным причинам, требуют предельно осторожного к себе отношения. И действительно, обращает на себя внимание то, что данный текст (я позволю себе не цитировать его полностью из-за довольно большого объёма) является значительно более развёрнутым, нежели другие, известные на данный момент, содержит ряд подробностей, отсутствующих в других текстах, и в целом, пожалуй, больше, чем другие тексты, соответствует версии о подготовке СССР к нападению на Германию, которую в то время использовала немецкая пропаганда. Тем не менее, если абстрагироваться от деталей, то можно увидеть, что основная мысль сталинского выступления, по версии Евстифеева, не отличается сколько-нибудь существенно от того, как она передаётся в других записях. Основное расхождение состоит в том, что в данной переда-

³⁴Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Невежина В. А. М., 2003. С. 289.

че Сталин изъясняется более откровенно и в более резких выражениях: «Лозунг „Да здравствует мирная политика Советского Союза!“ в настоящий момент является обывательским и реакционным. Пришло время отказаться от этой жвачки... Время понять, что лозунг мирной политики Советского государства уже отошел в прошлое. Это — оборонительный лозунг, с помощью которого Советскому Союзу удалось лишь ненамного раздвинуть свои границы на север и на запад и получить ряд прибалтийских государств с 30-миллионным населением. И это все. С этим пора кончать. С помощью этого лозунга мы больше не сможем получить ни пяди земли, которая сегодня еще принадлежит капиталистическим странам. Сегодня эту землю можно добыть только силой оружия. Вы солдаты и хорошо понимаете, что этот лозунг имел оборонительный характер и был вызван необходимостью защиты наших священных границ в условиях капиталистического окружения... Мы были свидетелями такого, что наши границы медленно отодвигались на запад и остановились в ожидании резкого рывка вперед. Время понять, что только решающее наступление, а не оборона, могут привести к победе. Советский Союз можно сравнить, к примеру, со свирепым хищным зверем, который затаился в засаде, поджидая свою добычу, чтобы затем одним прыжком настичь ее... Эра мирной политики закончилась и наступила новая эра — эра расширения социалистического фронта силой оружия. В этом суть и значение лозунга мирной политики Советского Союза на современном этапе... Тот, кто понимает этот лозунг иначе, глубоко заблуждается и ведет себя как обыватель или просто как дурак»³⁵. Появление в анализируемом документе та-

³⁵Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Неvejeва В. А. М., 2003. С. 283–285.

ких высказываний могло быть связано как с отсутствием той цензуры и самоцензуры, под влиянием которой, несомненно, находились авторы, остававшиеся в Советском Союзе, так и наличием самоцензуры иного характера, связанной с пребыванием автора в плену.

Если попытаться сопоставить приведённые выше записи речи Сталина 5 мая 1941 г. (включая, с определённой оговоркой, и показания майора Евстифеева), то следует обратить внимание на следующие обстоятельства.

Во-первых, хотя в выступлении генсека присутствуют военные термины — наступление и оборона — речь здесь явно идёт не столько о различных формах боевых действий, сколько о наступательной или оборонительной политике и о постановке соответствующих политических целей будущей войны. Советская стратегия, как ещё будет показано ниже, имела наступательный характер и в предшествующие годы.

Во-вторых, и это немаловажно, прежней «оборонительной» политике противопоставляется новая «политика наступательных действий», которая, по словам Сталина, должна прийти ей на смену. Заметим попутно, что даже «оборонительная политика» понимается здесь более чем специфически, раз приобретение ряда новых территорий путём агрессивных по сути своей действий также объявляется её результатом. Если это следует считать оборонительной политикой, то в чём же должна состоять наступательная? По-видимому, начало войны по инициативе Советского Союза из гипотетического сценария превратилось теперь во вполне реальную перспективу (тезис о такой возможности, напомним, постоянно присутствовал в советской пропаганде даже в период «оборонительной» политики). Тем более, слова о «переходе к военной политике наступательных действий» сопровождались утверждениями,

что реконструкция Красной армии уже завершена (насколько они соответствовали действительности — отдельный вопрос).

14 мая 1941 г. А. А. Жданов на совещании в ЦК по вопросам художественного кинематографа призвал работников кино воспитывать народ «в духе активного, боевого, воинственного наступления», попутно напомнив собравшимся, что СССР продолжает «линию независимости, самостоятельности и, вместе с тем, линию расширения фронта социализма, всегда и повсюду тогда, когда нам обстоятельства позволяют. Вспомните прошлый и позапрошлый годы — Прибалтика, Западная Украина, Молдавия, Северная Буковина и т. д.», — и сделал категорический вывод: «Вы отчетливо понимаете, что если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма»³⁶.

Новые идеологические установки были в основе своей зафиксированы в проекте директивы ЦК «О текущих задачах пропаганды», составленном не позднее 28 мая 1941 г., т. е. менее чем за месяц до войны. Авторы документа ссылаются на различные высказывания Ленина, общий смысл которых сводится к тому, что после победы социализма в одной стране её пролетариат «встал бы против остального, капиталистического мира... выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплуататорских классов и их государств», так что период мирного строительства следует расценивать лишь как временную передышку, поскольку «как только мы будем сильны настолько, чтобы сразить капитализм, мы немедленно схватим его за шиворот». Характерно, что первая из перечисленных цитат уже присутствовала годом раньше в докладе Мехлиса «О военной идеологии». Вывод, который следует далее в директиве, также совпадает с предложениями упомя-

³⁶РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 153.

нутого доклада и отличается такой же откровенностью:

«Итак, ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, *должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма.* До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое»³⁷.

Директива не была окончательно доработана и утверждена официально, однако, с учётом других архивных материалов, а также открытых публикаций в советской печати последних предвоенных недель, можно говорить о том, что она была де-факто действующим документом³⁸.

Видимо, в соответствии с упомянутой директивой ЦК был составлен и проект директивы Главного управления политической пропаганды Красной армии «О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время» (не позднее 9 июня 1941 г.). Документ составлен в целом в том же духе, что и предыдущий, однако, что интересно, здесь не только подчёркивается, что «возросшая политическая, экономическая и военная мощь Советского Союза позволяет нам осуществлять наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у своих границ, расширяя свои территории», и вновь говорится о необходимости «перейти от обороны к военной политике

³⁷Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Подг. В. А. Невежин // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 199–200. Выделено мною.

³⁸См. Там же. С. 193.

наступательных действий», но и отмечается, что «эта наступательная политика выразилась в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, в разгроме белофиннской авантюры»³⁹. Напомню, что даже Сталин, чья речь 5 мая стала началом описываемой кампании, относил эти территориальные приобретения к «оборонительной» политике. Это наталкивает на мысль, что в действительности граница между периодами «до и после» сталинских выступлений была, по-видимому, довольно размытой. Переход к наступательной политике начался значительно раньше, и в своём выступлении 5 мая советский диктатор лишь констатировал свершившийся факт, попутно расставив более чётко идеологические акценты и инициировав серьёзную корректировку пропаганды с целью привести её в большее соответствие с новыми политическими задачами.

Во время обсуждения проекта этой директивы на Главном военном совете 4 июня 1941 г. Жданов, объясняя новую ситуацию, также подчеркнул преемственность новой политики по отношению к прежним временам:

«Перехода от одной политики к другой нет. Ещё Ленин говорил во время первой мировой войне (так в тексте — *М. М.*) в статье „О лозунге Соединенных Штатов Европы“, что в случае необходимости, победивший пролетариат выступит даже с военной силой против капиталистических государств. Политика наступления была у нас и раньше. Эта политика была определена Лениным. Мы теперь лишь лозунг меняем.

³⁹Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Подг. В. А. Неужин // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 204.

Мы приступили к реализации ленинского тезиса»⁴⁰.

Здесь мы подходим к часто обсуждаемому вопросу о том, принял ли Сталин «политическое решение» о введении в действие майского проекта стратегического плана 1941 г., то есть о нападении на Германию. Вопрос действительно немаловажный, однако его формулировка, как представляется, нуждается в некоторой корректировке. По справедливому замечанию М. И. Мельтюхова, «авторы, любящие порассуждать о „политическом решении“, о начале войны (т. е. о нападении СССР на Германию — *М. М.*) не спешат точно определить, какой именно документ является „политическим решением“. Причём разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства»⁴¹. Таким образом, как мне кажется, было бы корректнее говорить не о «политическом решении» как разовом акте, а о степени серьёзности намерений начать войну, возрастающей по мере завершения подготовки к ней. Мы можем проследить этот процесс на примере действий германского руководства, которое не только развернуло подготовку к нападению на СССР, но и осуществило его. Серьёзность намерений Гитлера начать войну против СССР возрастала постепенно, в несколько этапов. Если первым из них можно считать приказ о разработке планов войны, отданный ещё летом 1940 г., то окончательное «политическое решение» о нападении на СССР Гитлер принял не ранее 21 июня 1941 г., когда войска, сосредоточенные на советской границе, получили последнее подтверждение того, что приказ об осуществлении вторжения от

⁴⁰Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 490.

⁴¹*Мельтюхов М. И.* Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999. С. 22–23.

10 июня остаётся в силе, и начали выдвигаться на исходные позиции для атаки. С этого момента процесс подготовки к войне стал практически необратимым. Выдвижение войск на исходные позиции раскрывало карты германского руководства, так что даже если бы фюреру и удалось в последний момент остановить начавший раскручиваться маховик войны, то эффект внезапности, на котором строились германские планы, был бы безвозвратно утерян. Советская сторона не успела завершить сосредоточение и развёртывание войск на Западном театре, поэтому вопрос о таком серьёзном шаге, как приказ войскам осуществить вторжение на вражескую территорию, просто не мог ещё возникнуть.

С представлениями о политическом характере будущей войны тесно связана ещё одна группа представлений — о мировой революции. Последние в конце 1930-х гг. претерпели серьёзные изменения, позволяющие говорить о том, что на рубеже десятилетий «большевистское руководство окончательно осознало всю призрачность стратегических расчётов на „мировую революцию“ как на основное средство для уничтожения „капиталистического окружения“». Сталин подошёл к делу более прагматично, охарактеризовав наступательные действия Красной Армии против сопредельных стран как „дело мировой революции“»⁴². Впрочем, эта установка не была принципиально новой. Ещё в начале 1920-х гг., во время дискуссии о будущей военной доктрине М. В. Фрунзе опирался на тезис о том, что наступление советских войск приведёт к революционному восстанию рабочих. Ему возражал Троцкий, предполагавший, что революция в других странах должна осуществляться их внутренними силами, а не частями РККА. Советская интервенция,

⁴² *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 253, ср. с. 67–70.

по его мнению, если и была возможна, то лишь в условиях нового революционного подъёма⁴³. По-видимому, Сталин просто вернулся к уже существовавшей идее, посчитав, что материальная база для её осуществления уже заложена⁴⁴. Интересно его высказывание на ужине в годовщину смерти Ленина 21 января 1940 г.:

«Мировая революция как единый акт — **ерунда**. Она происходит в разные времена в разных странах. Действия Красной Армии — это также дело мировой революции»⁴⁵.

Правда, теперь акцент, по-видимому, сместился именно на роль Красной армии.

Следует также учитывать, что примерно в это же время происходила постепенная трансформация советской идеологии от коммунистического интернационализма в чистом виде к своеобразному советскому патриотизму с немалой составляющей русского национализма. Советский Союз, как «родина мирового пролетариата» и «колыбель мировой революции», получил центральную роль в будущей борьбе за наступление социализма. Мы можем проследить этот процесс, например, по тому, как эволюционировал образ врага в советском кинематографе описываемой эпохи⁴⁶, а также по предвоенным высказываниям Сталина на кремлёвских приёмах. Л. З. Мехлис в докладе «О военной идеоло-

⁴³ Кулешова Н. Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история*. 2001. № 2. С. 62–65.

⁴⁴ Там же. С. 65–69.

⁴⁵ Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Неvejeва В. А. М., 2003. С. 229. Выделено в тексте. Оригинал — запись в дневнике Димитрова.

⁴⁶ Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // *Отечественная история*. 2003. № 6. С. 32, 42–43.

гии» (май 1940 г.) призвал не злоупотреблять лозунгом об освободительной роли РККА и предложил сделать пропаганду более патриотичной. Он привёл конкретные примеры: во время боёв на Халхин-Голе лозунг о помощи Монголии был непонятен многим красноармейцам, особенно призванным из запаса (бойцы не понимали, зачем СССР понадобилось заключать союз с Монгольской Народной Республикой); лозунг об освобождении финских трудящихся, использованный в начале Зимней войны, также не нашёл в армии достаточной поддержки. Напротив, когда на Халхин-Голе советская пропаганда сделала акцент на том, что, обороняя территорию Монголии, советские войска защищают и свои собственные границы, не позволяя Японии использовать монгольские земли как плацдарм против СССР, это оказало по-настоящему действенное влияние на волю бойцов и командиров к победе. То же произошло и на финском фронте, когда акцент был сделан не на интернационализме, а на необходимости защитить от врага Ленинград⁴⁷. Подводя итог, Мехлис потребовал «прекратить неправильное освещение интернациональных задач Красной Армии и разъяснить личному составу, что наша главная и основная задача — это активная защита Советского Союза»⁴⁸. Он также призвал прекратить охаивание царской армии, уделять больше внимания изучению русской военной истории, популяризировать «достижения таких замечательных генералов царской армии, как СУВОРОВ, КУТУЗОВ, БАГРАТИОН, которые останутся всегда в памяти народа как великие русские полководцы и которых чтит Красная

⁴⁷[Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 90–91.

⁴⁸Там же. С. 96.

Армия, унаследовавшая лучшие боевые традиции русского солдата»⁴⁹. Таким образом, ещё до нападения немцев было положено начало постепенному возврату к традиционной имперской идеологии, активная фаза которого началась уже в период Отечественной войны. Начальник Управления пропаганды и агитации ЦК Г. Ф. Александров в своём выступлении на совещании в ЦК по вопросам политической агитации 14 января 1941 г. пошёл ещё дальше, предложив следующее определение большевистского интернационализма:

«Все люди на земле братья, это толстовство, а не большевизм. Интернационализм большевизма не исключает национальную гордость, не исключает национализм. В каком смысле? В том, что без любви своей родины (так в тексте — *М. М.*), своей нации, без гордости своей национальности, никакого интернационализма не может быть и вообще исключена борьба интернационализма и национальной гордости, национального достоинства. Укрепляя национальную гордость в наших условиях, когда мы имеем единственную социалистическую родину, кричать только об интернационализме в том духе, что все люди братья, — это небольшевистское, неправильное, немарксистское толкование»⁵⁰.

Итак, несмотря на официальные декларации о подготовке исключительно к отражению возможной агрессии, представители военно-политического руководства СССР на протяжении рассматриваемого перио-

⁴⁹ [Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 92–93.

⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 4. Д. 27. Л. 243–244.

да постоянно допускали возможность начала будущей войны по инициативе самого Советского Союза, если такой шаг окажется необходимым или просто целесообразным с точки зрения складывающейся обстановки. Не менее устойчивым было и представление о взаимосвязи будущей войны с мировой революцией, хотя конкретное содержание этого тезиса со временем изменялось. Однако, чтобы проанализировать описанные проблемы более тщательно, необходимо сначала проследить, как эволюционировали в описываемое время представления советского военно-политического руководства о составе вероятных противников в будущей войне.

2 Состав потенциальных противников и их оценка военно-политическим руководством СССР

«Список» потенциальных противников в течение предвоенного периода претерпел определённые изменения, впрочем, не столь принципиальные, как может показаться на первый взгляд. Посмотрим, как протекал этот процесс.

По данным за конец 1920-х — начало 1930-х гг., в этот период в качестве вероятного противника СССР рассматривалось практически любое буржуазное государство. В 1926 г. М. Н. Тухачевский, в ту пору — начальник штаба РККА, в своём докладе «Вопросы современной стратегии» предполагал, что Советскому Союзу, вероятнее всего, придётся иметь дело с коалицией западноевропейских государств или же с восточноевропейскими странами, созданными «западноевропейским капи-

талом» на советских границах и воспитанными в духе враждебности по отношению к якобы «великодержавному» СССР⁵¹.

В качестве основных потенциальных противников рассматривались ведущие государства капиталистической Европы. Так, в проекте тезисов о войне и военной опасности, подготовленных в мае 1927 г. для пленума ИККИ, «фактором, наиболее угрожающим делу мира» в данный момент, названа Великобритания⁵². В то же время, известно, что в начале 1930-х гг. Сталин главным источником угрозы называл Францию, характеризуя её как «самую агрессивную и милитаристскую страну из всех агрессивных и милитаристских стран мира»⁵³. Среди потенциальных противников Советского Союза упоминались и Соединённые Штаты⁵⁴. Предполагалось также, что для нанесения первого удара по СССР и прикрытия собственной мобилизации «великие державы» будут использовать вооружённые силы коалиции государств — его непосредственных соседей (Швеция, Финляндия, страны Прибалтики, Польша, Чехословакия, Румыния). Считалось, что главенствующее положение в этой коалиции займёт Польша⁵⁵. Швеция и Чехословакия рассматривались как военно-промышленная база этой коалиции. Кроме того, ожидалось, что англичане попытаются использовать своё влияние на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы превратить Турцию, Персию, Афганистан и Индию в плацдарм для нападения на СССР. Опасения вызывала и Япония. Предполагалось, что в будущей войне она попыта-

⁵¹ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 253.

⁵² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 526.

⁵³ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 12. С. 255–257.

⁵⁴ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 165; *Молотов В. М.*

В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 148–149.

⁵⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 10, 44–45, 55–79. Ср.: *Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 102.

ется использовать ресурсы Китая⁵⁶.

В марте 1931 г. В. М. Молотов в докладе на VI съезде советов обрисовал общую картину отношений Советского Союза с другими странами. По его словам, нормальные отношения сохранялись, в частности, с Италией, Турцией, Афганистаном, скандинавскими странами, а также с Германией, несмотря на отдельные проблемы, и даже с Японией (как выяснится позднее, перемены здесь были уже близко). Нормализовались отношения с Великобританией. Напряжёнными Молотов назвал отношения с Францией, Польшей, Финляндией, Эстонией и Латвией (но не с Литвой). С Соединёнными Штатами нормальные отношения в то время отсутствовали, однако в этой части доклада содержится, пожалуй, меньше всего намёков на возможность войны⁵⁷.

Япония после захвата ею Маньчжурии в 1931 г. стала восприниматься как самый непосредственный источник военной угрозы⁵⁸. При этом, впрочем, подчёркивалось, что угроза со стороны прочих капиталистических стран продолжает существовать. Более того, если войну с Японией ещё можно представить себе как локальную, то в случае конфликта на западных границах Советскому Союзу придётся противостоять, по крайней мере, всей Европе⁵⁹.

С приходом к власти в Германии нацистов акценты постепенно начинают смещаться. 28 декабря 1933 г. в докладе на сессии ЦИК СССР Молотов сделал ещё один обзор отношений Советского Союза с другими странами. Были восстановлены отношения с США. Улучшились

⁵⁶РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 379. Л. 55–79, 90.

⁵⁷*Молотов В. М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 151–157.

⁵⁸РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 131–132; *Молотов В. М.* В борьбе за социализм. С. 461–462.

⁵⁹РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 140.

отношения с Польшей и Францией (обеим странам в докладе посвящено всего по одному абзацу, без всяких намёков на опасность войны). Отношения с Великобританией Молотов охарактеризовал как благоприятные, несмотря на отдельные проблемы. Он упомянул также о сохраняющейся напряжённости в отношениях с Японией и об охлаждении в отношениях с Германией. Обе страны в докладе обозначены как источник военной угрозы (Япония — как действительный, Германия — скорее как потенциальный в перспективе). Молотов специально остановился на выходе обеих стран из Лиги наций как свидетельстве их агрессивных намерений. Отношения с Италией в докладе охарактеризованы как нормальные, в качестве источника угрозы она не рассматривается⁶⁰.

И всё же примерно до середины 1930-х гг. Германии в ряду врагов СССР отводилась только вспомогательная роль. Главным потенциальным противником в это время ещё называли Великобританию. Говорилось также о том, что английские империалисты попытаются заключить союз с нацистами, чтобы, воспользовавшись их экспансионистскими замыслами, использовать Германию в своей борьбе против советского государства⁶¹. Франция и союзные ей страны Восточной Европы временно перестали рассматриваться как потенциальные противники. Считалось, что они не решатся нападать на СССР в условиях возникшей угрозы со стороны Германии. С другой стороны, по-прежнему большую тревогу вызывала Япония, которая, предположительно, также могла быть использована англичанами для провокаций против Советского Союза⁶². Указывалось и на угрозу со стороны стран Скандина-

⁶⁰ Молотов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 483–486.

⁶¹РГВА. Ф. 9. Оп. 35. Д. 97. Л. 14–16.

⁶²РГВА. Ф. 9. Оп. 35. Д. 97. Л. 14об.

вии и Прибалтики, которые могли оказаться под германским влиянием, и стран Среднего Востока, находившихся под влиянием Британской империи⁶³.

Только с середины 1930-х гг. в качестве основных потенциальных противников стали рассматриваться Германия и Япония. Последняя вначале вызывала бóльшие опасения⁶⁴, затем этот акцент исчез⁶⁵. В число потенциальных противников снова была включена Польша⁶⁶, а также Финляндия, страны Прибалтики и Юго-Восточной Европы — теперь уже как предполагаемая германская сфера влияния⁶⁷. Великобритания отошла на второй план, хотя и она продолжала упоминаться как потенциальный противник⁶⁸. Н. Г. Кузнецов, который в этот период командовал крейсером «Червона Україна» Черноморского флота, пишет, что в то время наиболее вероятными противниками СССР в возможной войне считались Германия, Италия, а также Великобритания и Турция, отношения с которой начали портиться⁶⁹. В докладе IV управления

⁶³РГВА. Ф. 9. Оп. 35. Д. 97. Л. 14об–17.

⁶⁴*Сталин И. В.* Беседа с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейперс Рой Говардом 1 марта 1936 г. // Соч. М., 1956. Т. 14. С. 124–125; *Уборевич И. П.* Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус. воен. окр. командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещ. в Зап. обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 10. С. 38.

⁶⁵См. например: *Молотов В. М.* 21-я годовщина Октябрьской революции: (Докл. на торжеств. заседании Моск. Совета 6-го нояб. 1938 г.). М., 1938. С. 11–13.

⁶⁶Он же. Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, 28 янв. 1935 г. // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 14; Он же. План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 янв. 1936 г.) // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 170–174; РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 159, 165.

⁶⁷РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 159; *Молотов В. М.* План и наши задачи. С. 170–172.

⁶⁸РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 500.

⁶⁹*Кузнецов Н. Г.* Накануне; Курсом к победе. М., 1991. С. 94.

Штаба РККА «Вероятное развитие иностранных воздушных флотов к весне 1936 г.» (не позднее 1 марта 1934 г.) в таблицах, посвящённых состоянию ВВС «сопредельных государств», приводятся данные по Японии, Польше, Румынии, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве⁷⁰. В таблицах же, описывающих состояние авиации «великих держав (возможных противников СССР)», содержатся данные по Великобритании, Франции, Германии и Японии⁷¹.

Интересные рассуждения о возможном сценарии войны на Западном театре содержатся в показаниях М. Н. Тухачевского 1937 г. Наиболее вероятной ему казалась война с Германией и Польшей, хотя он и отмечает, что ещё совсем недавно (видимо, имеется в виду время до прихода Гитлера к власти) в качестве потенциального противника рассматривалась только Польша, а Германия представлялась, скорее, потенциальным союзником. Относительно прибалтийских государств маршал предположил, что они будут сохранять нейтралитет, или же Гитлер попытается оккупировать их, чтобы создать плацдарм для дальнейшего наступления против СССР или (что гораздо более вероятно) для удара в тыл войскам Белорусского фронта, наступающим в Польше. Среди потенциальных противников в документе названа и Финляндия. Предполагается также, что ещё до войны с СССР Гитлер оккупирует Румынию и Чехословакию; в противном случае Румынию следует рассматривать в качестве потенциального противника, а Чехословакию — как потенциального союзника. Кроме того, по словам маршала, необходимо считаться с опасностью быть вовлечёнными в войну на два фронта: на

⁷⁰РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 103–104.

⁷¹РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 106–109.

Западе и на Востоке (очевидно, имеется в виду Япония)⁷².

На рубеже 1930-х — 1940-х гг. первое место в ряду потенциальных противников заняла Германия. В протоколе № 2 заседания ГВС РККА, происходившего 29 марта — 1 апреля 1938 г., в разделе, посвящённом состоянию Киевского военного округа, командованию округа, в частности, предписывается «принять необходимые меры для приведения в мобилизационную готовность типографий и всего необходимого (шрифты, бумага и пр.) для издания в военное время газет и литературы на немецком, польском и румынском языках. Подобрать теперь же необходимые кадры литераторов на указанных языках». Также предписывается активизировать деятельность разведки, «особенно в приграничной полосе Польши и Румынии»⁷³.

Однако в целом список потенциальных противников всё же остался прежним. Несмотря на явную смену акцентов, западные демократии, и прежде всего Великобритания, не были исключены из числа предполагаемых источников внешней угрозы. Так, К. А. Мерецков пишет, что летом 1939 г., когда он командовал войсками Ленинградского военного округа, «главными врагами социализма» были Германия, Великобритания, Франция и США; предполагалось также, что они могут втянуть в антисоветскую коалицию Финляндию и страны Прибалтики⁷⁴. Включение в этот краткий перечень Соединённых Штатов, правда, вызывает определённые сомнения; во всяком случае, судя по другим материалам, нарождающаяся заокеанская сверхдержава в довоенный период ещё не

⁷²1937. Показания маршала Тухачевского // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63.

⁷³Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 25.

⁷⁴*Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 171.

воспринималась как серьёзный источник военной опасности для СССР, так что подобная характеристика США Мерецковым может рассматриваться скорее как экстраполяция на предвоенный период представлений, рождённых «Холодной войной». Однако на присутствие в списке Англии и Франции стоит обратить внимание. Н. Г. Кузнецов упоминает в своих мемуарах, что на Дальнем Востоке в то время не исключали и возможность нападения японцев.

Ещё один характерный образчик антианглийской риторики представляет собою сохранившийся в бумагах А. А. Жданова черновик приказа войскам Ленинградского военного округа о начале войны с Финляндией. Последняя, согласно тексту документа, управляется «приказчиками английского империализма», действующими «по указке враждебных Советскому Союзу государств»⁷⁵.

В 1940 г. при разработке стратегических планов на случай вступления СССР во Вторую мировую войну в Генеральном штабе исходили из того, что главным потенциальным противником является Германия, которую могут поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия на Западе, Турция на Юге (при вероятном вооружённом нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана) и Япония на Востоке. Об этом говорится как в августовском⁷⁶, так и в сентябрьском⁷⁷ проектах стратегического плана 1940 г. (последний из них в доработанном виде был утверждён 15 октября как основы развёртывания вооружённых сил СССР на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы). И. В. Сталин ещё 21 января 1940 г. в разговоре на ужине в годовщину смерти Ленина упоминал

⁷⁵РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 887. Л. 2, 6.

⁷⁶1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 181.

⁷⁷Там же. С. 237.

о том, что «мы даже очень довольны, что освободимся от какой-либо дружбы с Турцией»⁷⁸.

Несмотря на договор о ненападении с Германией, в кругу близких соратников генсек продолжал подчёркивать, что она остаётся источником военной угрозы⁷⁹. С лета 1940 г. начали предприниматься осторожные шаги по возобновлению антигерманской пропаганды. Этот процесс усилился на рубеже 1940–1941 гг., а ещё больше — после 5 мая 1941 г.⁸⁰. По воспоминаниям Э. Муратова, присутствовавшего в этот день на приёме в Кремле выпускников военных академий, Сталин в своей речи не просто назвал Германию одним из потенциальных противников СССР, но и подчеркнул (возражая, опять-таки, против лозунга о советской миролюбивой политике), что Гитлер готовится к войне с Советским Союзом, и необходимо дать ему отпор⁸¹.

В то же время нарком обороны С. К. Тимошенко в заключительном слове на совещании высшего состава РККА в декабре 1940 г. подчеркнул, что «мы имеем несколько театров возможной войны, кроме Западного, такие как: *Ближневосточный, Средневосточный, Дальневосточный, Прибалтийско-Скандинавский*»⁸². Упоминание о Ближнем и Среднем Востоке, по-видимому, представляет собою намёк на возможность войны с Великобританией. По некоторым данным, в течение

⁷⁸Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Невежина В. А. М., 2003. С. 230; оригинал текста — дневник Димитрова.

⁷⁹Там же. С. 235.

⁸⁰*Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 129–132.

⁸¹Застольные речи Сталина. С. 291–292.

⁸²Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 349; выделено мною.

1940 г. в СССР действительно проводилась подготовка к такой войне⁸³.

Ещё один любопытный документ — это сохранившийся в бумагах Сталина проект постановления ЦК и СНК о подготовке лётно-технического состава ВВС Красной армии, представленный Наркоматом обороны и датированный 16 февраля 1941 г. Собственно проект постановления сопровождается рядом приложений, содержащих, помимо всего прочего, перечни конкретных требований, которым должна удовлетворять подготовка лётно-технического состава ВВС. Так, профиль подготовки командира бомбардировочной и истребительной авиации (приложение № 3) предписывает «знать организацию, тактику и технику ВВС Англии, Германии, Турции и Японии»⁸⁴. Аналогичное требование содержится и в профиле подготовки командира авиационного штаба в военном училище штабных командиров ВВС Красной армии (приложение № 6); в соответствующем пункте профиля перечисляются те же страны, что и в предыдущем случае⁸⁵. Интересно, что в одном деле с упомянутым проектом постановления ЦК и СНК хранятся также предложения совещания высшего начальствующего состава ВВС, в том числе и предложения по содержанию подготовки для различных специальностей. В частности, предлагаемый минимум знаний и умений для командира звена дальнебомбардировочной авиации (приложение № 6 к предложениям совещания) предписывает знать лётно-технические данные и вооружение основных типов истребителей Англии, Германии, Японии и «Америки»⁸⁶, а объём знаний для командира эскадрильи ДБА (при-

⁸³ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 117–125.

⁸⁴РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 439. Л. 18.

⁸⁵РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 439. Л. 21.

⁸⁶РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 439. Л. 135.

ложение № 8) — организацию лётных частей до авиадивизии и им соответствующих Англии, Германии и Турции, а также лётно-технические данные основных типов самолётов этих стран⁸⁷.

Таким образом, можно констатировать, что на протяжении 30-х гг. первоначальная тенденция объявлять потенциальными противниками все буржуазные государства, вполне соответствующая официальной советской идеологии, постепенно уступала место более адекватному представлению о том, что основными источниками военной угрозы являются государства, действительно проводящие агрессивную внешнюю политику — прежде всего Германия и Япония. Однако прежняя тенденция, в соответствии с которой главным потенциальным противником оставалась Великобритания, не исчезла окончательно даже в 1940–1941 гг., когда гораздо более реальной была угроза со стороны Германии, что, по-видимому, не было просто идеологической уловкой и отражало действительное недоверие советского руководства по отношению к западным демократиям.

3 Предполагаемые сроки начала будущей войны

Официальная концепция, отражённая как в мемуарах, так и в синхронных источниках (публичных выступлениях и архивных материалах) состоит в том, что на всём протяжении 1930-х гг. война ожидалась буквально со дня на день. Как пишет, к примеру, А. М. Василевский, на рубеже 1920-х — 1930-х гг. «каждый командир, комиссар Красной Ар-

⁸⁷РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 439. Л. 139.

мии знали, что не сегодня, так завтра нам предстоит стать на защиту нашей Родины»⁸⁸. В. Г. Грабин в своих воспоминаниях утверждает, что это представление сохранялось на всём протяжении 1930-х гг.⁸⁹ Об этом же говорится и в проекте тезисов о войне и военной опасности, подготовленных в мае 1927 г. для пленума ИККИ. Авторы документа подчёркивают:

«... Установившееся за последние годы относительное равновесие, как между империалистическими державами, с одной стороны, так и империалистическими державами и СССР и освобождающимися (Китай), с другой стороны все больше прерывается открытыми военными конфликтами, означающими приближение конца этого равновесия и нарастания условий для новой империалистической войны»⁹⁰.

Аналогичная информация содержится и в публичных выступлениях советских «вождей». Так, ещё в речи на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г., посвящённой международному положению СССР, Сталин говорит:

«Что значит теперь говорить о „возможности“ войны? Это значит тянуть нас, по крайней мере, лет на семь назад, ибо еще лет семь назад говорил Ленин, что война между СССР и капиталистическим миром возможна... Что значит говорить теперь, что война **становится** неизбежной? Это значит тянуть нас, по крайней мере, года на четыре назад, ибо

⁸⁸ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 76.

⁸⁹ См. например: *Грабин В. Г.* Оружие победы. 2-е изд., испр. М., 2000. С. 15–16, 53–54, 120, 205–206, 274, 351–352.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 526. Л. 2.

мы еще в период керзоновского ультиматума говорили, что война становится неизбежной. . . Зиновьев утверждал здесь, что Бухарина „толкнул“ написать его тезисы в духе вероятности и неизбежности войны тов. Чичерин. Я спрашиваю: кто „толкнул“ Зиновьева написать статью о **возможности** войны теперь, когда война стала уже неизбежной?»⁹¹.

В. М. Молотов в своём докладе на VI съезде советов в марте 1931 г. подчеркнул, что, поскольку экономический кризис в капиталистических странах продолжает углубляться, в то время как в СССР успешно (вопреки иностранным прогнозам) выполняется пятилетний план, империалисты продолжают готовиться к войне с пролетарским государством. Интервенция, по словам Молотова, уже планировалась и на 1930 г., и на 1931 г. Конфликт на КВЖД тоже был попыткой развязать войну. Пока столкновения удаётся избежать, но в будущем улучшения ситуации не предвидится. Общая мысль выступления сводится к тому, что война может начаться в любой момент⁹². Впрочем, как выясняется ниже, основанием для столь нерадостных выводов послужили. . . результаты недавних процессов против Промпартии и меньшевиков⁹³.

Аналогичные предположения высказывались и в последующее время. В 1936 г. Сталин на вопрос Говарда о том, когда может разразиться война, ответил:

«Это невозможно представить. Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто на-

⁹¹ *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949. Т. 10. С. 47–48. Выделено в тексте.

⁹² *Молотов В. М.* В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 131–151.

⁹³ Там же. С. 192.

чинаются»⁹⁴.

Пропагандистская машина работала и на более глубинном уровне. Протоколы пленумов РВС Союза не публиковались в открытой печати, как выступления Сталина или Молотова на съездах. Тем не менее, если почитать тексты выступлений наркома обороны К. Е. Ворошилова на этих пленумах, сразу бросается в глаза их очевидное сходство — и по содержанию, и по стилю — с открытыми пропагандистскими материалами. Рассмотрим несколько примеров. 26 октября 1931 г.:

«На прошлогоднем заседании РВСС мы вынуждены были с тревогой сообщить вам о планах внутренних контрреволюционных организаций, готовивших совместно с генеральными штабами некоторых капиталистических стран новую интервенцию против нас. Конец 1930 года представлял большую опасность с точки зрения вовлечения империалистами нашего государства в войну.

«Но в силу ряда причин, а главное, вследствие разумной международной политики нашей партии и правительства, неизменного роста всей страны, в целом, и мощи Красной армии, — опасность была снова **отодвинута**»⁹⁵.

25 октября 1932 г.: «Действительность подтвердила наши опасения. В конце прошлого и начале этого года **мы находились под прямой**

⁹⁴Сталин И. В. Сочинения. М., 1956. Т. 14. С. 124. Ср. Молотов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. С. 73; Он же. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. С. 12.

⁹⁵РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 11. Л. 113об. Выделено в тексте.

угрозой войны против нас»⁹⁶. В ноябре 1933 г. менее жёстко: «Таким образом, очевидно, что, по крайней мере, на ближайшие месяцы, а может быть даст нам господь бог наш большевистский и на предстоящий год, международная обстановка, как видите складывается для нас не совсем плохо». Но тут же далее следует: «Это не значит, однако, что наше Правительство и наша партия, государство и весь народ не понимает всей остроты положения, которая была, есть и будет до тех пор, пока мы будем являться островком социализма в море, правда, довольно грязном, гниющем, но тем не менее все же море капиталистических государств, в море капиталистического мира»⁹⁷. И так далее. Как видим, из года в год повторяется уже знакомый мотив: до тех пор, пока существует капиталистическое окружение, война может вспыхнуть в любую минуту; просто в данный момент мудрая политика партии и правительства, умело использующая противоречия между капиталистическими странами, позволяет оттянуть её начало. Но в данном случае в качестве аудитории выступает уже высший командный состав армии — лица, присутствующие на заседании, и лица, которые потом ознакомятся с текстами протоколов. Ещё более узкой аудитории адресованы протоколы разбора окружных манёвров: речь идёт об обсуждении в рабочем порядке частных, сугубо профессиональных проблем, имеющих ещё меньшее отношение к международной обстановке, чем вопросы, обсуждаемые на пленумах РВС Союза. Тем не менее, даже речь командующего войсками округа на таком обсуждении могла содержать рассуждения о внешней опасности и о том, что «угроза вой-

⁹⁶РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 131. Выделено в тексте.

⁹⁷РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 367–368.

ны стоит у ворот наших границ»⁹⁸.

Как видим, и здесь мы имеем дело с источником типично пропагандистского характера (во всяком случае, в части, посвящённой политическим аспектам будущей войны). Но есть и разница. Протоколы пленума РВС — документ совершенно секретный, они хранятся «на правах шифра», после пленума рассылаются в военные округа в нужном количестве экземпляров и там выдаются для ознакомления чётко определённым кругу лиц, выдаются под расписку, без права делать выписки, после ознакомления лишние экземпляры подлежат уничтожению. Это не только ограничивает их читательскую аудиторию, но и предполагает иной характер восприятия.

Но и это ещё не всё. Довольно интересный пассаж есть в выступлении К. Е. Ворошилова на пленуме Военного совета при наркомате обороны 27 ноября 1937 г. Общий смысл этого фрагмента, посвящённого недавно «раскрытому» «заговору» высших военачальников, состоит примерно в следующем. Заговор был организован иностранными разведками в ходе подготовки к войне против СССР. Поскольку границы Советского Союза хорошо защищены и пересечь их сложно, враги вошли в контакт со «всеми этими троцкистскими, бухаринскими элементами, всеми этими троцкистами, всеми этими бухаринцами, зиновьевыми, пятаковыми, гамарниками, якирами, путными, Тухачевским и многими другими», которые уже давно не были большевиками, а представляли собою «озлобленных бешеной пеной брызжущих элементов, которые ходили, шушукались, критиковали». С началом войны заговорщики должны были поднять мятеж в тылу у Красной армии. Если бы заго-

⁹⁸РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1470. Л. 255. Выступление А. И. Егорова, в то время комвойска-ми БВО, на разборе окружных манёвров 1930 года.

вор не был вовремя раскрыт, была бы война. «А войну, — продолжает Ворошилов, — обещали в 1935 г., в 1936 г. и начале 1937 г. обязательно. Война сорвалась». И далее: «И вот почему мы имеем теперь возможность еще год, а может быть пару лет спокойно работать на подготовку Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Войну нам сейчас не навяжут, потому что сейчас мы вычистили этих господ»⁹⁹. Итак, неожиданно выясняется, что «войну обещали в 1935 г., в 1936 г. и начале 1937 г. обязательно»... заговорщики, которые действовали по наущению иностранных разведок! О своих собственных аналогичных «обещаниях» нарком обороны предпочитает теперь не вспоминать. Между тем в декабре 1935 г. он сам признавал: «Я отлично понимаю, что положение наших бойцов и начсостава нелегкое. В течение ряда лет мы держим народ в напряжении, а войны нет и нет. Понятно, что известная психологическая реакция в этих условиях неизбежна; мы должны систематически работать над тем, чтобы эта реакция не оказалась для нас большим злом»¹⁰⁰ — то есть работать над тем, чтобы эффект от пропаганды не снижался. Но прошло два года, и прежние разговоры о войне списываются на происки врагов.

Впрочем, когда дело доходило до взвешенного анализа обстановки (и вовсе не обязательно в секретных документах), сразу оказывалось, что ситуация далеко не столь тревожная. Так, В. Триандафиллов, рассуждая о технических аспектах будущих войн, предполагает, что создание в восточноевропейских государствах авиации численностью 800–1000 самолётов, способной выделить до 300 машин для разведки и при этом сохранить ещё 500–700 для боевого применения, т. е. авиации, спо-

⁹⁹РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 497–498.

¹⁰⁰РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 159

собной регулярно, а не эпизодически, участвовать в боевых действиях, хотя бы на отдельных направлениях — «дело ближайших двух-трёх лет. Поскольку война не ожидается завтра, появление такого количества самолетов на нашей западной границе не только не исключено, но и вероятно»¹⁰¹.

Обсуждение в 1927 г., т. е. в самый разгар «военной тревоги», необходимости разработать пятилетний план экономического развития, а также пятилетний план строительства вооружённых сил, вообще говоря, свидетельствует о том, что в ближайшие годы никакой войны не ожидалось. Подтверждение этому содержится и в переписке М. Н. Тухачевского, который в это же время в письме А. И. Микояну заметил, что Штаб РККА в своей работе руководствуется как раз предположением о невероятности войны до окончания пятилетки, поскольку в ином случае разрабатывать пятилетний план было бы просто бессмысленно¹⁰².

По-видимому, несколько сложнее обстояло дело в начале 1930-х гг. Судя по отдельным упоминаниям в имеющихся документах, захват Японией Маньчжурии не только привёл к включению Страны восходящего солнца в число основных вероятных противников СССР, но и породил опасения о том, что в ближайшей перспективе между двумя странами возможно военное столкновение. Об этом, в частности, говорится в письме Сталина Ворошилову от 27 ноября 1931 г. Сталин предполагает, что Япония попытается в будущем продолжить движение не только на юг (захват Пекина), но и на север, чтобы, захватив советский Дальний Восток и, возможно, Монголию, улучшить таким обра-

¹⁰¹ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 77.

¹⁰² *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 57–58, см. также с. 83, 87.

зом своё международное положение и заодно создать прочную базу для будущей войны с Соединёнными Штатами. «Возможно, — пишет генсек, — что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку», тем более, что, как ему представляется, японцы сами считают, что уже через два года Советский Союз сумеет в достаточной степени укрепить свои дальневосточные рубежи, и ещё существующая благоприятная возможность будет Японией утеряна¹⁰³. Любопытные сведения содержатся также в письме И. П. Уборевича Г. К. Орджоникидзе от 17 августа 1936 г. Уборевич упоминает, что «чертовски боялся войны в 1930 и 1931 годах», причём это, по его мнению, может послужить частичным оправданием сделанных в то время ошибок¹⁰⁴. К сожалению, в письме отсутствуют подробности, как о том, о какой войне идёт речь, так и о том, как именно боязнь войны сказалась, по мнению Уборевича, на проводившихся мероприятиях. По-видимому, этот вопрос нуждается в дополнительной проработке.

Так или иначе, тот же И. П. Уборевич, выступая на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ, видимо, весной 1936 г., говорил, что «война сегодня вряд ли начнется», хотя и оговорился при этом о необходимости «повышать бдительность»¹⁰⁵. Этим словам в тексте выступления предшествуют рассуждения о природе фашизма и обстановке в Германии, из которых следует, что войны можно ожидать в течении ближайших

¹⁰³РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 52.

¹⁰⁴[Уборевич И. П.] Письмо 1936-го: И. П. Уборевич — Г. К. Орджоникидзе // Факел, 1990. М., 1990. С. 137.

¹⁰⁵Уборевич И. П. Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус. воен. окр. командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещ. в Зап. обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 10. С. 42.

нескольких (не больше двух-трёх) лет¹⁰⁶. Как показали дальнейшие события, командарм почти не ошибся.

Таким образом, мы можем сделать вывод: в течение межвоенного периода будущая война представлялась советскому военно-политическому руководству скорее как достаточно отдалённая, хотя и весьма вероятная, перспектива, нежели как реальная угроза, с которой нужно считаться уже сейчас. Ситуация изменилась на рубеже 1930-х — 1940-х годов. Стремительный рост международной напряжённости создал уже вполне серьёзную опасность новой войны в Европе в самом ближайшем будущем, а в 1939 г. эта война стала частью настоящего. Удастся ли Советскому Союзу остаться в стороне от конфликта?

По данным ряда источников можно предположить, что большая война ожидалась в начале 1940-х гг. Так, по утверждению К. А. Мерецкова, И. В. Сталин в начале 1941 г. был уверен в невозможности для СССР оставаться вне войны до 1943 г., но надеялся избежать вовлечения страны в боевые действия до 1942 г.¹⁰⁷ По мнению Н. Г. Кузнецова, выполнение судостроительной программы 1938 г. нужно было сворачивать сразу, как только началась Вторая мировая война, поскольку для её реализации требовалась твёрдая уверенность в том, что СССР вступит в войну не скоро, а такой уверенности не было, да и быть не могло¹⁰⁸. Поскольку программу планировалось выполнить к середине 1940-х гг., можно предположить, что война предвиделась где-то в начале десятилетия. С другой стороны, Сталин, по-видимому, даже в по-

¹⁰⁶ *Уборевич И. П.* Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус. воен. окр. командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещ. в Зап. обкоме ВЛКСМ в 1936 г.)

// *Воен.-ист. журн.* 1988. № 10. С. 40–41.

¹⁰⁷ *Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 202.

¹⁰⁸ *Кузнецов Н. Г.* Накануне; Курсом к победе. М., 1991. С. 244.

следние предвоенные дни был уверен в невозможности нападения Германии на СССР в ближайшее время. Впоследствии А. М. Василевский в одном интервью специально остановился на этом. По его словам, если говорить об ошибках советского военного руководства накануне Великой Отечественной войны, то «надо прежде всего сказать об отсутствии в перестройке обороны страны прямого ответа на основной вопрос — о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об определении хотя бы примерных сроков этого нападения, в связи с чем жёстко не лимитировались и сроки выполнения тех мероприятий, которые предусматривались этими решениями»¹⁰⁹. Здесь, правда, маршал несколько грешит против истины, поскольку в действительности советская разведка за первую половину 1941 года предоставила в распоряжение Москвы огромное количество разнообразной информации о военных приготовлениях немцев, в том числе и о «примерных сроках» нападения. Однако факт остаётся фактом: только 21 июня советское руководство признало, что война может начаться на следующий день, и приняло это соображение за основу для дальнейших действий. Но было уже поздно...

В то же время, судя по другим многочисленным указаниям, война в 1941 г. ожидалась в самой ближайшей перспективе. Здесь следует обратить внимание не только на содержание советской пропаганды описываемого периода (она продолжала готовить население к тому, что война может вспыхнуть в любой момент), но и на ряд других немаловажных мероприятий.

¹⁰⁹ [Василевский А. М.] Накануне 22 июня 1941 г.: Неопубликованное интервью маршала Советского Союза А. М. Василевского // *Новая и новейшая история*. 1992. № 6. С. 7.

Так, 6 мая 1941 г. Сталиным было подписано Постановление ЦК и СНК о мероприятиях по подготовке к переходу промышленности на мобилизационный план по боеприпасам. Оно предусматривало осуществить необходимые приготовления к тому, чтобы с 1 июля промышленность могла начать работу по мобилизационному плану. Был подписан ряд других аналогичных постановлений, в т. ч. о мероприятиях, которые предполагалось осуществить в третьем квартале 1941 г. вне зависимости от начала войны. Фактически речь шла о том, чтобы получить возможность в любой момент, начиная с 1 июля, приступить к мобилизации промышленности. Пробная мобилизация уже проводилась в четвёртом квартале 1939 г.¹¹⁰

В мае 1941 г., в рамках общей перестройки пропаганды в наступательном духе, были приняты меры по реорганизации советского кинематографа, включавшие не только создание серии новых военных фильмов, посвящённых наступательной тематике, но и подготовку к мобилизации, в том числе создание съёмочных групп для съёмок кинохроники боевых действий. Это была уже непосредственная подготовка к войне, способной начаться в самом ближайшем будущем¹¹¹.

Новые директивы по вопросам военной пропаганды готовились в обстановке сильнейшей спешки; подчёркивалось, что времени на осуществление поставленных Сталиным задач почти не остаётся¹¹². Когда на Главном военном совете 4 июня 1941 г. обсуждался проект директивы об очередных задачах партийно-политической работы в Красной

¹¹⁰ *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 225–226.

¹¹¹ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 208–212.

¹¹² Там же. С. 222.

армии, А. А. Жданов специально подчеркнул, что до войны осталось совсем недолго:

«Между миром и войной — один шаг. Вот почему наша пропаганда не может быть мирной. Пропаганда должна иметь соответствующие темпы. Мы не можем сейчас планировать политучебу на 2 года и иметь политучебник, который будет изучаться 2 года. Армию нужно держать в готовности в любой момент»¹¹³.

Это уже не просто шаблонное воспроизведение стандартных пропагандистских установок, а обсуждение конкретных практических действий.

Итак, мы имеем два прогноза, существовавших одновременно и совершенно не совместимых между собой. Чтобы разрешить это противоречие, необходимо снова вернуться к вопросу о том, готовился ли Советский Союз в 1941 г. к нападению на Германию. Как уже говорилось выше, начало войны по инициативе СССР, по-видимому, никогда не исключалось советским руководством, а события последних предвоенных месяцев позволяют предположить, что в Москве было принято решение о непосредственной подготовке к осуществлению такого сценария. Принятие подобной гипотезы позволяет увязать между собой противоположные на первый взгляд представления о сроках начала войны. По-видимому, *нападение со стороны Германии* действительно ожидалось где-то в 1942–1943 годах и уж никак не в 1941-м. В то же время, ввод в действие стратегического плана от 15 мая 1941 г. (план внезапного удара по войскам Вермахта) действительно означал бы, что война

¹¹³Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 490.

разразится уже летом 1941 г. Но здесь речь уже шла о начале войны *по инициативе СССР*. На какие сроки могла быть запланирована такая операция, пока неизвестно; нет информации и о том, были ли вообще определены какие-либо сроки её осуществления. Считается, что сосредоточение и развёртывание советских войск на Западном театре должно было завершиться примерно в середине июля¹¹⁴. Кроме того, началу активных действий должна была предшествовать мобилизация, о сроках которой пока также ничего неизвестно¹¹⁵. Возможно, никаких сроков и не было установлено, а решения должны были приниматься в зависимости от обстановки.

* * *

Таким образом, проведённый анализ показывает, что в начале изучаемого периода представления военно-политического руководства СССР о политическом характере будущей войны и составе потенциальных противников носили довольно общий характер и были обусловлены глубоко идеологическими соображениями едва ли не в большей степени, нежели реальной угрозой. Поэтому неудивительно, что вплоть до конца 1930-х гг. война рассматривалась скорее как потенциальная угроза в неопределённой перспективе (хотя пропаганда и стремилась убедить советских граждан в обратном). В то же время во второй половине 1930-х гг., по мере того, как возрастала напряжённость в мире, предпринимались попытки спрогнозировать возможные сроки начала новой мировой войны. В 1939–1941 гг., в условиях начавшейся войны в Европе,

¹¹⁴ Мельтюхов М. И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // Советская историография / Под общ. ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1996. С. 506.

¹¹⁵ Он же. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 106.

произошёл постепенный переход от общих представлений к более конкретным. Так, прежнее представление о будущей войне как об отражении агрессии со стороны коалиции капиталистических государств (как вариант — о вовлечении или даже добровольном вмешательстве Советского Союза в войну между капиталистическими странами) сменилось представлением о ней как о решительной схватке с нацистской Германией, неизбежной, невзирая на договор о ненападении. К этому добавились изменившиеся представления о мировой революции: если раньше она рассматривалась как неизбежная реакция международного пролетариата на сам факт начала большой войны, тем более направленной против Советского Союза, то теперь её осуществление представлялось скорее как результат сокрушительного наступления Красной армии. Следует также отметить, что возможность вступления СССР в войну по собственной инициативе не исключалась на всём протяжении рассматриваемого периода; это представление продолжало существовать и в 1941 г. В то же время вопрос о том, было ли принято политическое решение о нападении на Германию, следует, по-видимому, признать изначально некорректным, поскольку таким решением по определению мог стать только приказ войскам о переходе в наступление. До завершения стратегического развёртывания подобный приказ просто не мог быть отдан. Интересно, однако, что в последние полтора предвоенных года мы наблюдаем крайне противоречивые оценки вероятных сроков начала войны, когда, с одной стороны, начало войны, кажется, не ожидалось ранее 1942–1943 гг., но в то же время советские военные приготовления весной-летом 1941 г. проводились таким образом, как будто начало войны было запланировано уже на лето. Чтобы окончательно разрешить эти противоречия, вплотную подводящие нас к зна-

менитой «проблеме превентивного удара», необходимо проанализировать собственно военную составляющую советской военной доктрины, а также проследить процесс подготовки стратегических планов в 1940–1941 гг.

Глава II

Разработка основ стратегии ведения будущей войны в 1927–1941 гг.

В настоящей главе рассматривается собственно военная сторона советской военной доктрины, содержащая официальную, принятую военно-политическим руководством государства стратегическую и военно-техническую концепцию будущей войны и, в свою очередь, определяющая основные направления военного строительства и развития военной науки. Важно, однако, учитывать то обстоятельство, что выработка военной доктрины происходит на фоне и в значительной степени под влиянием исследований военных теоретиков, нацеленных на предвидение характера будущих войн. Таким образом, связи между элементами цепочки «политика-доктрина-стратегия» являются двусторонними. Кроме того, отдельные, хотя и немногие, советские военные теоретики сами имели непосредственное отношение к военно-политическому руководству. С учётом всего этого представляется необходимым перед тем, как переходить собственно к военно-доктринальным установкам советского руководства, рассмотреть бытовавшие в Советском Союзе теоретические представления о стратегическом и военно-техническом характере

будущей войны.

1 Теоретические дискуссии в советской военной науке 1920-х — 1930-х гг. о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны

Характер будущей войны — вопрос неоднозначный, и это осознавалось на протяжении рассматриваемого периода. Так, ещё в 1926 г. начальник Штаба РККА М. Н. Тухачевский в своём докладе «Вопросы современной стратегии» отмечал по опыту Первой мировой войны, что характер будущей войны можно спрогнозировать лишь в самом общем виде. На протяжении многолетнего противостояния он неизбежно претерпит радикальные изменения (как это уже произошло в течение 1914–1918 гг.), предвидеть которые сейчас практически невозможно. «Мы можем, — пишет Тухачевский, — предугадать, предусмотреть формы будущей войны лишь для её первого периода на основе характера развития вооружённых сил, подготовки и милитаризации промышленности стран, вступающих в войну, и т. д.»¹. В. Триандафиллов в своей работе «Характер операций современных армий» также отмечает, что «все тактические и оперативные положения и выводы автора имеют силу главным образом для операций первого периода этой войны»; в отношении последующих периодов «в настоящее время возможно установить только тенденции развития материальной базы... И потому суждения об операциях последующих периодов войны не могут быть

¹ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 252.

столь категоричными, как суждения о формах и содержании оперативного искусства начального её периода»². В советской военной теории и военном планировании весьма обстоятельно разрабатывались проблемы первого периода войны, однако делались и попытки представить, хотя бы в общих чертах, характерные черты будущей войны в целом. Попробуем подытожить результаты этой работы.

На представления о характере будущей войны, несомненно, оказал значительное влияние опыт Первой мировой войны, осмысление которого продолжалось в послевоенные годы. Сыграло свою роль и дальнейшее развитие средств борьбы. Поэтому доминирующим на всём протяжении рассматриваемого периода был образ будущей войны как длительного противостояния с массовым применением всех последних достижений науки и техники — и вытекающими из этого последствиями.

Как писал в далёком 1933 году автор брошюры «Опасность империалистической войны и интервенции в Европе» (пособие для пропагандистов, подготовленное в Коммунистической академии по заказу Культпропотдела ПУРККА), «... Интервенция против Советского Союза во второй пятилетке должна принять характер „большой войны“»³. Описания того, какой смысл вкладывался в эти слова, можно найти в самых разных источниках. Предполагалось, что война неизбежно примет

² *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 5. Здесь следует сразу оговориться, что под «начальным периодом войны» в приведённой цитате фактически подразумевается *первый* период войны неопределённой продолжительности (например, первый год войны). Во избежание путаницы термин «*начальный период войны*» в предлагаемой работе употребляется в другом, более узком, значении — отрезок времени от фактического начала войны до вступления в сражения основной массы вооружённых сил. См. *Арцыбашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. Введение.

³ РГВА. Ф. 9. Оп. 35. Д. 97. Л. 13об–14.

затяжной характер, а исход её во многом будет зависеть от наличия необходимых ресурсов и способности государства целесообразно их использовать. Война потребует максимального напряжения всех сил страны, тотальной экономической мобилизации, полного перевода всей экономики на военные рельсы. В. Триандафиллов даже предполагал, что ряд отраслей промышленности, не имеющих военного значения, может вообще прекратить работу⁴. В водоворот войны будет вовлечено буквально всё население враждующих стран, тем более, что по мере развития современных средств борьбы граница между фронтом и тылом в значительной степени будет размыта.

М. Н. Тухачевский в статье «Война как проблема вооружённой борьбы», написанной для первого издания Большой советской энциклопедии (1928 г.) предположил, что «экономические сдвиги, произошедшие после империалистической войны, создают для будущих войн расширенный экономический базис; каждая крупная страна в отдельности, а тем более коалиция разных стран будут значительно более независимы, чем раньше, в отношении сырьевых ресурсов. Будущие войны в смысле их масштаба и напряжения борьбы уйдут вперёд по сравнению с войной 1914–1918 гг.»⁵. Впрочем, он же двумя годами раньше писал о том, что, поскольку предстоящая война будет затяжной, в число её составляющих неизбежно войдёт и борьба за возможности её дальнейшего ведения, прежде всего за ресурсы. Начальник Штаба РККА ссылаясь на опыт Первой мировой войны, когда именно захват значительных территорий в Восточной и Юго-Восточной Европе позволил

⁴ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 48–53.

⁵ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 20.

Германии так долго продержаться в состоянии блокады⁶. Тухачевский призывал даже к заблаговременной проработке вопросов, связанных с установлением советской власти на вновь занятых территориях, чтобы в кратчайшие сроки получить возможность воспользоваться их ресурсами. В Гражданскую войну, отмечал он, большевистское руководство при советизации вновь присоединённых районов допустило «миллионы ошибок»⁷.

В. Триандафиллов в своей книге «Характер операций современных армий» категорически отвергает гипотезу о том, что внедрение в войска новой боевой техники приведёт к переходу от массовых армий к малочисленным профессиональным, полностью моторизованным (этого мнения придерживались такие зарубежные теоретики, как Фуллер, Сект, Зольдан и др., в СССР — А. И. Верховский). Подобной армии просто не хватит сил для того, чтобы покорить современное государство с массовой армией. Поэтому возникновение подобных теорий Триандафиллов связывает исключительно с боязнью, которую буржуазные авторы на Западе испытывают перед вооружёнными народными массами. Однако, отмечает он далее, сейчас капитализм достаточно стабилен, поэтому в буржуазных странах массовые армии пока сохраняются и сохранятся в будущем. Сохранится массовая армия и в Советском Союзе⁸.

«Было ясно, — вспоминал впоследствии о событиях начала 1930-х гг. И. С. Конев, — что будущая война — это война моторов»⁹. Представление о высокой роли техники в будущей войне доминировало на всём протяжении изучаемого периода. Соответственно прогнозировался и рост

⁶ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 256.

⁷ Там же. С. 258–259.

⁸ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 25–29.

⁹ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 2000. С. 24.

технических родов войск, а также авиации. Менялись представления о задачах, которые предстоит решать различным родам войск в будущей войне.

Так, в начале 1930-х гг. ещё предполагалось, что танковые войска должны применяться только в тесном взаимодействии с другими родами войск. Об этом, в частности, говорил К. Е. Ворошилов в своём заключительном слове на расширенном заседании РВС СССР 20–25 октября 1932 г.¹⁰ Двумя годами ранее А. И. Егоров, в то время командующий войсками Белорусского военного округа, выступая на разборе окружных манёвров, предполагал, что мехбригаде «подсилу задачи несомненно только подвижного порядка: оперативно-маневренные, фланговые, решение отдельных задач глубокой стратегической разведки. Однако тот и другой вид работы для ее организации и осуществления все же настоятельно требует, чтобы Мехбригада была в тесном взаимодействии с каким-то другим подвижным родом войск». Можно в отдельных случаях поручать ей самостоятельные задачи стратегического масштаба, но всё же лучше использовать её совместно с какими-нибудь другими подвижными войсками, например, с кавалерийским корпусом¹¹. В дальнейшем появилась и была осознана возможность применять танковые соединения, в том числе и более мощные, чем прежние мехбригады, для решения самостоятельных задач оперативного масштаба.

В. К. Триандафиллов в 1929 г. отмечал возросшую огневую мощь конницы, но, тем не менее, склонялся к тому, что в предстоящей войне она будет применяться лишь как мощный, чрезвычайно подвижный огневой резерв. Ведение боя в конном строю, по его мнению, отошло

¹⁰РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 139об.

¹¹РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1470. Л. 275. Выделено в тексте.

в прошлое: «Кавалерийские атаки могут иметь место только во время боя с конницей же противника, и то неизбежно сочетание ведения атаки с действиями в пешем строю»¹². К. Е. Ворошилов в заключительном слове на заседании Военного совета при наркомате обороны 21–27 ноября 1937 г. также отмечал, что численность конницы необходимо сократить, уделив больше внимания её подготовке к действиям в пешем строю, к защите от ударов авиации. В современной войне на западном театре, считал нарком, конница будет играть второстепенную, если не третьестепенную, роль. Условия, которые существовали в Гражданскую войну, больше не повторятся. Разве что на Ближнем Востоке или в Средней Азии ещё, может быть, удастся применять конницу в прежних масштабах¹³. Двумя годами ранее в телеграмме Сталину в Москву из Киева о результатах манёвров в Киевском военном округе он специально остановился на проблемах, возникших при использовании конницы:

«Страшным врагом конницы и днем и ночью является бомбардировочная и, в особенности, штурмовая авиация, наступавшая конницу на этих маневрах десятки раз и сильно ее поражавшая. Важнейшей задачей является сейчас помочь коннице против авиации — усилить зенитные средства конницы и обязательно органически ввести в состав кавсоединений авиационные части»¹⁴.

Наконец, на известном совещании высшего командного состава 23–31 декабря 1940 г. ведущая роль уже безусловно отводилась танковым

¹² *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 65.

¹³ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 481–485.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 95.

войскам. Так, Г. К. Жуков, в ту пору командующий войсками Киевского особого военного округа, в своём докладе «Особенности современной наступательной операции» отмечал, что в последние годы «главные силы передовых армий шли по линии создания наступательных средств ведения войны, т. е. развитие шло и идет [как] в количественном, так и особенно в качественном отношении на создание крупных военно-воздушных сил, бронетанковых соединений, развитие механизированной артиллерии и, наконец, моторизации армии»¹⁵.

Значительная роль отводилась в будущей войне также и авиации. Здесь сказались не только общие представления о возрастающем значении военной техники, но и попытки учесть в расчётах особенности театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии. «В строительстве вооруженных сил страны, — писал Уборевич Орджоникидзе 17 августа 1936 г. — при нынешней военно-политической ситуации и учитывая слабость наших железных дорог (с точки зрения маневра военными силами и снабжения на Западе и Востоке) и морского флота, — авиация является самым *острым*, самым *важным средством обороны*, и в то же время *сложным* и *трудным* для создания в мирное время и поддержания на высоте в военное время»¹⁶.

Некоторые попытки составить более точные прогнозы приводили к результатам, которые сегодня, с высоты последующих десятилетий, могут показаться курьёзными. Так, например, М. Н. Тухачевский в статье «Новые вопросы войны», написанной в 1931–1932 гг. (Тухачевский

¹⁵Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 129.

¹⁶[Уборевич И. П.] Письмо 1936-го: И. П. Уборевич — Г. К. Орджоникидзе // Факел, 1990. М., 1990. С. 237.

тогда был начальником вооружений РККА) и опубликованной впервые в 1962 г., рассуждает, в частности, о том, какие типы танков потребуются армии в современной войне. Примечательно, что при этом Тухачевский гусеничному танку при прочих равных условиях предпочитает колёсно-гусеничный, а танк с артиллерийским вооружением ещё считает машиной специального назначения (подавление артиллерии противника в глубине обороны, борьба с вражескими танками в составе механизированного соединения). В то же время на тех же страницах предлагается для действий в глубине обороны противника создавать телеуправляемые танки, поскольку при современном уровне развития артиллерии обычные машины могут оказаться недостаточно живучими¹⁷.

С описанными расчётами перекликаются и знаменитые предложения Тухачевского о реконструкции армии, высказанные им в 1930 г. В своей записке на имя Ворошилова за номером 08/сс от 11 января 1930 г. о реконструкции РККА он предположил, что численность армии в военное время должна определяться транспортными возможностями страны, а количество военной техники в строю — производственными возможностями, причём не только и даже не столько военной, сколько гражданской промышленности (в записке, к примеру, предлагается исходить из расчёта один танк на один-два производимых трактора). Следовательно, Красная армия в военное время должна насчитывать 260 дивизий и иметь в строю 40 000 самолётов и 50 000 танков¹⁸. Позже, в своих записках на имя Сталина от 17 июня и 30 декабря того же года, Тухачевский подробно обосновывает свои предложения. Так, говоря о танковых войсках, он отвергает как устаревшее представление о том,

¹⁷ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 186–187.

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 15об–18.

что все танки должны быть «специального военного образца». Такие машины, по его мнению, опять-таки должны иметь лишь узко специальное назначение — прежде всего подавление противотанковой артиллерии противника; их доля в общей численности танковых войск должна составлять около трети, в то время как остальная часть танкового парка, предназначенная главным образом для использования во втором и третьем эшелонах уже после прорыва вражеской обороны, должна состоять даже не из танков как таковых, а из бронетракторов¹⁹. Именно такой подход и позволил Тухачевскому напрямую связать возможные темпы производства танков в будущем с мощностью тракторной промышленности, на чём, в свою очередь, были основаны его предложения о развёртывании производства танков в военное время. Аналогичные предложения он высказывал и об авиации²⁰. Как показали дальнейшие события, более адекватным было мнение Б. М. Шапошникова, который в своей записке на имя Ворошилова от 13 февраля 1930 г. за № 017086сс по поводу предложений Тухачевского обратил внимание на то, что «танки для своего изготовления требуют особых цехов и приравнивать их производство в эквивалентном отношении к тракторному не приходится», что подтверждается и данными разведки²¹.

Впрочем, прогнозам будущей войны того времени, видимо, вообще был свойственен некоторый элемент фантастичности. Ещё одно интересное наблюдение приводит Л. Самуэльсон в своей книге «Красный колосс». Анализируя советские планы производства боеприпасов на случай войны, составленные в период третьей пятилетки, он приходит к вы-

¹⁹РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 9, 66–71.

²⁰РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 446. Л. 9об.

²¹РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 447. Л. 29.

воду, что принятые тогда методы расчётов «вели к установлению уровня потребностей в несколько сот миллионов снарядов на год войны. В настоящее время хорошо известно, что фактическое производство снарядов за все годы Великой Отечественной войны не превысило ста миллионов штук. Следовательно, в предвоенные годы, в особенности, в 1939–1941 гг., советское руководство, военные и плановые работники пытались достичь уровня производства боеприпасов, который значительно превышал реальные потребности военного времени»²². На чём были основаны эти методы расчётов, ещё предстоит выяснить, однако уже сейчас невольно напрашиваются параллели с ситуацией лета 1941 года, когда Красная армия по количеству танков в строю по крайней мере в пять раз превосходила Вермахт, в то время как сильнейший дефицит радиостанций делал огромные советские мехкорпуса неповоротливыми и трудноуправляемыми. В свойственной советскому руководству гигантомании, которая привела к подобному дисбалансу в снабжении армии, могли сказаться и преувеличенные представления о масштабах будущей войны.

Бурное развитие военной техники заставляло разрабатывать и методы её эффективного применения. На рубеже 1920-х — 1930-х гг. в СССР была создана т. н. теория глубокого боя и глубокой операции. Суть этой теории, одним из разработчиков которой был В. К. Триандафиллов, состояла в том, что современные средства борьбы позволяют наносить удар одновременно по всей глубине расположения вражеских сил, в то время как в предшествующий период боевые действия фактически сводились к тому, что наступающая сторона занимала позиции против-

²² *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. С. 221–222.

ника последовательно, одну за другой, постепенно оттесняя его войска в глубь его территории.

Ожидалось, что новые формы борьбы повлияют на характер как наступательных, так и оборонительных боя и операции. Согласно теории глубокого боя, наступающая сторона должна стремиться не только атаковать передний край обороны противника с фронта, но и нанести удар по всей глубине его тактического расположения на участке атаки, чтобы подавить артиллерию, нарушить управление войсками и не дать противнику возможности маневрировать резервами. Это предполагалось достичь систематическими ударами с воздуха по вражеским позициям, а также высадкой воздушных десантов. Усиление наступающей пехоты большим количеством артиллерии и танков должно было резко повысить темпы её продвижения вперёд. Кроме того, задача танков теперь состояла не только в непосредственной поддержке своей пехоты, но и в активном подавлении целей в глубине расположения противника. Как предполагалось, такой способ атаки должен был позволить вывести военное искусство из «позиционного тупика», в котором оно оказалось во время Первой мировой войны, когда опережающее развитие средств обороны по сравнению со средствами атаки резко повысило устойчивость обороны, и войска сторон увязли в позиционных боях.

Считалось, что новые методы наступления заставят иначе организовать и оборону. Современная оборона должна быть достаточно глубокой, эшелонированной, насыщенной зенитными и противотанковыми средствами, максимально эффективно использовать естественные и искусственные противотанковые препятствия. Необходимо избегать крупных скоплений войск в глубине обороны. При современном уровне развития средств обороны такие меры позволят сохранить её устойчивость,

даже если наступающий противник попытается применить методы глубокой тактики.

Изменится и характер встречного боя. Авангард, усиленный танками, артиллерией и поддержанный авиацией, теперь сможет стремительно атаковать противника на марше и нанести ему значительный урон ещё до того, как вступят в бой главные силы наступающей колонны. Преследование также будет осуществляться по-новому. Если раньше даже небольшой арьергард с автоматическим оружием мог серьёзно задержать наступающие войска, что позволяло отступающей стороне выводить свои главные силы из-под удара, то теперь авангард, усиленный танками, способен легко сбивать такие арьергарды. В то же время авиация сможет наносить в тылу противника бомбовые и химические удары, срывая плановый отход вражеских войск. Во всех формах боя первостепенное значение приобретают чёткое управление, отлаженная связь, хорошо организованное и отработанное взаимодействие между родами оружия в условиях скоротечного боя, в том числе в глубине расположения противника.

Теория глубокой операции строилась на тех же базовых принципах, что и теория глубокого боя. Наступление сухопутных сил, как теперь предполагалось, должно поддерживаться ударами авиации дальнего действия по объектам в глубине уже не тактического, а оперативного расположения противника, а также высадкой воздушных десантов (в новых условиях глубина оперативного расположения войск, если считать и аэродромы тяжёлой авиации, и оперативные резервы, и крупные железнодорожные узлы и склады, уже становилась соизмерима с шириной фронта обороны). Цель этих действий, опять-таки, состояла в том, чтобы сорвать снабжение обороняющихся войск, на-

рушить управление, не позволить противнику подбрасывать резервы в район нанесения удара наступающей стороной. После прорыва тактической обороны противника в действие вводятся подвижные соединения (конно-механизированные или танковые), которые, оторвавшись от своей пехоты, продвигаются вперёд ускоренными темпами, не позволяя противнику закрепиться на новых позициях и вновь организовать сопротивление.

С течением времени теория глубокого боя и глубокой операции получила своё признание как основа современной стратегии и тактики. При этом, однако, оставалось неясно, будет ли предстоящая война манёвренной или позиционной. В 1923 г. М. Н. Тухачевский, в то время командующий Западным фронтом, в статье «Об обороне» прогнозировал манёвренный характер будущей войны. Первая мировая война, писал автор, была в основном позиционной не потому, что наступательные вооружения были хуже оборонительных, а потому, что их производство в нужном объёме сумели наладить лишь к концу войны. Произойди это раньше — и война снова стала бы манёвренной²³. К тому же, Тухачевский предполагал, что в будущей войне, по крайней мере, в начальный её период, плотность артиллерийского и пулемётного огня обороняющейся стороны будет ниже, чем в конце Первой мировой войны²⁴. Впоследствии Тухачевский несколько изменил своё мнение по данной проблеме. В уже упоминавшейся статье «Война как проблема вооружённой борьбы» он склоняется к тому, что «с возможностью тяжёлой позиционной войны нельзя не считаться и в будущем», ссылаясь

²³ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 109–113.

²⁴ См. его статью «Модные заблуждения», написанную в том же году — *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1. С. 174–176.

на дальнейшее развитие средств обороны (прежде всего, пулемётного вооружения), а также на значительные сроки промышленной мобилизации²⁵. Впрочем, полностью от прежних своих прогнозов он так и не отказался, по-прежнему связывая позиционный характер Первой мировой войны с ошибками её участников в предвоенный период, а превращение будущей войны в позиционную считал возможным предотвратить заблаговременной заботой о создании необходимых средств борьбы и обучении войск искусству современного наступательного боя²⁶.

Несколько иную точку зрения высказывал В. Триандафиллов. В книге «Характер операций современных армий» он подробно анализирует особенности современных условий и в конце концов приходит к следующим выводам:

«Все это в совокупности (усиление средств обороны, недостаток в средствах подавления, кризис в средствах сопровождения пехоты во время атаки, улучшившиеся условия ж.-д. маневра) обещает делать будущие операции более продолжительными и трудными. По своему характеру эти операции при современном количестве танков и при той материальной части (стрелковой артиллерии), которая имеется теперь в восточноевропейских армиях, будут более походить на медленно развивающиеся действия 1918 г., чем на полные напора и маневренности действия германцев в 1914 г., или действия Красной армии в 1920 г. При нынешнем соотноше-

²⁵ *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 11.

²⁶ См. например, статью «О новом Полевом уставе РККА», опубликованную в «Красной звезде» 6 мая 1937 г. (цит. по: *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 248).

нии между средствами обороны и средствами подавления вообще и сопровождения пехоты в бою в частности, количество безуспешных атак, захлебнувшихся наступлений, безрезультативных и сопряженных с большими потерями операций будет больше, чем даже в старой царской армии во время мировой войны. Только в результате увеличения средств подавления, введения в дело большого количества танков, проведения широкой моторизации войск темп развития операции может подняться до уровня 1914 г.»²⁷.

Триандафиллов не отрицал возможность манёвренной войны, однако прогнозировал относительно низкие темпы продвижения наступающих войск: до столкновения с главными силами противника — не более 8–10 км/сут, в зоне фронтального столкновения — и того меньше, 5–6 км/сут, и даже при использовании большого количества танков — 10 км/сут. Ближайшая задача, по его мнению, состояла в том, чтобы путём создания механизированных частей повысить темпы наступления до 20–25 или даже 35–50 км/сут²⁸.

В дальнейшем развитие военной техники, а также продолжающееся организационное совершенствование вооружённых сил (в том числе создание крупных механизированных частей и соединений), казалось, должны были создать благоприятные условия для развития манёвренных форм борьбы. Как покажет опыт Второй мировой войны, именно так оно в значительной степени и было, но это произойдёт позже. А пока сомнения оставались. На определённом этапе сказался и своеобразно

²⁷ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 119–120.

²⁸ Там же. С. 114–120, 141–146.

истолкованный опыт Гражданской войны в Испании, позиционной по своему характеру. Не сложилось единого мнения и в отношении опыта начавшейся Второй мировой войны. Хотя и германо-польская война, и боевые действия в Западной Европе в 1939–1940 гг. имели ярко выраженный манёвренный характер, не все представители советского руководства и военной элиты были согласны с тем, что столкновение таких исполинов, как Германия и СССР, будет развиваться таким же образом.

Своеобразно был воспринят и опыт войны 1939–1940 гг. с Финляндией. Одной из отличительных черт советской военной мысли 1940 г. стало представление о том, что не только Финляндия или Франция, но и другие страны строят по периметру своих границ линии долговременных укреплений, и поэтому в будущей войне манёвренными действиями будет предшествовать продолжительный период «прогрызания» этих укреплений с целью вырваться на оперативный простор²⁹. По-видимому, было даже принято решение скорректировать соответствующим образом пропаганду. Л. З. Мехлис в своём докладе «О военной идеологии», сделанном 13 мая 1940 г. на совещании, созванном наркомом обороны, призвал к преодолению характерного, по его мнению, для советских вооружённых сил «увлечения примата маневренной войны и недопонимания борьбы за прорыв (так в тексте — *М. М.*) современных оборонительных сооружений типа линии Мажино, Зигфрида и им подобных». «Если говорить сегодня о главной опасности в вопросах военной док-

²⁹См., например: *Бирюзов С. С.* Суровые годы, 1941–1945. М., 1966. С. 38–39.; Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 339; *Зимняя война 1939–1940.* М., 1998. Кн. 2: Сталин и финская кампания: (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). С. 143, 187, 262.

трины, — продолжал Мехлис, — то главной нашей опасностью является недооценка трудностей маневренной войны. Проявляется также и недооценка трудностей прорыва укрепленной полосы»³⁰. Он также подверг резкой критике пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, отметив, что это вполне естественные и часто необходимые виды боевых действий³¹. Критике подвергся и лозунг о непобедимости РККА. Непобедимых армий не бывает, подчёркивал Мехлис, на войне возможны любые неожиданности: «Армии надо прививать *дух уверенности* в свою мощь (так в тексте — *М. М.*), но не в смысле хвастовства. Хвастовство о непобедимости приносит вред армии»³². Как покажут события лета 1941 г. эти благие пожелания, по-видимому, по большей части остались лишь на бумаге.

Наконец, ещё одной немаловажной составляющей образа будущей войны были представления о характере и содержании её начального периода, тем более, что он, казалось бы, по определению в наибольшей степени поддавался прогнозированию. Во второй половине 1920-х гг. в советской военной мысли доминировали представления о начальном периоде войны, сложившиеся ещё в начале десятилетия, в значительной степени под влиянием опыта Первой мировой войны, хотя сыграло свою роль и дальнейшее развитие средств борьбы. Так, ещё считалось, что началу войны будет предшествовать её официальное объявление (или же объявление мобилизации, которое теперь фактически приравнивалось к объявлению войны), а отмобилизование, сосредото-

³⁰[Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив*. 1997. № 5–6. С. 88.

³¹Там же. С. 88–89.

³²Там же. С. 89–90.

чение и развёртывание главных сил на театре военных действий будет происходить уже после фактического начала войны. Изменились представления о мобилизации: она теперь рассматривалась не просто как доведение войск до штатов военного времени, но включала также перевод экономики на массовый выпуск военной продукции. Отмечалась возросшая роль авиации, в т. ч. и в начальный период войны³³.

Ситуация изменилась в начале 1930-х гг., после вторжения японцев в Маньчжурию, произошедшего в 1931 г. В среде военных, равно как и среди политических руководителей страны, утвердилась новая концепция начального периода войны — т. н. «вползание в войну». Она предполагала, что боевые действия будут начинаться без формального объявления войны, внезапным вторжением на территорию противника специальных войск вторжения, отмобилизованных скрытно ещё в мирное время. Вступление в войну приобрело эшелонный характер. Мобилизацию, сосредоточение и развёртывание главных сил по-прежнему планировалось проводить уже после начала войны. Но представления о прикрытии мобилизации изменились коренным образом. В предшествующие годы считалось, чтокрытие будет осуществляться ограниченными силами, перед которыми практически не ставилось активных наступательных задач. Теперь же предлагалось ещё в мирное время создать на приграничных территориях специальные «армии прикрытия», содержащиеся по штатам, близким к штатам военного времени, с большим количеством подвижных частей. Эти армии должны были составить первый стратегический эшелон. В случае начала войны перед ними ставилась задача немедленно начать наступление на территорию

³³ *Арцыбашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 2004. Гл. I. § 1.

противника с целью сорвать мобилизацию, сосредоточение и развёртывание его армии, тем самым прикрывая аналогичные мероприятия на своей территории. Главные силы армии должны были составить второй стратегический эшелон. Отмобилизование армий прикрытия должно было производиться скрытно, ещё до начала войны. Таким образом, ставился знак равенства между армиями вторжения и армиями прикрытия³⁴.

Новые изменения в военной теории произошли после начала Второй мировой войны. Опыт вторжения германских войск в Польшу, а затем и кампании 1940 г. во Франции показывал, что современные войны начинаются не действиями армий прикрытия, пусть даже наступательными, а внезапным вторжением на неприятельскую территорию главных сил нападающей армии, целиком отмобилизованных, сосредоточенных и развёрнутых на границе ещё в мирное время, причём их отмобилизование, сосредоточение и развёртывание производятся заблаговременно в течение нескольких месяцев. Это крайне затрудняет работу разведки, которой приходится пристально следить буквально за каждым перемещением войск на территории соседней страны, и не даёт военнополитическому руководству государства, на которое планируется нападение, с уверенностью судить о том, действительно ли идёт подготовка к агрессии, или это лишь угроза. Наоборот, нападающая сторона с самого начала войны получает колоссальное преимущество перед противником, что может повлиять на исход всей войны в целом. Роль второго стратегического эшелона теперь отводилась стратегическим резервам³⁵.

³⁴ *Арицубашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. Гл. II. § 1.

³⁵ Там же. Гл. III. § 1.

Мы видим, что в течение межвоенного периода в СССР была проделана значительная работа по прогнозированию стратегического и военно-технического характера будущей войны. Посмотрим теперь, какие практические выводы были сделаны военно-политическим руководством страны по результатам этих исследований и как они повлияли на содержание советской военной доктрины тех лет.

2 Реализация выводов советской военной мысли 1920-х — 1930-х гг. в советской военной доктрине

Прежде всего необходимо было определиться с базовым принципом построения военной доктрины. Поэтому ключевой проблемой стал выбор между т. н. стратегией сокрушения и стратегией измора. Этот вопрос активно дискутировался в начале изучаемого периода, в 1920-е гг. Обсуждались две основных альтернативы: активные действия с целью скорейшего разгрома противника («сокрушение») или «занятие важной промышленной или производящей области неприятеля, или даже только оборона своих наиболее географически ценных районов с переносом центра тяжести на экономический фронт (любимый способ действия англо-саксов) и политическую агитацию» — «война на измор»³⁶. Наиболее известным сторонником второй концепции был А. А. Свечин. Первую точку зрения, которая впоследствии и была принята военно-политическим руководством страны, среди военных теоретиков представляли, в частности, М. Н. Тухачевский и В. Триандафиллов.

³⁶ Свечин А. А. Стратегия. М., 1926. С. 56–57.

Претензии Тухачевского к теории Свечина состояли в следующем. Во-первых, непонятно, как можно достичь уничтожения противника, не обрушившись на него вооружённой силой — следовательно, стратегия измора делает бессмысленной саму вооружённую борьбу. Далее, непонятно также, почему стратег-«изморист» (выражение Тухачевского) обладает большей свободой выбора, нежели «сокрушитель» (такого термина мне у Тухачевского не попадалось, но думаю, что в сочетании с предыдущим он был бы уместен). Свечин, по мнению Тухачевского, не учитывает прочность союза между советским пролетариатом и крестьянством, международную пролетарскую солидарность, не принимает во внимание тот факт, что советское наступление несомненно будет поддержано местным населением, переоценивает силу капиталистических государств и армий. Таким образом, теория Свечина является упадочной, её автор не умеет применять положения марксизма, не понимает характер будущих революционных войн³⁷.

Сходную точку зрения высказывал и В. Триандафиллов. В своём труде «Характер операций современных армий» он, не называя прямо имени А. А. Свечина, также критикует теорию «измора» как упадочную. По мнению Триандафиллова, трудности, с которыми сталкивается современное оперативное искусство, не могут быть основанием к тому, чтобы отказываться от сокрушительных ударов по врагу. Он предлагает и политический аргумент: нанесение глубоких ударов по армии противника не только расстраивает саму армию, но и приводит к росту социальной напряжённости в тылу, облегчая перерастание войны в гражданскую; даже во время войны с Польшей в 1920 г., хотя она и окончилась неудачно для Красной армии, советским войскам всё же

³⁷См. например: *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 134–140.

удалось на какое-то время поставить польское государство на грань краха и гражданской войны³⁸.

На рубеже 1920-х — 1930-х гг. споры между «измористами» и «сокрушителями» завершились окончательной победой последних. Свечин был арестован и впоследствии отстранён от активной деятельности в области военной теории. Как мы увидим в дальнейшем, концепция «сокрушения» оставалась преобладающей в представлениях советского руководства вплоть до начала Великой Отечественной войны. Она была закреплена и во Временном полевом уставе РККА 1936 года (статьи 1–2); подчёркивалось также, что в случае войны боевые действия РККА будут вестись на уничтожение, с переносом их на территорию противника, вплоть до полного его разгрома³⁹. В статье 5 устава отмечалось, что боевые действия могут принимать как манёвренный, так и позиционный характер⁴⁰.

Теория «сокрушения» и уже упоминавшаяся выше концепция «вползания в войну» в совокупности составили сценарий вероятной войны в целом, лежавший в основе советского военного планирования вплоть до весны 1941 г.: в начальный период войны под прикрытием армий вторжения происходит от мобилизованные, сосредоточение и развёртывание главных сил, которые в дальнейшем переходят в наступление. Симптоматично, что при таком подходе действия обороняющейся стороны практически ничем не отличались от действий агрессора, поскольку перед нею фактически ставились такие же активные наступательные задачи, как и перед стороной нападающей. При этом, разумеется, отме-

³⁸ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 161–163.

³⁹ Временный полевой устав РККА: (ПУ–36). М., 1938. С. 9.

⁴⁰ Там же. С. 10.

чалось, что хотя, с одной стороны, успешные действия армий вторжения могут не просто затруднить, но и полностью сорвать мобилизацию противника, с другой стороны, их возможности не следует переоценивать, поскольку противник, скорее всего, будет действовать аналогичным образом. Однако при переходе от общих рассуждений к характеристике конкретных театров военных действий, на которых предстояло воевать Красной армии, прогнозы становились более оптимистичными. Так, например, А. И. Егоров в своих тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе», подготовленных по поручению РВС СССР в первой половине 1932 г., предполагает, что имеющиеся на советских границах водные преграды и укрепленные районы способны в значительной степени гарантировать от срыва сосредоточения главных сил РККА наземными силами противника⁴¹. Таким образом, т. н. «теория ответного удара» представляла собою более чем условное понятие. Как следствие, стратегическая оборона и, тем паче, стратегическое отступление изначально исключались из расчётов, что делало советское планирование заведомо безальтернативным.

Начавшаяся Вторая мировая война, как уже говорилось выше, продемонстрировала принципиально новый сценарий начала войны. Какие же выводы сделали из происшедшего советские военные и, что для нас сейчас ещё важнее, советское военно-политическое руководство?

По-видимому, среди военных в 1939–1940 гг. так и не сложилось единого мнения по поводу того, как следует оценивать опыт последних войн. В то время как Г. С. Иссерсон и ряд других военных деяте-

⁴¹ *Егоров А. И.* Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе: [Публикация тезисов доклада Маршала Советского Союза, 1932 г.: Напеч. с сокращениями] // *Воен.-ист. журнал.* 1963. № 10. С. 35.

лей предполагали, что новый способ начала войны является универсальным, и Советскому Союзу следует с этим считаться, их оппоненты настаивали на том, что из опыта германо-польской войны и боевых действий в Западной Европе в 1940 г. не следует делать поспешных выводов, поскольку в обоих случаях Вермахт имел дело с заведомо более слабым противником, который к тому же явно зазнался и потерял всякую бдительность. По-настоящему большая война между равноценными противниками (в том числе между Германией и СССР), скорее всего, будет начинаться в соответствии с прежней теорией «вползания в войну»⁴². Новые стратегические планы на случай возможной войны также разрабатывались в соответствии с концепцией «ответного удара». Лишь последний проект стратегического плана, составленный в мае 1941 г. (условно датируемый 15 мая) был построен на основе новой теории начального периода войны и предполагал нанесение упреждающего удара по германским войскам главными силами Красной армии с целью не дать противнику возможности завершить развёртывание. В первый стратегический эшелон включались главные силы РККА, второй представлял собою стратегический резерв, аналогичный стратегическим резервам Вермахта⁴³.

В военно-доктринальных установках советского руководства нашли своё отражение также постепенно уточнявшиеся представления о роли военной техники в будущей войне и её влиянии на методы ведения боевых действий. В Полевом уставе РККА 1929 года бронесилы рас-

⁴² *Арцыбашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. Гл. III. § 1.

⁴³ Там же. § 2. Более подробно советские стратегические планы будут рассмотрены в разделе 1 главы III.

смаатриваются пока лишь как средство поддержки пехоты и конницы. Статья 206 устава допускает использование танков для совместной атаки с пехотными частями; для выполнения самостоятельных задач в глубине оборонительной полосы в связи с действиями пехоты и артиллерии; для совместных действий с конницей на флангах противника; и, наконец, в составе моторизованных частей на флангах и в прорывах⁴⁴. В статье 210 специально подчёркивается, что танки являются не более чем дополнительным средством поддержки пехоты:

«Пехота должна усвоить, что танки не могут захватить и удержать за собой местность, что они могут лишь облегчить эту задачу пехоте, которая остается решающим родом войск. Пехота применяет свои обычные приемы прорывания, но усиливает их мощным содействием танков.

«Остановка танков или выбытие их из строя ни на минуту не должны останавливать наступающую пехоту, которая и без танков должна быть способна осуществить прорыв»⁴⁵.

Способность к самостоятельным действиям признаётся пока только за стратегической конницей⁴⁶. Устав построен на основе традиционной на тот момент тактики; предполагается, что успех в бою будет достигаться путём последовательного подавления расчленений боевого порядка противника⁴⁷. Однако сделан и первый шаг к будущей тактике глубокого боя: устав (ст. 207, абз. 1–2) позволяет командиру дивизии выделить часть приданных дивизии танков в эшелон дальнего действия, пред-

⁴⁴Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935. С. 102–103.

⁴⁵Там же. С. 104.

⁴⁶См. Там же. С. 12. Ст. 9. Абз. 4–6.

⁴⁷См. Там же. С. 12. Ст. 8. Абз. 2.

назначенный «для борьбы с артиллерией противника, а при большом количестве танков и для дезорганизации работы его тыла», но «только при наличии мощных артиллерийских средств, способных подавить огонь основных очагов противника, или при придаче танков больше батальона»⁴⁸.

Во Временном полевом уставе 1936 года описанные установки получили своё дальнейшее развитие. Устав по-прежнему признаёт значительную роль кавалерии, но налагает ряд ограничений, отсутствовавших в предыдущей редакции. В частности, в новом уставе (ст. 7, абз. 11–15) подчёркивается, что действия конных частей должны надёжно прикрываться с воздуха, поддерживаться во всех случаях мощным артиллерийским и пулемётным огнём и при каждой возможности действиями танков. Отмечается, что в новых условиях коннице часто придётся действовать в пешем строю, к чему она должна быть подготовлена⁴⁹. В уставе 1936 г. появляются механизированные соединения, предназначенные для выполнения самостоятельных задач как во взаимодействии с прочими родами войск, так и в отрыве от них (ст. 7, абз. 16). Способность к самостоятельным действиям признаётся и за авиационными соединениями (ст. 7, абз. 17). В уставе закреплена новая тактика глубокого боя. Подчёркивается, что «современные технические средства борьбы позволяют достигнуть одновременного поражения боевого порядка противника на всю глубину его расположения»⁵⁰. Соответственно, в наступательном бою предусматривается применение, наряду с танками поддержки пехоты, также танков дальнего действия с це-

⁴⁸Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935. С. 102–103.

⁴⁹Временный полевой устав РККА: (ПУ–36). М., 1938. С. 12.

⁵⁰Там же. С. 15. Ст. 9.

лью уничтожения резервов, артиллерии, штабов и парков противника, а также выхода на пути его отхода. Оборона, в свою очередь, должна быть прежде всего противотанковой, с активнейшим использованием естественных и искусственных препятствий, с созданием в глубине расположения противотанковых районов, приспособленных для круговой обороны, в которых должны располагаться подвижные резервы.

Ещё одна характерная для описываемого времени тенденция состояла в противопоставлении наступательных действий оборонительным, причём наступление рассматривалось как «основной вид боевых действий Красной Армии», а оборона — как второстепенный, вынужденный, и отрабатывалась зачастую по остаточному принципу. Эта концепция возникла ещё в самом начале 1920-х гг., во время первых дискуссий о военной доктрине. Ещё в июле 1921 г. М. В. Фрунзе в своей статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» утверждал, что РККА должна руководствоваться своей собственной стратегией, ориентированной на решительное наступление, даже несмотря на тяжёлое экономическое положение СССР. Он ссылаясь на опыт Гражданской войны, имевшей манёвренный характер; на марксистские построения об особых свойствах рабочего класса, его особой активности, инициативности и изобретательности, из которых, по его мнению, вытекала необходимость разработки новой, пролетарской, особо активной и подвижной, наступательной, стратегии и тактики; на взгляды Ленина (а также Маркса) на стратегию и тактику пролетариата в период завоевания власти, требовавшие активных наступательных действий (тем самым М. В. Фрунзе фактически переносил взгляды, относящиеся к вооружённому восстанию, на действия армии в войне между государствами); на особый характер будущих войн (вторжение советских

войск приведёт к революционному восстанию рабочих). Фрунзе возражал Троцкий. Предостерегая от любых попыток построить особую, «марксистско-ленинскую», стратегию и тактику, он предлагал ориентироваться на реальные возможности страны и готовить армию к различным видам боевых действий, включая манёвренные и позиционные, наступление, стратегическую оборону и стратегическое отступление с целью выиграть время и перейти в наступление, когда настанет подходящий момент, в том числе, если придётся, с рубежей в глубине страны. В ходе дискуссии, развернувшейся в 1921–1922 гг. и завершившейся на XI съезде РКП(б), теория Фрунзе была отвергнута. Тем не менее, сам М. В. Фрунзе придерживался её вплоть до самой смерти, считая оборонительную стратегию не более чем временным решением⁵¹.

По-видимому, аналогичных взглядов придерживались И. В. Сталин и К. Е. Ворошилов, а также, кажется, М. Н. Тухачевский и В. Триандафиллов. Во всяком случае, нечто подобное можно встретить в статье Тухачевского 1923 г. «Об обороне» и в книге Триандафиллова «Характер операций современных армий»⁵². Следует, правда, отметить, что Триандафиллов при этом рассматривал современную оборону как более сложный вид боевых действий. В его брошюре «Глубокая тактика», изданной уже после его смерти, в частности, говорится:

«Вообще же в современной обороне требуются более сильные войска, более сильные кадры, чем в наступлении. Предпосылок для паники, для разложения, для бегств сейчас

⁵¹ Кулешова Н. Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история*. 2001. № 2. С. 62–65.

⁵² Триандафиллов В. Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 126–127.

больше, чем было раньше»⁵³.

Представление о приоритете наступательных действий по сравнению с оборонительными было закреплено и в Полевом уставе РККА 1929 года (ст. 3, абз. 2–3):

«Всякий бой имеет задачей нанести поражение противнику, но только решительное наступление в решающем направлении, завершаемое неотступным преследованием, приводит к полному уничтожению его сил и средств.

«Оборона может только ослабить противника, но не уничтожить его. Чтобы нанести противнику решительное поражение, необходимо стремиться оборонительный бой заканчивать переходом, в благоприятный момент, в наступление»⁵⁴.

В течение 1930-х гг. представление о приоритете наступательных действий постепенно стало преобладающим. Если в докладе начальника боевой подготовки РККА Лапина на расширенном заседании РВС СССР 22–26 октября 1931 г. вопросы наступательной и оборонительной подготовки рассматриваются ещё как одинаково важные⁵⁵, то в докладе начальника Штаба РККА Егорова на заседании Военного совета при наркомате обороны 8–14 декабря 1935 г. среди задач по оперативной подготовке на 1936 год оборонительные задачи просто не названы; в тексте доклада перечислены только наступательные задачи (операция

⁵³РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 760. Л. 15об.

⁵⁴Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935. С. 10.

⁵⁵РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 11. Л. 1–5.

вторжения, действия подвижных соединений в оперативной глубине, марш-манёвр армии, прорыв укреплённой полосы и его развитие, завоевание господства в воздухе, действия флота по разгрому противника). Приоритет наступательных действий был подтверждён и во Временном полевом уставе 1936 года⁵⁶.

Нельзя не вспомнить здесь слова А. А. Свечина из его статьи 1926 года «Стратегические и оперативные этюды» о непонимании роли обороны в Красной армии:

«Неумение обороняться, естественно, приводит к неумению вовремя поставить точку в наступательной операции. Но можно ли готовить армию лишь к безудержному наступлению, возможному лишь в обстановке восстания всего населения в тылу врага, как это было в борьбе с Колчаком?

«Мы утверждаем, что в будущей войне придётся останавливаться, и достаточно часто. Нужно, чтобы эти остановки были прочными, чтобы войска не скользили бы при этом на сотни верст, а умели пускать корни. Армия будет подготовлена к войне, если она будет уметь обороняться, а для этого нужен перелом в литературе, уставах, занятиях и особенно в манёврах.

«Умение обороняться надо культивировать»⁵⁷.

Указанная тенденция (недооценка роли обороны) оставалась господствующей и в непосредственный канун Отечественной войны. К этому добавилась идеологическая установка о будущей войне как о войне на

⁵⁶Временный полевой устав РККА: (ПУ-36). М., 1938. С. 9. С. 2. Абз. 5.

⁵⁷Постижение военного искусства: Идеиное наследие А. Свечина / Сост. А. Е. Савинкина, А. Г. Кавтарадзе, Ю. Т. Белова, И. В. Домнина. М., 1999. С. 374.

чужой территории, победа в которой будет достигнута быстро и малой кровью. Во второй половине 1930-х гг. этот мотив стал преобладающим в советской пропаганде⁵⁸. Некоторое отрезвление пришло после войны с Финляндией, но и оно было далеко не полным. Очень показателен в этом отношении доклад Мехлиса «О военной идеологии», сделанный 13 мая 1940 г. на совещании, созванном наркомом обороны. В своём выступлении Мехлис резко критикует пренебрежительное отношение к обороне и отступлению, которые, по его мнению, в действительности являются вполне естественными и часто необходимыми видами боевых действий. Симптоматично, однако, что главным видом боевых действий начальник Политического управления РККА считал всё-таки наступление во всех его формах. Что же касается обороны и отступления, то о них Мехлис говорит лишь как о вынужденных шагах в случае неожиданных кризисов на отдельных участках фронта⁵⁹. В сущности, Мехлис не сказал ничего принципиально нового, поскольку ещё 20 января 1938 г. Сталин в своей реплике на приёме в Большом кремлёвском дворце депутатов Верховного совета упомянул о том, что «плоха та армия, которая научилась наступать и не научилась отступать. Всякие моменты бывают, товарищи! ... Армия, которая научилась наступать, но не обучена в деле отступления, будет разгромлена»⁶⁰. Вряд ли, произнося эти слова, генсек мог представить себе, насколько точным окажется впоследствии его прогноз... Однако принципиальных изменений в по-

⁵⁸ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 53.

⁵⁹ [Мехлис Л. З.] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив.* 1997. № 5–6. С. 88–89.

⁶⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1121. Л. 8.

нимании истинной роли обороны, по-видимому, так и не произошло ни в 1938 году, ни в 1940-м. Уже осенью 1940 г. начавшаяся было кампания по борьбе с «шапкозакидательскими» настроениями стала сходить на нет. Неудачи в Зимней войне начали связывать исключительно с тяжёлыми природными условиями, в которых приходилось действовать Красной армии. Стойкость финских солдат стала рассматриваться как своеобразная аномалия⁶¹. По-видимому, такая пропаганда сказалась не только на настроениях солдатских масс.

Есть свидетельства того, что на совещании высшего командного состава РККА в декабре 1940 г. как основной воспринимался именно доклад Г. К. Жукова «Характер современной наступательной операции»⁶²; по-видимому, так воспринимал его и сам Г. К. Жуков⁶³. В своём докладе он, в частности, подчёркивает, что до сих пор «главные усилия *передовых* армий шли по линии создания *наступательных* средств ведения войны»⁶⁴. Говорит он и о том, что оборонительные действия — менее сложные, чем наступательные:

«Несмотря на хорошую экономическую базу, вследствие внутренней экономической слабости страны, консерватизма военной мысли главного командования и буржуазного правительства, надежды на то, что удастся повернуть Гитлера против Советского Союза, такие армии как французская и английская оказались неподготовленными к ведению со-

⁶¹ *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. С. 139.

⁶² *Казаков М. И.* Над картой былых сражений. М., 1971. С. 53.

⁶³ *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 170.

⁶⁴ Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 129. Выделено мною.

временной войны, *не готовыми не только для активных наступательных операций, но оказались даже не готовыми успешно вести оборонительную войну»*⁶⁵.

«Наступательный порыв» докладчика был столь высок, что сроки для подготовки к наступательной операции определялись всего в несколько дней, причём по завершении очередной операции предлагалось немедленно начинать следующую. В сущности, именно такой подход был использован позднее в печально известной директиве ГВС № 3 от 22 июня 1941 г., которая предписывала мощными концентрическими ударами силами нескольких фронтов окружить и уничтожить основные наступающие группировки противника и к исходу 24 июня овладеть районами Люблина и Сувалки (*sic!*)⁶⁶. Этот поистине невероятный приказ — в течение двух суток не только подготовить, но и провести наступательную операцию силами нескольких фронтов с привлечением чудовищного количества войск, да ещё в условиях, когда линия фронта непрерывно меняется, информация с мест поступает крайне скудная и быстро устаревает и т. д. и т. д. — в целом не противоречит, например, уже упомянутому докладу Г. К. Жукова.

О том, что оборонительные действия проще наступательных, а передовой стратегией является наступательная, говорил и И. В. Сталин на совещании 14–17 апреля 1940 г. при ЦК ВКП(б) по сбору опыта бо-

⁶⁵Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 129. Выделено мною.

⁶⁶Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3, 22.6.41 // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 499; ср. например: *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 231; *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1980. С. 16–17.

евых действий против Финляндии. Финская армия, по мнению вождя, характеризовалась отсталостью стратегического мышления, выражавшейся в абсолютизации пассивной обороны в укреплённых районах при неумении вести более сложные наступательные действия. Сталин особо отметил, что финны за всё время войны не предприняли ни одного серьёзного наступления или даже контратаки против РККА, ограничившись лишь мелкими диверсиями. По его мнению, они переняли это отсталое мышление у своих «учителей»: англичан, французов, ещё раньше — немцев. Таким образом, делал вывод Сталин, Красная армия в Финляндии победила не только финнов, но и устаревшую оборонительную стратегию передовых стран Западной Европы⁶⁷.

Ход военных приготовлений СССР в последние предвоенные месяцы (выдвижение главных сил приграничных военных округов на вновь присоединённые территории, консервация укреплённых районов на линии старой границы, создание таких соединений, как Пинская и Дунайская военные флотилии и др.) также говорит о том, что далеко отступать не планировалось ни при каком раскладе. К. А. Мерецков в своих воспоминаниях, описывая японские укреплённые районы в Маньчжурии в 1945 г., допускает буквально следующий пассаж, в котором просто напрашиваются явные параллели с советским военным строительством на новой границе в 1940–1941 гг.:

«До 1943 года укреплённые районы предназначались главным образом для развёртывания наступательной группировки, для чего они строились непосредственно возле границ и имели небольшую глубину. Это полностью отвечало

⁶⁷Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2: Сталин и финская кампания: (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). С. 281–282.

агрессивным намерениям японского империализма по отношению к СССР. Но с изменением обстановки на советско-германском фронте, когда в Токио поняли, что придётся, возможно, и обороняться, японское командование, не отказываясь от идеи наступления на нашу территорию, с 1943 года стало всё же эшелонировать укрепрайоны вглубь»⁶⁸.

Представление о том, что отступление будет недолгим, сохранялось и в начале Великой Отечественной войны. О директиве ГВС № 3, изданной в первый же день войны, уже говорилось выше. Кроме того, в воспоминаниях И. Х. Баграмяна есть интересное сообщение о настроениях, имевших место с началом отвода войск Юго-Западного фронта на линию старой границы:

«Мы успокаивали себя: вот соберёмся с силами, тогда ударим и погоним врага. Офицер, вернувшийся из войск, рассказывал, как один из командиров подразделений объяснял бойцам цель отступления: „Отойдём к старой границе, где у нас подготовлены укреплённые районы, измотаем там фашистов, а потом турнём их до Берлина“.

«Да, пожалуй, у всех нас, от бойца до командующего фронтом, была непоколебимая уверенность, что на линии старых укреплённых районов мы остановим врага. Отступать дальше — этого и в мыслях ни у кого не было»⁶⁹.

Даже после окончания войны прежнее увлечение наступательными действиями не было полностью преодолено. Так, Василевский в своих

⁶⁸ Мерецков К. А. На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 421.

⁶⁹ Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 242–243.

воспоминаниях соглашается с тем, что размещать на новых территориях аэродромы и склады не стоило, осуждает предвоенные иллюзии лёгкой победы⁷⁰, но при этом в самой концепции «ответного удара», кажется, не сомневается⁷¹. Описывая события последних предвоенных месяцев, он упоминает и о своём беспокойстве по поводу слабости дорожной сети в западных областях страны⁷², хотя мероприятия по её развитию, предпринятые в указанный период, вполне можно поместить в том же ряду, что и строительство укреплений на самой границе, и размещение аэродромов и складов непосредственно в приграничных областях.

К. А. Мерецков в своих мемуарах ещё более категоричен:

«Что и говорить, к обороне мы были готовы недостаточно. Но так ли уж плохо, что в наших воинах воспитывался наступательный дух? А если бы случилось так, что, возвращённые в условиях оборонительных концепций, наши командиры и солдаты не смогли бы потом как следует наступать? Мне скажут: война научила бы. Но ведь и обороняться тоже война научила. Ясно, что при подготовке речь должна идти о сочетании всех форм боевых действий, причём наступление никак не может быть предано забвению. Наоборот, ему должен принадлежать приоритет»⁷³.

Итак, не сбалансированное обучение войск разным формам борьбы, не подготовка их к тому, чтобы гибко реагировать на изменения ситуации (а ведь на любой войне возможны самые разные неожидан-

⁷⁰ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. С. 108.

⁷¹ Там же. С. 108, 112.

⁷² Там же. С. 107–108.

⁷³ *Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. С. 423.

ности!), а снова приоритет наступательных действий. Воспоминания И. Х. Баграмяна, который в первые месяцы войны на Юго-Западном фронте испытал на собственном опыте, что стоит за словами «обороняться война научила», написаны в ином тоне:

«Перед войной мы, чего греха таить, учились главным образом наступать, а такому важному манёвру, как отступление, не придавали должного значения и сейчас расплачивались за это. . . Теперь, на второй неделе войны, нам пришлось, по существу, заново учиться самому трудному искусству — искусству отступления»⁷⁴.

* * *

Проведённый анализ показывает, что на протяжении изучаемого периода в Советском Союзе в целом вполне адекватно представляли себе стратегический и военно-технический характер будущей войны. Здесь сыграл свою роль опыт Первой мировой войны, к которому впоследствии добавилось продолжающееся интенсивное развитие военной техники. На всём протяжении межвоенного периода доминирующим оставалось представление о грядущей войне как о войне затяжной, которая потребует всеобщей мобилизации и полной перестройки всей жизни страны на военный ритм. Таким же устойчивым было и представление об исключительной роли военной техники в будущей войне. Концепция малочисленных, сверхмеханизированных армий не получила широкого распространения, и преобладающим осталось представление о том, что массовые армии сохранятся и в техническую эпоху. Все эти представления, выработанные военно-теоретической мыслью, были приняты

⁷⁴ Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 243.

военно-политическим руководством как составная часть военной доктрины. Не сложилось единого мнения по вопросу о том, будет ли предстоящая война манёвренной или позиционной. Наблюдения за дальнейшим совершенствованием вооружений и анализ опыта новых войн и военных конфликтов так и не позволили определить с достаточной степенью уверенности, какая из этих тенденций является преобладающей. В результате было выбрано компромиссное решение о том, что армию необходимо готовить и к манёвренным действиям, и к действиям в условиях позиционной войны.

Серьёзные изменения на протяжении изучаемого периода претерпели, по сути, лишь те представления, содержание которых было в наибольшей степени детерминировано конкретным эмпирическим опытом. Так, по мере развития военной техники возрастала и роль, отводившаяся техническим родам войск в будущей войне. Если ещё в конце 1920-х гг. танки рассматривались лишь как новое мощное средство поддержки пехоты, то в 1930-е гг. появились бронетанковые части, а затем и соединения, предназначенные для самостоятельных действий, что, в свою очередь, позволило радикально модернизировать тактику и оперативное искусство, разработав теорию глубокого боя и глубокой операции. Впрочем, в осмыслении роли техники в современной войне советское руководство оказалось, тем не менее, излишне консервативным. Несмотря на постоянные разговоры о том, что конница в современных условиях неуклонно теряет своё значение, СССР продолжал содержать довольно многочисленные кавалерийские соединения, в том числе и в европейской части страны.

Другой пример представлений, обусловленных конкретным опытом — это представления о начальном периоде войны, которые претер-

пели радикальные изменения первый раз в начале 1930-х гг., а затем, хотя и с запозданием, — в 1939–1941 гг.

Важно, однако, отметить, что за основу советской военной доктрины в межвоенный период была принята теория «сокрушения», предполагавшая постоянное ведение активных действий, нацеленных на скорейший разгром противника. Стратегия измора, направленная на затягивание войны и истощение противника без нанесения ему сокрушительных ударов на фронте, была отвергнута. Более того, характерной для официальной стратегической концепции будущей войны стала хроническая недооценка роли обороны в современной войне. Очень показательным, что в советском понимании тех лет агрессивная война и действия по отражению агрессии должны были развиваться практически одинаково (отмобилизование и развёртывание главных сил под прикрытием активных и по возможности наступательных действий войск прикрытия, затем переход в сокрушительное наступление). Посмотрим, к каким результатам это привело на практике.

Глава III

Влияние представлений о характере будущей войны на советское военное строительство и военное планирование

Чтобы картина представлений советского военно-политического руководства стала достаточно полной, необходимо также проследить влияние этих представлений на практические мероприятия, проводившиеся в СССР в рассматриваемый период в области военного строительства и подготовки к будущей войне. Сами эти мероприятия относятся к событийной истории, и детальное их изучение не входит в задачи настоящей диссертации, однако необходимо всё же остановиться подробнее на двух процессах, которые, будучи частью несобытийной истории, выполняли роль связующего звена между предвидением характера будущей войны как таковым и практическими мероприятиями по подготовке к этой войне. Я имею в виду оперативно-стратегическое планирование и оценки текущего состояния вооружённых сил. Ниже в данной главе рассматриваются оценки уровня подготовки личного состава Красной армии

на протяжении изучаемого периода и советские стратегические планы 1940–1941 гг. Последние интересны, в частности, тем, что появились в период, когда перед Советским Союзом возникла реальная опасность быть вовлечённым в большую войну, и, таким образом, отражают попытки военно-политического руководства страны представить себе более точные контуры предстоящего столкновения, вероятность которого возрастала буквально с каждым месяцем.

1 Советское оперативно-стратегическое планирование в 1940–1941 гг.

По-видимому, необходимость в разработке нового стратегического плана на случай большой войны была осознана летом 1940 года в связи со значительным приростом территории Союза, который полностью изменил начертание его западной границы и привёл к значительному увеличению экономических и людских ресурсов страны. Заметим попутно, что, таким образом, разработка нового плана большой войны, а в новых условиях это мог быть только план войны против Германии и Японии, и подготовка к приведению его, в случае необходимости, в действие, происходила примерно в то же время, что и подготовка Германии к войне с Советским Союзом, которая также началась летом 1940 г. Каковы же были результаты этой работы?

Приблизительно к середине августа Генеральным штабом был подготовлен проект стратегического плана в форме записки наркома обороны и начальника Генштаба на имя Сталина и Молотова об основах стратегического развёртывания вооружённых сил СССР на Западе и на

Востоке на 1940 и 1941 годы¹. По форме записка соответствует доктрине «ответного удара». Сценарий начала войны изложен в соответствии с теорией «вползания в войну»: предполагается, что с началом боевых действий войска западных военных округов должны прикрыть от мобилизацию, сосредоточение и развёртывание главных сил РККА, которые в дальнейшем должны перейти в сокрушительное контрнаступление. Наиболее мощную группировку предполагается сосредоточить к северу от Полесья, поскольку именно там ожидается главный удар немцев (хотя допускается и такой вариант, что противник будет нанести главный удар на юго-западном направлении, но такой сценарий развития событий признаётся маловероятным). Перед Западным фронтом поставлена задача «ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно, ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород, совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла»². Основная задача Юго-Западного фронта: «активной обороной в Карпатах и по границе с Румынией прикрыть Западную Украину и Бессарабию, одновременно, ударом с фронта Мосты-Великие, Рава-Русска, Сенява в общем направлении на Люблин, совместно с левофланговой армией Западного фронта нанести

¹1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 182–190. Схемы к основным редакциям стратегического плана приведены в приложении II.

²Там же. С. 186.

поражение Ивангородско-Люблинской группировке противника, выйти и закрепиться на среднем течении р. Висла»³.

Таким образом, возможность перехода к стратегической обороне составителями плана исключалась, поскольку принятая доктрина «сокращения» не допускала иных вариантов. Характерно, что вероятные действия противника в записке описаны лишь в самом общем виде. Похоже, при составлении этого прогноза его авторы исходили почти исключительно из собственных представлений об особенностях театра военных действий, тем более, что, как отмечается в записке, «документальными данными об оперативных планах вероятных противников» Генеральный штаб не располагал⁴. Задачи войск в оборонительный период войны в записке практически отсутствуют. Обращает на себя внимание и такой факт: германские войска в записке охарактеризованы как сосредотачивающиеся, иными словами, Красная армия, по замыслу разработчиков плана, должна была упредить противника в развёртывании, и в начальный период войны с его стороны если и ожидалось наступательные действия, то лишь ограниченными силами войск вторжения, входящих в состав первого стратегического эшелона. Следовательно, анализируемая записка, вообще говоря, не только не исключает, но и предполагает возможность начала войны по инициативе СССР, тем более, что, как уже говорилось выше, такая возможность советским военно-политическим руководством никогда полностью не исключалась. Маловероятно, чтобы в случае нападения Германии на СССР, даже если бы военные действия и развивались в соответствии с теорией «вползания в войну», со-

³1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 187.

⁴Там же. С. 182–184.

ветскому командованию удалось бы упредить в развёртывании главных сил германскую сторону, располагавшую более компактной территорией и более развитой железнодорожной сетью.

Августовский проект стратегического плана не получил одобрения, и к концу сентября, уже под руководством нового начальника Генштаба К. А. Мерецкова был разработан новый проект записки об основах стратегического развёртывания⁵. Он был представлен на рассмотрение Сталина и Молотова 18 сентября (записка наркома обороны и начальника Генштаба № 103202/ов). Принципиальное отличие нового плана от предыдущего состоит в том, что в сентябрьской записке для Красной армии предусматриваются два варианта развёртывания: к северу и к югу от Полесья. В мирное время предполагается иметь разработанными оба варианта плана развёртывания, с тем, чтобы выбор в пользу одного из них можно было сделать уже после начала войны в зависимости от складывающейся обстановки. «Северный» вариант сентябрьского плана в целом воспроизводит августовский план: главный удар силами Западного и Северо-Западного фронтов с целью захвата Восточной Пруссии и вспомогательный — силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с войсками левого крыла Западного фронта в общем направлении на Люблин с целью разгрома люблинской группировки противника. «Южный» вариант предполагает нанесение главного удара силами Юго-Западного фронта с целью во взаимодействии с войсками левого крыла Западного фронта разгромить люблинско-сандомирскую группировку противника, в дальнейшем развивать наступление в направлении на Кельце, Краков и далее на Бреслау (Братислава). К се-

⁵1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 238–249.

веру от Бреста по этому плану предусматриваются отвлекающие действия.

Сентябрьский план составлен в соответствии с теорией «вползания в войну». Это подтверждается тем фактом, что в период сосредоточения главных сил помимо обороны государственной границы предусматривается также проведение частной наступательной операции силами 11-й армии Северо-Западного фронта и 3-й армии Западного фронта по овладению районом Сувалки⁶. В то же время, новый проект стратегического плана сохраняет все особенности предыдущего. Вероятные действия противника рассмотрены гипотетически в самом общем виде. Действия советских войск в оборонительный период не увязаны с действиями противника.

У нас есть с чем сравнивать подобный подход к стратегическому планированию, поскольку одновременно с запиской об основах стратегического развёртывания на Западе и на Востоке на рассмотрение политического руководства был представлен ещё один любопытный документ — записка наркома обороны и начальника Генштаба № 103203/ов о соображениях по развёртыванию вооружённых сил Красной армии на случай войны с Финляндией⁷. Документ содержит стратегический план на случай новой войны с одной Финляндией, без участия Германии. План также построен в соответствии с теорией «ответного удара». Предполагается в течение 45 суток после начала войны сосредоточить против финской армии (ожидаемая численность после мобилизации — 16–18 дивизий) 49 советских дивизий из нескольких военных округов.

⁶1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 242.

⁷Там же. С. 253–260.

На период сосредоточения перед войсками прикрытия ставятся оборонительные задачи, которые на этот раз описаны достаточно детально и чётко увязаны с вероятными действиями противника: авторы плана опасаются, что финны в этот период попытаются перейти в наступление, занять Выборг и прорваться к Ладожскому озеру. После завершения сосредоточения запланировано общее наступление советских войск с целью оккупации значительной части Финляндии, включая Хельсинки; предполагается, что финны в этот период перейдут к пассивной обороне. Позднее, 25 ноября, командующему войсками Ленинградского военного округа была направлена директива НКО и Генштаба о разработке оперативных планов и планов прикрытия границы на случай войны с Финляндией, составленная в соответствии с запиской наркома обороны и начальника Генштаба № 103203/ов⁸. В директиве войскам округа также поставлены достаточно чёткие задачи, в том числе и на оборонительный период войны.

Наоборот, при составлении в сентябре нового проекта основ стратегического развёртывания на Западе и на Востоке его разработчики пошли по более простому пути. Задачи войскам в начальный период войны не увязаны с вероятными действиями противника, предполагается само собою разумеющимся, что к моменту окончания стратегического развёртывания начертание линии фронта будет благоприятствовать дальнейшим операциям советских войск. Для Красной армии предпочтительным назван «южный» вариант стратегического плана, хотя тут же предполагается, что немцы, скорее всего, развернут главные силы к северу от Полесья (нанесение ими главного удара на юго-западном

⁸1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 418–423.

направлении, правда, также не исключается). Это ставит под сомнение существующую гипотезу, согласно которой «южный» вариант в советских стратегических планах появился из опасения, будто немцы в случае войны могут нанести главный удар на юго-западе, чтобы захватить важные в экономическом отношении районы Украины. Во всяком случае, в записке от 18 сентября выбор в пользу «южного» варианта мотивирован тем, что наступление на этом направлении выгоднее для советской стороны, поскольку советские войска в этом случае будут продвигаться по территории, плохо подготовленной для обороны, в то время как наступление в Восточной Пруссии может привести к затяжным боям. Германские войска на момент начала советского наступления по-прежнему охарактеризованы как сосредотачивающиеся — и это при том, что выбранный в качестве предпочтительного «южный» вариант действий Красной армии требует для сосредоточения и развёртывания её главных сил ещё больше времени, чем «северный».

Записка от 18 сентября не была утверждена Сталиным, однако её принципиальные положения возражений не встретили. Исправленный вариант стратегического плана был утверждён 15 октября.

Представляет интерес также записка начальника штаба Киевского особого военного округа по решению Военного совета Юго-Западного фронта по плану развёртывания на 1940 год, составленная не позднее декабря 1940 г.⁹ Записка представляет собою проект окружного оперативного плана и составлена в соответствии с действующим стратегическим планом, в расчёте на то, что главные силы РККА будут сосредоточены на Юго-Западном фронте. Согласно этой записке, войска фронта

⁹1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1. С. 484–497.

после завершения отмотобилизования и развёртывания должны перейти в решительное наступление, ближайшая задача которого должна состоять в том, чтобы окружить и разгромить во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта люблинскую группировку противника, затем развивать наступление в направлениях на Кельце, Петроков и на Краков и на 30-й день операции выйти на рубеж р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт. Войскам фронта поставлены чёткие задачи, в том числе и на период сосредоточения главных сил (только оборона границы).

На той же концепции будущей войны, что и стратегические и оперативные планы 1940 года, были основаны две оперативно-стратегические игры на картах, прошедшие в Генеральном штабе в январе 1941 г. В известном смысле, на этих играх были апробированы «северный» (на игре 2–6 января) и «южный» (8–11 января) варианты стратегического плана. Однако, и это обращает на себя внимание, ни на одной из игр не были смоделированы события начального периода войны. В обоих случаях предполагалось, что войска противника начали вторжение на советскую территорию, но были остановлены и отброшены советскими войсками. Сами игры начинались с того момента, когда силы «восточных», завершив сосредоточение, переходили в наступление с решительными целями. Линия фронта в момент начала игр не совпадала с линией границы (на игре 8–11 января предполагалось даже, что войска Юго-Западного фронта «восточных» в начальный период войны успели не только отразить наступление противника, но и ликвидировать его люблинскую группировку и выйти к Висле), однако войска противника по состоянию на начало наступления «восточных» были снова охарактеризованы как не завершившие сосредоточение. На первой игре Г. К. Жукову (в то время — командующий войсками Киевского особого военного округа),

который командовал войсками «западных», удалось, подтянув резервы в ходе уже начавшегося наступления «восточных» под командованием Д. Г. Павлова (Западный особый военный округ), остановить продвижение противника и нанести ему поражение. На второй игре «восточные» (теперь под командованием Жукова), наоборот, сумели довольно быстро добиться значительных успехов¹⁰. По-видимому, именно в связи с этим обстоятельством от «северного» варианта стратегического плана было решено отказаться окончательно, и из уточнённого плана развёртывания вооружённых сил на Западе и на Востоке этот сценарий был исключён¹¹.

Видимо, в соответствии с этим планом в апреле 1941 г. командующему войсками Западного особого военного округа генерал-полковнику Д. Г. Павлову была направлена директива наркома обороны и начальника Генштаба на разработку оперативного плана и плана прикрытия границы¹². По форме она соответствует доктрине «ответного удара». Войскам округа поставлена задача в период сосредоточения главных сил прочно удерживать границу, по окончании сосредоточения предполагается перейти в наступление (с ограниченными целями, поскольку главный удар советских войск должен наноситься на Юго-Западном фронте). Интересно, что в директиве отсутствует идея частной опера-

¹⁰См. об этом подробнее: *Бобылев П. Н.* Репетиция катастрофы: (По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1941 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

¹¹Уточненный план стратегического развёртывания Вооружённых Сил Советского Союза на Западе и на Востоке // *Военно-исторический журнал.* 1992. № 2. С. 18–22.

¹²1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 133–139.

ции с целью срезать сувалковский выступ ещё до того, как завершится сосредоточение главных сил РККА, как это предполагалось в стратегических планах 1940 года. Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что, согласно директиве, план прикрытия границы должен вводиться в действие не по факту нападения со стороны Германии, а после получения короткой, в одно предложение, шифрованной телеграммы (по сути, просто условного сигнала) из Москвы. Иначе говоря, выполнение плана прикрытия должно начаться ещё до начала войны. К этой особенности советских планов мы ещё вернёмся.

Наконец, в мае 1941 г. в Генеральном штабе был разработан последний из известных на настоящий момент довоенных проектов стратегического плана¹³. Этот документ, условно датируемый 15 мая, был опубликован в начале 1990-х гг. и сразу же стал предметом острых дискуссий. Причина этого, очевидно, коренится в основной идее майского плана — «ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»¹⁴. Среди историков традиционного направления распространена точка зрения, согласно которой майский проект стратегического плана представляет собою черновой набросок, составленный военными по собственной инициативе и не получивший одобрения в Кремле. Один из основных доводов в пользу этого утверждения — отсутствие на документе подписи И. В. Сталина¹⁵. Часто встречаются также ссылки

¹³1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 215–220.

¹⁴Там же. С. 216.

¹⁵См. например: *Гареев М. А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на

на слова Жукова о том, что майский проект стратегического плана был составлен Генштабом по собственной инициативе и в резкой форме отвергнут Сталиным¹⁶. В качестве дополнительного довода используются также рассуждения о неготовности Красной армии к войне, тем более к агрессивной. Прежде чем рассмотреть эти проблемы более подробно, разберём сам текст майского стратегического плана.

По форме описываемый документ совершенно аналогичен предыдущим. Так же, как и предшествующие разработки такого рода, он составлен в виде записки наркома обороны и начальника Генштаба на имя Сталина как председателя СНК, содержащей соображения по плану стратегического развёртывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками. Так же, как и предыдущие планы, майская записка составлена в одном рукописном экземпляре. Так же, как и на предыдущих записках, на ней нет подписи Сталина — в соответствии с существовавшим порядком, согласно которому подобные бумаги из соображений секретности утверждались устно. Текст записки несколько короче, нежели в предыдущих случаях — в числе всего прочего, за счёт того, что здесь речь идёт конкретно об основах развёртывания на случай войны с Германией, без участия Японии. Записка содержит все необходимые разделы и по содержанию представляет собою законченный документ, подготовленный в полном соответствии со сложившимся порядком. Она не похожа на черновик, составленный просто с целью показать его вышестоящему руководству и, может

Германию в 1941 году? // *Война и политика, 1939–1941. М., 1999. С. 273–274.*

¹⁶См. например: *Безыменский Л. А.* О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // *Новая и новейшая история.* 2000. № 3. С. 61–64; *Волков В. К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна-лето 1941 г.) // *Вопросы истории.* 2003. № 6. С. 46.

быть, получить его принципиальное одобрение. Скорее она производит впечатление законченной разработки, авторы которой были уверены, что принципиальных возражений она не встретит, как не встретили их и предыдущие проекты стратегического плана. Как и раньше, в майской записке тоже предусматривается разработка планов прикрытия границы и планов противовоздушной обороны — теперь уже не на начальный период войны, а на период, непосредственно предшествующий её началу, с целью обезопасить свои войска, завершающие скрытное стратегическое развёртывание, на случай, если противник попытается в последний момент предпринять какие-либо упреждающие действия. Обращает на себя внимание замечание автора записки о том, что по этим вопросам «мною уже отданы распоряжения, и разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью заканчиваются (так в тексте — *М. М.*) к 01.06.41 г.»¹⁷ — иными словами, те мероприятия по подготовке к выполнению предлагаемого плана, которые НКО в состоянии провести без предварительной санкции, уже проводятся (вероятно, речь идёт о последних редакциях планов прикрытия, которые действительно были разработаны к началу июня; о них ещё будет говориться ниже). Это тоже не вяжется с представлением о майских соображениях как о маргинальном документе сугубо чернового характера.

По содержанию майский проект стратегического плана во многом продолжает и развивает основные идеи предыдущих планов. Главный удар предполагается наносить силами Юго-Западного фронта в направлении Краков, Катовице (из львовского выступа), вспомогательные — силами правого крыла Юго-Западного фронта и левого крыла Запад-

¹⁷1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 219.

ного в обход люблинской группировки противника с целью её окружения и уничтожения и силами Западного фронта из белостокского выступа на Варшаву с целью сковать варшавскую группировку противника и овладеть польской столицей. В качестве первой стратегической цели обозначен выход к 30-му дню операции на рубеж Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. В дальнейшем предполагается развивать наступление из верховьев Одера на север или северо-запад с целью «разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии». В сущности это всё тот же «южный» вариант наступательного плана, разработанный ещё в 1940 г., с отдельными уточнениями. Принципиально изменён лишь сценарий начала войны: не «вползание в войну», а внезапный удар главными силами, отобилизованными и сосредоточенными ещё до фактического начала боевых действий. Таким образом, составители плана наконец-то приняли во внимание опыт боевых действий в Западной Европе в 1939–1940 гг., говоривший, что прежние представления о начальном периоде войны уже устарели. Обоснование предлагаемого плана действий в начале записки именно в этом и состоит: «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами, она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Однако в этой новой ситуации составители майского стратегического плана не отказались от доктрины «сокрушения» как таковой: опасности внезапного удара со стороны немцев с использованием главных сил Вермахта они решили противопоставить не стратегическую оборону с последующим переходом в контрнаступление при благоприятных условиях, а внезапный упреждающий удар главными

силами РККА. Если принять во внимание, что на уровне представлений о политическом характере будущей войны возможность её начала по инициативе СССР никогда не исключалась, а стратегические планы 1940–1941 гг. были составлены таким образом, что такой сценарий был не только возможен, но и предпочтителен, то напрашивается вывод, что майский проект стратегического плана во всех отношениях представляет собою вполне логичное и естественное продолжение предшествующих ему разработок. По-видимому, принципиальной установкой советского военно-политического руководства была всё же не теория «ответного удара» а теория «сокрушения» как таковая, в сочетании с возможностью начать войну по собственной инициативе. Теория «ответного удара» представляла собою не более чем временное явление — сочетание доктрины «сокрушения» с теорией «вползания в войну» — и естественным образом прекратила своё существование с исчезновением последней.

Подведём предварительные итоги: по всем признакам майский проект стратегического плана 1941 г. является вполне естественным явлением для своего времени, и его авторы, скорее всего, рассчитывали на его утверждение Сталиным, которое могло быть и устным. Во всяком случае, отсутствие подписи генсека под документом не может считаться достаточным аргументом в пользу гипотезы о том, что его утверждения не последовало¹⁸. Воспоминания Жукова и даже беседы маршала с военными историками в данном случае также не могут рассматривать-

¹⁸Ср. *Данилов В. Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 33–44; Он же. Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 84–85.

ся как достоверный источник и уж тем более как истина в последней инстанции, учитывая высокое положение Жукова уже в описываемые месяцы. Кроме того, в мае-июне 1941 г. советская сторона приступила к осуществлению предусмотренных майским планом предварительных мероприятий по подготовке к войне, включая скрытное от мобилизации войск под видом учебных сборов, выдвижение сил вторых эшелонов округов ближе к границе под видом выхода в лагеря, сосредоточение армий резерва главного командования, реорганизацию авиационного тыла и т. д. Это также заставляет рассматривать план от 15 мая как действующий документ¹⁹. Армии РККА были выделены во второй стратегический эшелон, следовательно, в первый эшелон, который, согласно прежним теориям и планам, должен был осуществлять стратегическое прикрытие в начальный период войны, теперь включались все силы западных округов, то есть основная часть войск РККА, сосредоточенных на Западном театре. Это также свидетельствует об отказе от прежних концепций. Да и маловероятно, чтобы в условиях советской действительности образца последних предвоенных лет документ подобного рода мог быть подготовлен военными иначе как по поручению «вождя». В противном случае его авторы за свою инициативу могли поплатиться жизнью²⁰.

¹⁹Ср. например: *Бобылев П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // *Отечественная история.* 1995. № 5. С. 3–20; *Данилов В. Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // *Отечественная история.* 1995. № 3. С. 33–44; *Невежин В. А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф „Ледокола“») // *Отеч. история.* 1996. № 3. С. 62; *Бобылев П. Н.* Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // *Отечественная история.* 2000. № 1. С. 41–64.

²⁰См.: *Данилов В. Д.* Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий

Серьёзные возражения вызывает и распространённая точка зрения, согласно которой Красная армия весной-летом 1941 г. была совершенно не готова к войне и это следует рассматривать как неопровержимое доказательство того, что Советский Союз не проводил никакой подготовки к нападению. Рассуждения о «неготовности» (или наоборот, как у В. А. Суворова, о «готовности») советских вооружённых сил к войне — это и так более чем скользкая тема, лежащая на самой границе «альтернативной истории», из-за чего её изучение нуждается в предельно тщательной методологической подготовке и прежде всего в скрупулёзнейшей разработке критериев «готовности», без которой все разговоры на эту тему будут по большому счёту бесперспективными. В конце концов, Советский Союз выиграл войну с Германией, даже невзирая на фантастические успехи Вермахта летом-осенью 1941 г., так что в каком-то смысле наша страна всё же оказалась подготовлена к войне лучше, чем Германия. Следовательно, было бы корректнее говорить о неготовности не к войне вообще, а к внезапному нападению немцев, но это ещё не даёт нам достаточных оснований для того, чтобы сколько-нибудь обоснованно рассуждать о готовности или неготовности СССР к нападению на Германию, поскольку это нападение не состоялось. Любопытно, что в данном случае «традиционалисты» попадают в ту же самую логическую ловушку, жертвою которой, по мнению их оппонентов, оказался в 1941 г. Сталин, посчитавший объективную невозможность для Третьего рейха воевать на два фронта неопровержимым доказательством удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 84–85; *Невежин В. А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф „Ледокола“») // *Отеч. история.* 1996. № 3. С. 61.

того, что Гитлер не станет нападать на СССР. Однако Гитлера объективные факторы не остановили, поэтому в советской (и нынешней российской) официальной историографии его агрессия против нашей страны не без оснований именовалась и именуется не иначе как авантюрой. По-видимому, прежняя идеологическая установка о том, что советское государство на авантюры неспособно, неоднократно опровергнутая историей, по-прежнему воспринимается многими как истина, не подлежащая сомнению.

Существуют, однако, ещё две проблемы. Во-первых, в последние недели перед началом Великой Отечественной войны в СССР были в последний раз доработаны планы прикрытия границы, имевшие сугубо оборонительный характер. Во-вторых, уже упоминавшаяся директива Главного военного совета № 3²¹, изданная вечером 22 июня 1941 г., ставила перед войсками совершенно иные задачи по сравнению с майским стратегическим планом. Легко предположить, что эта директива «возникла, очевидно, не на пустом месте, а являлась отражением предвоенных наработок нашего Генерального штаба»; следовательно, хотя военные приготовления СССР в мае-июне и можно рассматривать как начало выполнения майского плана, тем не менее напрашивается вывод, что этот план «являлся лишь одним из черновых вариантов и, скорее всего, не был утверждён. Вот почему в нём нет никаких подписей»²². Эти вопросы стоят того, чтобы рассмотреть их подробнее.

В самом деле, к началу июня 1941 г. штабами пяти западных во-

²¹Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3, 22.6.41 // Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 499.

²²*Аруцубашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. Гл. III. § 2.

енных округов были подготовлены уточнённые планы прикрытия границы. Они были опубликованы в «Военно-историческом журнале» под претенциозным общим заглавием «Конец глобальной лжи»²³, поскольку, по мнению публикаторов, несомненно свидетельствовали о том, что накануне войны советская сторона готовилась исключительно к оборонительным действиям. Представленные планы действительно содержат детальные указания по прикрытию границы в случае войны, включая распределение участков между частями, соединениями и объединениями, наиболее ответственные направления, действия в случае прорыва крупных группировок противника и т. д. Более того, после начала войны предусматривается строительство в каждом округе сразу нескольких тыловых оборонительных рубежей на довольно большую глубину (в ОдВО, КОВО и ЗапОВО — до Днепра, в ПриБОВО — до линии старой границы), предусмотрена разработка плана мероприятий на случай глубокого отступления. Таким образом, указанные документы действительно можно было бы считать детально разработанными оперативными планами оборонительной войны (собственно, это и предлагают составители публикации), если бы не одно важное «но»: мы имеем дело с планами прикрытия границы на период сосредоточения главных сил РККА, т. е. на начальный период войны, или даже на непосредственный канун войны. Поскольку разработка планов прикрытия предусматривалась даже в майском проекте стратегического плана, опубликованные планы вполне могли быть использованы и перед началом боевых действий. Во всех планах первый перелёт и переход государственной границы допускался только с санкции главного командования, следовательно, достаточно было просто ввести их в действие в нужный момент, но

²³Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 2, 3, 4, 5, 6.

не давать до поры до времени разрешения на первый перелёт и переход границы. Оперативные планы как таковые не опубликованы до сих пор.

Интересную проблему представляет собою датировка директив НКО на составление последних планов прикрытия. По этому вопросу между составителями публикаций в «Военно-историческом журнале» и сборнике «1941 год. В 2 книгах» существуют определённые разногласия. Очевидно, что пять директив были направлены командующим войсками округов в течение мая. Тексты директив настолько похожи друг на друга, что не возникает ни малейшего сомнения: они писались если и не одновременно, то, во всяком случае, в соответствии с единым замыслом. Скорее всего, более поздние директивы писались по образцу более ранних, поскольку бóльшая часть текста совпадает практически полностью. Тем не менее, директиву командующему войсками Прибалтийского особого военного округа за № 503920/сс/ов авторы сборника «1941 год» датировали не позднее 30 мая²⁴, а составители серии «Конец глобальной лжи» — 14 мая²⁵, и это явно ближе к истине, поскольку на 30 мая в директиве назначен срок составления нового плана прикрытия (сам план датирован 2 июня²⁶). Любопытно, что составление директивы, таким образом, практически совпадает по времени с составлением майского проекта стратегического плана. Директива командующему войсками ЗапОВО за № 503859/сс/ов в сборнике «1941 год» датирована не позднее 20 мая²⁷, а в «Военно-историческом журнале» — 14 мая²⁸.

²⁴1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 282–288.

²⁵Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 2. С. 5–8.

²⁶Там же. С. 9–15

²⁷1941 год... Кн. 2. С. 227–232.

²⁸Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 3. С. 5–7.

На самом же деле директива, по-видимому, была издана ещё раньше, поскольку в сборнике «1941 год» опубликована директива Военного совета ЗапОВО командующему 3-й армией на разработку нового армейского плана прикрытия «на основании директивы народного комиссара обороны СССР за № 503859/сс/ов и происшедшей передислокацией частей», датированная 14 мая²⁹. Директива командующему войсками КОВО за № 503862/сс/ов в «Военно-историческом журнале» датирована 15 мая³⁰, а в сборнике «1941 год» — как и предыдущие директивы, не позднее 20 мая, причём явно ошибочно, поскольку тут же рядом, в архивной легенде, уточняется, что для публикации использовался экземпляр № 2 директивы, представляющий собою рукописную копию с экземпляра № 1, выполненную заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майором Анисовым и заверенную им же. . . 7 мая³¹. Точно так же, не позднее 20 мая, датирована и директива командующему войсками Одесского военного округа, хотя, как следует из архивной легенды, для публикации также использовался второй экземпляр, заверенный Анисовым 7 мая³². Из плана прикрытия ОдВО, опубликованного в «Военно-историческом журнале», следует, что директива была датирована 6 мая³³. Наконец, для полноты картины, упомянем и неопубликованную директиву, направленную командующему войсками Ленинградского военного округа, которая, судя по опубликованному в «ВИЖ» окружному плану прикрытия, была датирована

²⁹1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 2. С. 201–209.

³⁰Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 4. С. 3–17.

³¹См. 1941 год. . . Кн. 2. С. 233–238.

³²Там же. С. 239–244.

³³Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 5. С. 3–15.

14 мая³⁴.

Таким образом, директивы на составление последних окружных планов прикрытия были отданы примерно в течение первой половины мая. По-видимому, именно они имеются в виду в майских соображениях по плану стратегического развёртывания, где, как уже говорилось выше, упоминается, что распоряжения о разработке новых планов прикрытия уже отданы. Следовательно, разработка этих директив и нового стратегического плана производилась параллельно, а сами документы были увязаны между собою. Это ещё раз заставляет усомниться в том, действительно ли майский стратегический план был не более чем черновым документом. Что ещё интереснее, наиболее ранние из перечисленных директив на разработку окружных планов прикрытия были отданы 6–7 мая, то есть всего на следующий день или через день после выступлений Сталина перед выпускниками военных академий, под влиянием которых, по мнению ряда исследователей, среди руководства НКЮ и Генштаба как раз и возникла идея о составлении нового стратегического плана, который был представлен Сталину в середине месяца. На мой взгляд, перечисленных обстоятельств вполне достаточно для того, чтобы говорить о настоятельной необходимости более тщательно изучить историю описываемых документов. Если в результате этого подтвердится, что майские директивы на разработку новых планов прикрытия и последняя редакция стратегического плана и в самом деле возникли в рамках одного проекта, разрабатывавшегося в Генеральном штабе, то придётся констатировать, что работа эта была начата ещё до сталинских выступлений 5 мая. В таком случае возникнет закономерный вопрос о связи между упомянутыми разработками Генштаба и решени-

³⁴См. Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 6. С. 3–7.

ем Сталина внести коррективы в военную идеологию.

Наконец, нельзя пройти мимо вопроса о том, почему «оборонительные» планы прикрытия границы так и не были введены в действие. Здесь же мы подходим и к вопросу о первых трёх директивах Главного военного совета, изданных 21–22 июня 1941 г.

Выше уже упоминалось, что планы прикрытия должны были вводиться в действие до начала войны. За текстами немногочисленных опубликованных документов скрывается достаточно чёткий механизм. На основе директив, полученных из Москвы, в штабах военных округов разрабатывались окружные планы прикрытия. После их утверждения в Москве командующие войсками округов направляли в штабы подчинённых им армий директивы на разработку армейских планов прикрытия. В свою очередь, на основе разработанных в штабах армий и утверждённых командованием округа армейских планов прикрытия составлялись инструкции для командиров частей и соединений, которые хранились в их штабах в запечатанных «красных пакетах». Окружной план прикрытия вводился в действие короткой шифрованной телеграммой из Москвы, текст которой оговаривался в директиве наркома обороны на разработку плана прикрытия. Фактически это был просто условный сигнал. Получив его, командование округа обязано было немедленно отправить аналогичное краткое распоряжение в штабы армий, которые, в свою очередь, должны были известить командиров частей и соединений. Последние, получив короткий приказ из штаба армии, должны были, подняв вверенные им войска по боевой тревоге, вскрыть «красные пакеты» и действовать в соответствии с изложенными в них инструкциями, не дожидаясь дальнейших распоряжений. План подъёма по тревоге должен был быть разработан в каждой части и отработан

на учениях.

Подобная система в определённой степени переключается с системой оперативных готовностей, которая по инициативе командующего Тихоокеанским флотом, а затем наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова была внедрена в военно-морских силах. В соответствии с этой системой было чётко определено содержание готовности № 3 (повседневная готовность кораблей и баз), готовности № 2 (повышенная готовность) и готовности № 1 (готовность к немедленным действиям). Перевод каждой базы на готовность № 1 производился после получения заранее оговорённого короткого приказа по заранее разработанному и отработанному плану. Главное отличие этой системы от системы планов прикрытия, принятой в сухопутных войсках, по-видимому, заключалось в том, что в последних объявление тревоги и приведение войск в боевую готовность означали ввод в действие плана прикрытия, то есть начало сосредоточения войск, строительства оборонительных рубежей и т. д.; для этого, в свою очередь, введение в действие планов прикрытия должно было сопровождаться объявлением мобилизации. Таким образом, приведение войск в боевую готовность неминуемо повлекло бы за собою начало полномасштабной подготовки к войне.

Тем не менее, 21 июня от советского руководства объективно требовалась именно такая реакция, поскольку начавшееся по ту сторону границы выдвижение войск на исходные позиции неопровержимо свидетельствовало о том, что уже на следующий день должна начаться война. Кузнецов действительно отреагировал на тревожное сообщение из НКО именно так, как предполагалось первоначально. На флоты была разслана короткая телеграмма о переходе на готовность № 1, которая к тому же была немедленно продублирована по телефону. Как

следствие, военно-морские базы были приведены в полную готовность в течение нескольких часов, чем и объяснялись относительно небольшие потери флота в первый день войны. Если бы аналогичный короткий приказ-сигнал был передан и в сухопутные войска, это наверняка позволило бы также значительно уменьшить потери. Даже если бы округа оказались недостаточно подготовлены для реализации планов прикрытия, применение уже созданного механизма позволило бы, по крайней мере, просто выиграть время. Однако вместо этого в войска пяти западных округов была отправлена длинная и несколько невразумительная директива № 1 о приведении войск в полную боевую готовность, в которой содержался перечень конкретных мероприятий, но отсутствовали ключевые фразы о введении в действие планов прикрытия или хотя бы о вскрытии «красных пакетов». Известно, что лишь некоторые из командиров с началом войны вскрыли «красные пакеты», действуя фактически на собственный страх и риск, поскольку соответствующий приказ так и не поступил. Также известно, что упомянутая директива добралась до значительной части войск уже после начала войны.

На этом, впрочем, загадки не кончаются. В 7 часов 15 минут 22 июня Главный военный совет издал директиву № 2³⁵. С момента начала войны прошло уже почти четыре часа, с момента заявления Шуленбурга о начале войны между Германией и СССР — почти два часа, поэтому маловероятно, чтобы к моменту составления директивы Тимошенко, Маленков и Жуков ещё не знали, что война не только началась, но и объявлена уже официально. Какой же приказ был передан ими в войска?

³⁵Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 498.

В документе всего два коротких пункта. Пункт первый: «Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу. Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить». Распоряжение явно составлено в соответствии с доктриной «сокрушения», однако не слишком похоже на приказ об отражении вражеского нападения. Скорее оно напоминает реакцию на провокации на границе, когда требуется, с одной стороны, «поставить на место» противника, а с другой — не допустить эскалации конфликта. В сущности, именно так действовали советские войска на Халхин-Голе, когда наступательная операция специально планировалась с таким расчётом, чтобы окружить и уничтожить японскую армию, но не переходить границу Маньчжурии, хотя это и создавало определённые трудности при проведении операции. Правда, решение даже не о проведении, а о подготовке наступления на Халхин-Голе было принято не сразу после вторжения японцев в Монголию, а значительно позже... Так или иначе, пункт второй директивы № 2, по сути дела, прямо противоположен первому: «Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск. Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить группировки его наземных войск. Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100–150 км. Разбомбить Кенигсберг и Мемель». Если отдаётся приказ о массированных бомбардировках городов противника, то эскалация конфликта становится неизбежной. Довольно трудно представить себе советское командование, одновременно с приказом о наступлении на Халхин-Голе (без пересечения маньчжурской грани-

цы) отдающее также приказ о бомбардировках маньчжурских городов, или ещё лучше, японских. Однако, и это следует подчеркнуть, именно такой приказ ушёл в войска утром 22 июня. Можно, конечно, рассматривать директиву просто как приказ войскам удерживать границу на период сосредоточения главных сил, однако такое объяснение явно неубедительно. Во-первых, в условиях начавшегося нападения противника вопрос о переходе границы неизбежно теряет свою актуальность, поэтому первый пункт директивы определённо не имеет логического объяснения. Во-вторых, если действительно предполагалось удерживать границу до завершения сосредоточения, то оптимальное решение состояло в том, чтобы ввести в действие планы прикрытия и действовать в соответствии с ними. Однако никаких указаний о введении планов прикрытия в действие в директиве нет. Приходится признать, что они снова были отвергнуты.

Наконец, вечером того же дня была составлена директива № 3³⁶. К этому времени стало уже окончательно ясно, что идёт большая война, хотя вся серьёзность обстановки на фронте ещё не была осознана в Москве. Чем интересна директива № 3? Прежде всего, как уже говорилось, она действительно не соответствует майскому стратегическому плану. В директиве нет упоминаний об ударах на Краков или на Варшаву. Вместо этого войскам Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов предписывается уничтожить прорвавшиеся на советскую территорию группировки противника и к исходу 24 июня овладеть районами Люблина и Сувалок. По сути, речь идёт о двух частных операциях на стыках фронтов с целью срезать люблинский и сувал-

³⁶Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1. С. 499.

ковский выступы. Дальнейшая задача не указана. Проблема, однако, в том, что таким образом директива противоречит не только майским соображениям по плану стратегического развёртывания, но и предыдущим редакциям стратегического плана, в то время как майский текст, скорее, представляет собою их дальнейшее развитие, поскольку вариант наступления с нанесением главного удара на Краков отработывался в Генштабе, по крайней мере, с осени 1940 г. Необходимо обратить внимание ещё на ряд обстоятельств. Прежде всего, в директиве наконец-то появляется пункт о возможности перехода границы и действий не считаясь с границей. Однако планы прикрытия по-прежнему в действие не вводятся. Поражает также сам текст директивы, в которой нарушены едва ли не все мыслимые и немыслимые законы и принципы оперативного искусства и штабного дела³⁷. Само запланированное наступление на Люблин и Сувалки представляет собою сложнейшую задачу: речь идёт о том, чтобы организовать две операции на окружение, причём каждая должна проводиться на стыке двух фронтов. На проведение обеих операций отводится всего два дня, на подготовку — одна ночь. Для сравнения достаточно вспомнить, что до войны в период сосредоточения вообще не предполагалось вести никаких наступательных действий. Рассматривалась только возможность операции с целью захватить Сувалки, но и от этой идеи в конце концов отказались. Что же касается наступления на Люблин, то оно по всем довоенным планам должно было проводиться уже после того, как сосредоточение главных сил будет закончено, причём на осуществление операции отводилось не два дня, а десять. 22 июня о завершении сосредоточения говорить

³⁷См. об этом подробнее: *Михайлов А.* Оперативно-стратегический аврал // Независимое военное обозрение. 2000, 24 марта. С. 5.

явно не приходилось, нападение немцев не позволило советской стороне довести его до конца. Таким образом, директива в целом производит впечатление чистейшей импровизации, вообще никак не связанной с довоенными разработками Генштаба. Показательно, что в документе указана только ближайшая задача войск, следовательно, составители приказа довольно смутно представляли себе их возможные дальнейшие действия.

Можно только догадываться о том, какая чудовищная растерянность царила в Москве в эти страшные дни, если первой реакцией советского руководства на опасность нападения, а затем и на само нападение Германии стали описанные выше директивы. Тем не менее, проведённый анализ позволяет сделать определённые выводы.

Во-первых, советские стратегические планы 1940–1941 гг. строились в полном соответствии с действующей военной доктриной и предусматривали переход в решительное наступление сразу же, как только закончится от мобилизация и сосредоточение главных сил РККА. План мог допускать несколько альтернативных сценариев наступательных действий, но стратегическая оборона как альтернатива наступлению, по видимому, не рассматривалась в принципе: нетрудно предположить, что планы стратегической обороны, будь они в наличии, были бы уже давно опубликованы. Оборона предусматривалась только в начальный период войны, причём со стороны противника в этот период ожидалось, самое большее, наступательные действия ограниченными силами в соответствии с теорией «вползания в войну». После вступления в сражения главных сил оборона предусматривалась лишь на второстепенных направлениях — опять же, в полном соответствии с принятой доктриной.

Во-вторых, центральное положение в структуре советской военной

доктрины занимала даже не теория «ответного удара» как таковая, а именно теория «сокрушения», принятая изначально и удерживавшая свои позиции независимо от конкретно-исторических условий. Теория «ответного удара» была временным явлением, поскольку представляла собою синтез теории «сокрушения» и возникшей в конкретной обстановке 1930-х гг. теории «вползания в войну». Весной 1941 г., когда руководители государства и армии осознали, что последняя в новых условиях уже не работает, концепция «ответного удара» отошла в прошлое. При этом доктрина «сокрушения» оставалась в действии, поэтому единственным допустимым сценарием возможной войны в создавшихся условиях оказалось внезапное нападение заранее развёрнутыми силами.

В-третьих, советское руководство, по-видимому, было совершенно не готово, даже чисто психологически, к тому, что Германия может осуществить нападение на СССР летом 1941 г. Когда 21 июня стало ясно, что агрессия против Советского Союза может начаться уже на следующий день, в Москве перешли к импровизации, отвергнув абсолютно все прежние планы, включая и планы прикрытия границы, хотя последние, казалось бы, как раз и были предназначены именно для этого случая. Причём нельзя сказать, что причиной тому была неуверенность в том, что эти планы выполнимы. Напротив, судя по содержанию директивы № 3, обстановка к исходу первого дня войны явно показалась советскому руководству слишком благоприятной, чтобы переходить к пассивной обороне, которая предусматривалась планами прикрытия. Если Сталин и был «загипнотизирован германской военной мощью», то в первые дни войны этот «гипноз» определённо не давал о себе знать.

Наконец, в-четвёртых, даже в такой совершенно неожиданной обста-

новке, которая сложилась 21–22 июня, правители СССР, вынужденные импровизировать, в конечном итоге всё равно поступили в соответствии с доктриной, которой придерживались ещё в предвоенный период, отдав войскам приказ о переходе в сокрушительное наступление. В новых условиях такое решение обернулось катастрофой.

2 Оценки уровня подготовки личного состава РККА в конце 1920-х — 1930-е гг. и накануне Великой Отечественной войны

На военно-доктринальных установках советского военно-политического руководства базировались оценки уровня подготовки личного состава РККА в сопоставлении с армиями потенциальных противников и предполагаемыми требованиями будущей войны. Проследим, как эволюционировали эти оценки на протяжении предвоенного периода. Здесь имеет смысл разделить данные мемуаров и архивных документов, поскольку эти две группы источников содержат неодинаковую информацию и различия между ними сами по себе представляют большой интерес.

На всём протяжении рассматриваемого периода уровень боевой подготовки РККА оценивался в целом невысоко. Ещё осенью 1931 г. на расширенном пленуме РВС СССР начальник боевой подготовки РККА Лапин, подводя итог уходящему учебному году, признавал, что вопрос об организации управления войсками «в общем балансе для армии надо считать совершенно неразрешенным»: штабы слишком медлитель-

ны, не отлажена работа разведки³⁸. Основным средством связи остаётся проволока. Части связи не успевают реагировать на изменения обстановки³⁹. Ещё до этого проблемы с организацией управления отмечались и при разборе окружных манёвров. Управление подразделениями выше батальона было признано неудовлетворительным. Обращалось внимание также на низкую оперативную подготовку командного состава⁴⁰. Крайне низким был признан уровень огневой подготовки. Не было должным образом усвоено взаимодействие между войсками⁴¹. Указывалось также на недостаточное внимание к организации противовоздушной обороны⁴² и ряд других недочётов.

Подобную ситуацию прогнозировал ещё В. Триандафиллов. В своём труде «Характер операций современных армий» он обращает внимание на то, что технический прогресс явно обгоняет общий технический и культурный рост населения, поэтому подготовка хорошо обученных бойцов в современных условиях заставляет прилагать всё больше усилий. В то же время перспектива длительной тотальной войны требует заблаговременно подготовить достаточно большое число резервистов, поэтому во всех армиях уменьшается продолжительность срочной службы (до одного-двух лет, по сравнению с тремя-четырьмя перед Первой мировой войной) и сокращаются кадры мирного времени. Если учесть к тому же высокий коэффициент организационного развёртывания частей в период мобилизации, то нужно быть готовыми к наплыву в части многочисленных резервистов. Поддержать же их навыки на

³⁸РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 11. Л. 2–4.

³⁹РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 11. Л. 3–4.

⁴⁰РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1470. Л. 279–288, 371–373, 385–387.

⁴¹РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 11. Л. 2.

⁴²РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1470. Л. 386–387.

должном уровне за время пребывания в запасе не помогут никакие военные сборы. Как результат, «по своим боевым качествам войска первых месяцев войны будут походить скорее на разбавленные большим количеством наспех обученных запасных дивизии 1916–1917 гг., чем на войска, выступившие на войну в 1914 г.». Правда, не исключено, что мирная передышка, если она будет достаточно длительной, позволит улучшить качество обучения и избежать подобных трудностей в военное время⁴³.

Практически все названные выше проблемы оставались слабым местом армии, кажется, до самой Отечественной войны. По итогам 1931–1932 учебного года отмечалось, что в целом преодолено отставание по огневой подготовке и управлению, но полностью решить эти проблемы пока не удаётся. Как достижение в управлении войсками отмечалось, прежде всего, что «командир, научившись сам правильно использовать штабы, привык уже доверять своему штабу, как органу непосредственной помощи по управлению боем, и штабы научились помогать командиру в управлении боем»⁴⁴. Однако управление было отлажено только в простых формах боя. Кроме того, работа штабов оставляла желать лучшего. Здесь в полной мере сохранились все недостатки, отмечавшиеся в предыдущем году⁴⁵. Огневая подготовка также была отлажена только в простейших своих формах (индивидуальная подготовка, простейшие боевые стрельбы мелких подразделений). Кроме того, чтобы ликвидировать низкую успеваемость только в этой области, пришлось тратить на огневую подготовку неоправданно много времени (50–

⁴³ *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. С. 54.

⁴⁴ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 7об–8.

⁴⁵ РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 1об–2об, 7.

60 %)⁴⁶. По-прежнему совершенно не было отлажено взаимодействие между родами войск⁴⁷. На расширенном заседании РВС Союза 16–18 ноября следующего, 1933 года начальник Штаба РККА А. И. Егоров, перечисляя вновь всё те же проблемы, вынужден был сделать неутешительный вывод: уровень боевой подготовки войск, несмотря на имеющиеся достижения, не отвечает требованиям современного боя⁴⁸.

В своих тезисах «Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе» (1932 г.) Егоров также упоминает о том, что уровень подготовки личного состава не соответствует современным требованиям. Войсками не освоены глубокий бой и глубокая операция, которые к тому же не отработаны до конца теоретически. Существующая организация штабов не обеспечивает надёжного управления войсками в глубоком бою и операции⁴⁹.

К осени 1935 г. ситуация несколько улучшилась. Были отмечены определённые достижения в работе войск связи⁵⁰. В результате напряжённой работы было «достигнуто в большинстве звеньев армейского аппарата правильное понимание важности постоянного взаимодействия всех сил, принимающих участие в операции, и в основном научились его осуществлять»⁵¹. К. Е. Ворошилов в телеграмме Сталину от 16 сентября 1935 г., описывая итоги манёвров в Киевском военном округе, специально остановился на этих вопросах:

⁴⁶РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 1об–2, 7об–8, 9об–10.

⁴⁷РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 15. Л. 8об–9.

⁴⁸См. например, РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 40. Л. 4.

⁴⁹*Егоров А. И.* Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе: [Публикация тезисов доклада Маршала Советского Союза, 1932 г.: Напеч. с сокращениями] // *Воен.-ист. журнал.* 1963. № 10. С. 39.

⁵⁰РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 3–4об.

⁵¹РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 7об.

«Значительно улучшилось управление войсками, особенно, связь, которую мы непрерывно ругали вплоть до прошлого года. Командиры и штабы научились безотказно пользоваться радио связью. Связь непрерывалась даже в самых сложных условиях подвижного боя»⁵².

Он отметил также достижения в организации взаимодействия.

В то же время приходилось признать, что «практические навыки по организации взаимодействия не везде полностью и крепко освоены»⁵³. В огневой подготовке улучшений практически не было⁵⁴. По-прежнему не была отлажена работа разведки, сохранялись определённые пробелы в оперативной подготовке.

Довольно интересный отзыв о положении дел в армии сделал Уборевич в своём выступлении на совещании в Западном обкоме ВЛКСМ, видимо, весной 1936 г. Упомянув, что высокий уровень культуры будет играть в грядущей войне исключительную роль, командующий войсками Белорусского военного округа назвал целый ряд проблем, характерных, по его мнению, для СССР и его вооружённых сил. Командарм отметил, что, несмотря на предпринимаемые усилия, «у нас еще мало заботятся друг о друге, много эгоизма, мало боевой дружбы», которая на войне является «решающей силой». Нет должной заботы о людях. 35 % призывников малограмотные, по существу — неграмотные. Даже у многих инженеров и техников уровень знаний неудовлетворительный. Советская молодёжь по уровню физической подготовки отстаёт, скажем, от немецкой, поскольку «слабо у нас развит спорт, нет серьезной

⁵²РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 94–95.

⁵³РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 7об.

⁵⁴РГВА. Ф. 4. Оп. 16. Д. 19. Л. 3.

гигиены, которые бы способствовали развитию организма. У нас много курят, что губительно отражается на организме, имеется половое излишество (sic! — М. М.), что дает слабых бойцов»⁵⁵.

Довольно резким было заключительное слово К. Е. Ворошилова на пленуме Военного совета при наркомате обороны 27 ноября 1937 г. Крайне низко нарком оценил тактическую подготовку войск: бойцы не умеют скрытно передвигаться, окапываться, взаимодействие между родами войск по-прежнему не отработано. Командиры зачастую не заботятся о поддержании нормальной связи с соседями, с подчинёнными, с вышестоящим руководством. Также низкую оценку получила подготовка танковых войск, противотанковой обороны⁵⁶.

Три года спустя война с Финляндией в очередной раз показала: боевая подготовка РККА по-прежнему находится на низком уровне. В частности, отмечались недостатки в организации управления, взаимодействия (эти области подготовки так и остались бичом армии на весь предвоенный период), недостаточное умение правильно использовать современную технику⁵⁷.

Многочисленные недостатки в боевой подготовке отмечены и в акте о приёме Наркомата обороны С. К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова:

«1) Низкая подготовка среднего командного состава в звене рота-взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава.

⁵⁵ Уборевич И. П. Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус. воен. окр. командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещ. в Зап. обкоме ВЛКСМ в 1936 г.)

// *Воен.-ист. журн.* 1988. № 10. С. 43.

⁵⁶ РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 54. Л. 474–481.

⁵⁷ Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 14.

«2) Слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений.

«3) Неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и неумение ими выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

«4) Крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками.

«5) Войска не обучены лыжному делу.

«6) Применение маскировки отработано слабо.

«7) В войсках не отработано управление огнём.

«8) Войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек»⁵⁸.

Авторы документа констатировали, что «в боевой подготовке войск допускается слишком много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий». Многочисленные недочёты отмечались в боевой подготовке авиации⁵⁹.

Декабрьское совещание высшего комсостава в 1940 г. стало своеобразным последним подведением итогов перед Великой Отечественной

⁵⁸ Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 1. С. 10.

⁵⁹ Там же. С. 10–11.

войной. Что же говорилось на этом совещании по поводу боевой подготовки?

Прежде всего, была отмечена недостаточно высокая оперативная подготовка штабных работников. Сохранялись проблемы с применением крупных оперативных соединений, организацией взаимодействия между родами войск, созданием ударных группировок, введением подвижных соединений в прорыв. Не хватало умения восстанавливать управление, нарушенное в ходе операции. Во время штабных занятий допускалось слишком много условностей⁶⁰. Низко оценивалась постановка учебного процесса в военно-учебных заведениях всех уровней: обучение ведётся по устаревшим программам, в результате чего выпускники не обладают достаточными знаниями для того, чтобы руководить современным боем, правильно использовать новое вооружение, налаживать взаимодействие между родами войск. Кроме того, отмечалось, что программы учебных заведений разного уровня не согласованы, выпускники училищ не готовятся к обучению в академиях⁶¹. По-прежнему низкой оставалась огневая подготовка, причём наихудшие показатели были зафиксированы в западных приграничных округах. К. А. Мерецков в своём докладе связывал это с плохой подготовкой командиров к ведению современного боя⁶². Нарком обороны С. К. Тимошенко в своём заключительном слове обращал особое внимание на то, что Зимняя война выявила порочность самой системы боевой подготовки, существовавшей прежде в Красной армии и основанной на большом количестве условностей. По его мнению, наследие этой системы так и не было из-

⁶⁰Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 19–20.

⁶¹Там же. С. 25–26.

⁶²Там же. С. 26–27.

жито в 1941 г., несмотря на его приказы⁶³. Маршал упомянул также о по-прежнему неотлаженной работе тыла и вновь дал низкую оценку оперативной подготовке генералов⁶⁴.

Наконец, 8 мая 1941 г., всего за полтора месяца до войны, на заседании Главного военного совета были рассмотрены итоги боевой подготовки за зимний период 1940–1941 гг. Выводы, изложенные в протоколе заседания, также неутешительны. Хотя в документе и отмечено, что качество боевой подготовки по сравнению с 1940 г. повысилось, тем не менее общий уровень подготовки войск был признан неудовлетворительным и не соответствующим требованиям современного боя и операции. Задачи, поставленные на зимний период приказом НКО № 30 от 21 января 1941 г. о боевой и политической подготовке войск на 1941 учебный год, были признаны невыполненными. По-прежнему не было отработано должным образом взаимодействие родов войск. Особенно отмечались недочёты в Ленинградском и Западном особом военных округах. Лучше обстояли дела в Киевском особом военном округе. Совершенно неудовлетворительным было признано состояние военно-воздушных сил⁶⁵.

Таким образом, советские военачальники, как в начале 1930-х гг., так и в 1940–1941 г., то есть на всём протяжении изучаемого периода, невысоко отзывались о боевой подготовке армии. Хотя, с одной стороны, при анализе соответствующих документов, очевидно, следует делать поправку на их назначение и обстоятельства возникновения (в материалах, использованных выше, вполне логичен акцент именно

⁶³Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. С. 363.

⁶⁴Там же. С. 367–368.

⁶⁵Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 303–306.

на недостатках, без подробного разбора достижений), с другой стороны, всё равно напрашивается вывод, что уровень подготовки личного состава РККА оценивался советским руководством как несоответствующий требованиям будущей войны. Впоследствии критические замечания по поводу довоенной боевой подготовки высказывались и в мемуарах. Однако здесь акценты были уже иными.

Так, И. Х. Баграмян в своих воспоминаниях отмечает, что в Академии Генерального штаба основной упор делался на оперативную подготовку в масштабе армейских операций, а стратегией «как говорится, и не пахло», что делало академическое образование неполным⁶⁶. Он упоминает также о чрезмерном увлечении наступательными видами боевых действий, описывает, как сказывалось на ходе боёв в период Великой Отечественной войны неумение командиров организовать отступление, указывает на то, что в предвоенный период командиров почти не учили скрытному управлению войсками⁶⁷.

А. М. Василевский, отдавая должное довоенной оперативной подготовке как «солидной школе управления войсками», признаёт далее, что, как показали уже первые дни войны, для разгрома врага её было недостаточно: «Нужно было решительно перестраиваться, научиться сначала обороняться, а потом вести мощные наступательные действия»⁶⁸.

И. С. Конев также пишет о том, что перед войной отступление считалось «признаком слабости и несовместимым с нашей доктриной», не уделялось достаточно внимания отработке борьбы в окружении. Во время войны это имело свои последствия⁶⁹. В то же время он отмечает, что

⁶⁶ Баграмян И. Х. Мои воспоминания. Ереван, 1979. С. 157.

⁶⁷ Там же. С. 354.

⁶⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1975. С. 600.

⁶⁹ Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 2000. С. 67–68.

в предвоенные годы войска достаточно интенсивно готовили к форсированию водных преград, и это очень помогало в наступательный период войны⁷⁰.

Д. Д. Лелюшенко описывает, как войскам уже во время войны пришлось по сути заново учиться подвижной обороне, поскольку в мирное время этот вид боевых действий отрабатывался мало и не был отражён в инструкциях⁷¹.

Как видим, война действительно подтвердила, что уровень боевой подготовки РККА был невысоким. Но выразилось это иначе, чем ожидали советские военачальники перед войной. Настолько иначе, что после войны её участники не посчитали нужным даже упоминать в своих мемуарах о тех проблемах, которые обсуждались перед нею.

* * *

Как видно из сказанного в этой главе, проанализированные примеры подтверждают, что практическая деятельность советского руководства в описываемый период полностью соответствовала военно-доктринальным установкам, описанным в предыдущих главах. Причём занимавшая центральное место в структуре этих установок теория «сокрушения», дополненная представлением о приоритете наступательных действий перед оборонительными, была, по-видимому, принята априори, и никакие особенности конкретной складывающейся обстановки уже не могли заставить руководителей СССР отказаться от неё. Такой подход делал однобокой и несбалансированной боевую подготовку и безальтернативным — военное планирование, но это так и не было осознано. Как

⁷⁰ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом. М., 2000. С. 166–167.

⁷¹ *Лелюшенко Д. Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага: Записки командарма. М., 1985. С. 27.

следствие, в условиях внезапного нападения Германии советским руководством был сделан наиболее проигрышный в той ситуации выбор в пользу немедленного перехода в наступление, что позволяет рассматривать описанные особенности советской военной доктрины как одну из основных причин катастрофы лета 1941 г. Эти же обстоятельства впоследствии стали одной из причин поражений первой половины 1942 г., когда советская сторона снова попыталась вернуться к стратегии сокрушения, не приняв во внимание всю сложность ситуации на фронте. Понятие преднамеренной обороны в советском лексиконе появилось лишь спустя ещё год.

Заключение

Попробуем подвести общие итоги проделанной работы. На всём протяжении изучаемого периода советским руководством предпринимались неоднократные попытки спрогнозировать, хотя бы в общих чертах, характер грядущей войны. Как следствие, мы можем говорить о существовании целостного *образа будущей войны*, характеризующего её с социально-политической, стратегической и военно-технической точек зрения. Центральную его часть составляла советская военная доктрина, которая в межвоенный период так и не была оформлена в виде специального документа и существовала просто как система принятых в государстве официальных взглядов, определявших направление и содержание советского военного строительства и военного планирования. Образ будущей войны, сформировавшийся к началу 1930-х гг., продолжал развиваться и уточняться вплоть до 1941 г. Определённое влияние на этот процесс оказало дальнейшее развитие вооружений, изучение опыта Первой мировой войны, а также локальных войн и военных конфликтов 1920-х — 1930-х гг., достижения военно-теоретической мысли. Во второй половине 1930-х гг., когда на фоне дальнейшего роста международной напряжённости появилась непосредственная угроза большой войны, стало возможным дополнительное уточнение советских военнодоктринальных взглядов применительно к конкретной складывающейся-

ся обстановке. Роль связующего звена между общими представлениями о будущей войне и практическими мероприятиями по подготовке к ней играли оценки текущего состояния вооружённых сил, а также стратегические планы. Последние можно рассматривать как своеобразный конкретизированный образ будущей войны.

Итак, какой же представлялась советскому руководству грядущая схватка с «капиталистическим миром»?

Хотя официальная пропаганда постоянно стремилась создать впечатление, будто война может начаться в любой момент, в действительности примерно *до середины 1930-х гг.* большая война, по-видимому, представлялась советскому руководству скорее как весьма вероятная, но всё же отдалённая перспектива. Представления о её *политическом характере* практически не выходили за пределы чисто гипотетических построений. То же можно сказать и о составе *предполагаемых противников*: в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в качестве таковых рассматривались практически все капиталистические страны, в полном соответствии с господствующей идеологией. Главным потенциальным противником могла считаться то Великобритания, то Франция, но это не имело существенного значения. Принципиально важно то, что уже в это время даже на уровне официальных заявлений не исключалась *возможность вступления СССР в войну по собственной инициативе*. Этот тезис сохранился и в дальнейшем, в том числе в 1939–1941 гг.

К концу 1930-х гг. новая мировая война превратилась во вполне реальную угрозу в самой ближайшей перспективе. Это понимали и в Советском Союзе. К этому времени в качестве главных потенциальных противников рассматривались уже Германия и Япония, т. е. страны, действительно проводящие агрессивную внешнюю политику. Исчезло

даже долго существовавшее представление о том, что фашистские государства в будущей войне станут лишь орудием в борьбе западных демократий против СССР.

Помимо политической концепции будущей войны были выработаны также её *стратегическая* и *военно-техническая* концепции. При этом неизменным с конца 1920-х гг. и вплоть до 1941 г. оставалось представление о будущей войне как о затяжной тотальной войне на истощение; предполагалось, что она окажется ещё более тяжёлой и изнурительной, чем прошедшая Первая мировая война. В то же время отдельные более конкретные представления о стратегическом и военно-техническом характере будущей войны с течением времени претерпевали изменения в соответствии с объективно складывающейся обстановкой. Так, хотя представители военно-политического руководства и в самом начале рассматриваемого периода уже не сомневались в том, что в предстоящей войне техника будет играть ключевую роль, ещё более значительную, чем в Первой мировой войне, предвидеть, в какой форме и в каких масштабах будут применяться технические рода войск десять-пятнадцать лет спустя, в конце 1920-х гг. было, конечно же, невозможно. Принципиальные изменения претерпели также представления о начальном периоде войны.

Следует, однако, обратить внимание на то, что ещё в начале 30-х гг., когда среди военных завершились споры между «измористами» и «сокрушителями», как военным, так и политическим руководством был сделан жёсткий и однозначный выбор в пользу *«стратегии сокрушения»*, причём *безусловный приоритет был отдан наступательным видам боевых действий*. Таким образом стремительное массированное наступление Красной армии превратилось в практически единственно

возможный сценарий предстоящей войны, даже если это будет защита от агрессии. Причём эта доктрина на рубеже 1930-х — 1940-х гг. не была ни отвергнута, ни даже скорректирована.

После 1 сентября 1939 г. вопрос о будущей большой войне естественным образом конкретизировался в вопрос об участии Советского Союза в начавшейся Второй мировой войне. То, что страна рано или поздно будет вовлечена в эту войну, особых сомнений не вызывало. Наиболее вероятной формой участия СССР в войне представлялось столкновение с Германией и её союзниками. Анализ *стратегических планов*, разработанных в течение последнего предвоенного года, показывает, что все они строились на основе доктрины «сокрушения» и допускали начало войны по инициативе СССР. Весной 1941 г. представление о внезапном вторжении главных сил как наиболее вероятном способе развязывания войны, наконец, возобладало над прежней теорией «вползания в войну», что привело к отказу от доктрины «ответного удара», но не от концепции «сокрушения» как таковой. Видимо, именно этим объясняется то обстоятельство, что последний известный на данный момент — майский — проект стратегического плана войны с Германией, относящийся к непосредственному кануну Великой Отечественной войны, предполагает, опять-таки, не стратегическую оборону, а нанесение внезапного удара по частям Вермахта главными силами РККА. По-видимому, в мае-июне советским руководством была развёрнута подготовка к осуществлению этого плана, из чего следует, что руководители СССР были морально вполне готовы совершить нападение на Германию летом 1941 г. Рассуждения о том, было ли принято «политическое решение» о начале подобной операции, вряд ли можно считать продуктивными, поскольку нападение немцев застало советское руководство на той ста-

дии подготовки к войне, которую германская сторона уже прошла, по крайней мере, двумя-тремя месяцами ранее. Очевидно, однако, что решение о начале стратегического развёртывания было принято в Москве и начало претворяться в жизнь. Таким образом, знание того неоспоримого факта, что именно Германия в июне 1941 г. осуществила вероломное нападение на Советский Союз, не должно превращаться в логическую ловушку, поскольку в феврале-марте 1941 г. решение гитлеровского руководства начать войну против СССР в назначенный день было ещё далеко не столь окончательным, как в двадцатых числах июня; хотя подготовка к нападению на Советский Союз уже проводилась, немецкой стороне ещё предстояло осуществить агрессию против Югославии, противоречившую первоначальным планам, и перенести операцию «Барбаросса» на более поздний срок.

Приведённые соображения позволяют найти объяснение противоречиям в имеющейся информации об ожидаемых *сроках начала войны*. По-видимому, нападения со стороны Германии, продолжавшей войну с Великобританией, действительно не ожидалось ранее 1942–1943 гг. В то же время, если стратегический план от 15 мая 1941 г. действительно был принят к исполнению, то до возможного начала войны и в самом деле оставались считанные месяцы. Таким образом, предполагаемые планы сталинского руководства не могут считаться намерением начать превентивную войну против Германии, как некорректно называть превентивной войной и действия Берлина, где также не ожидали нападения со стороны СССР в обозримой перспективе. Скорее, здесь следует говорить о том, что в 1940–1941 гг. обе державы проводили параллельную подготовку к войне друг с другом, не видя иного способа разрешить существовавшие между ними противоречия. Поскольку со-

ветская сторона приступила к стратегическому развёртыванию позже, чем немецкая, Германии удалось начать войну первой.

Интересно, что в течение рассматриваемого периода серьёзные изменения претерпели представления о *мировой революции*, которая в канун Великой Отечественной войны рассматривалась уже скорее как непосредственный результат наступательных действий Красной армии в будущей войне. Кроме того, на рубеже 1930-х — 1940-х гг. сталинское руководство, по-видимому, сделало первые шаги по внесению в официальную идеологию элементов русского национализма, что, вообще говоря, позволяло в перспективе осуществить серьёзную подмену понятий, отождествив национальные интересы Советского Союза, к тому же понимаемые в империалистическом ключе, с интересами мирового пролетариата, а советскую политическую и военную экспансию — с продвижением к мировой революции.

Насколько *адекватны* были описываемые представления? Действительность 1941–1945 гг. во многом подтвердила довоенные прогнозы. Нашей стране пришлось вести многолетнюю тотальную войну против коалиции европейских государств во главе с нацистской Германией. Война приобрела ярко выраженный манёвренный характер, что во многом было связано с массированным применением новой техники. В круговорот войны тем или иным образом было вовлечено всё население страны. Активное применение авиации позволило наносить мощные удары по противнику в глубине его расположения, что привело к размыванию границы между фронтом и тылом. Нельзя не вспомнить и о том, что в соответствии с представлением о будущем противостоянии как затяжной войне на истощение строилась советская военная и экономическая политика предвоенных лет, включавшая в себя и такие меропр-

ятия, как создание мощной промышленной базы, в том числе на востоке страны, накопление стратегических запасов и т. д. Благодаря этим мероприятиям Советскому Союзу удалось устоять в начавшейся войне с Германией, невзирая даже на катастрофические поражения Красной армии в 1941–1942 гг.

Тем не менее, первоначальные прогнозы содержали огромное число неточностей. Вместо сокрушительного наступления стране пришлось обороняться от агрессии, которую в Москве до последнего момента считали невозможной, проигнорировав многочисленные сообщения разведки. (Кстати, имевшая место, по некоторым данным, склонность Сталина накануне войны объяснять поступающую информацию о подготовке Гитлера к нападению на СССР стремлением английского правительства столкнуть Советский Союз с Германией раньше времени вполне соответствует тому обстоятельству, что Великобритания продолжала рассматриваться как потенциальный противник СССР даже в 1940 г.) Прежнее увлечение «стратегией сокрушения» и наступательными действиями привело к катастрофическим результатам, среди которых не только поражения советских войск в летне-осеннюю кампанию 1941 г., но и неудачи весны 1942 г., когда советское командование снова попыталось перейти, наконец, от стратегии измора к стратегии сокрушения. Личный состав Красной армии оказался не подготовлен к ведению оборонительных и отступательных действий, что также имело свои последствия.

Из представления о возрастании роли техники тоже были сделаны весьма специфические выводы. С одной стороны, в ходе подготовки к «войне моторов» в Красной армии были созданы огромные по численности бронетанковые войска, применение которых при этом не было

в достаточной степени обеспечено ни организационно (избыточное количество частей и соединений и как следствие — незавершённость их формирования), ни технически (дефицит средств связи, ограниченные возможности ремонта и т. д.). С другой стороны — несмотря на постоянное усиление технических родов войск, советское руководство явно не спешило отказываться от применения конницы и продолжало содержать кавалерийские части и соединения даже на Западном театре военных действий.

Таким образом, *комплекс представлений о будущей войне, сформировавшийся к июню 1941 г., не соответствовал в полной мере реалиям начавшейся 22 июня войны с Германией, и это, по-видимому, следует признать одной из основных причин неудач Красной армии в 1941–1942 годах.* Необходимо учитывать то обстоятельство, что выбор в пользу стратегии сокрушения с приоритетом наступательных действий не был напрямую обусловлен объективными реалиями 1920-х — 1930-х гг. Скорее здесь сработали какие-то изначальные установки мышления, существовавшие априори. Возможно, сыграли свою роль философско-идеологические представления сталинского руководства, в том числе об особых свойствах советского государства и общества, советских вооружённых сил, советского военнослужащего¹. Этому могли способствовать и результаты первых пятилеток, усиливая уверенность в том, что материальная основа для успехов РККА в грядущих схватках уже заложена.

* * *

¹См. об этом подробнее: *Кулешова Н. Ю.* Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история.* 2001. № 2. С. 61–72.

Проведённое исследование показывает, что понимание событийной истории невозможно без специального изучения тех представлений, на основе которых принимались конкретные решения в конкретных ситуациях. В числе возможных направлений дальнейших исследований можно назвать не только изучение конкретных мероприятий по подготовке к предстоящей войне, проводившихся в СССР в межвоенный период, и их связи с существовавшими представлениями о будущей войне, но и сравнительный анализ представлений о характере грядущих войн, бытовавших в это время в среде советской и немецкой военной и политической элиты. Не менее продуктивным может оказаться и более глубокое изучение истоков существовавших представлений. По-видимому, такие проблемы, как прогнозирование советскими лидерами будущих исторических процессов, равно как и понимание ими роли СССР в этих процессах, определение целей исторического развития и представления о том, какие шаги необходимы в текущей ситуации, чтобы приблизиться к достижению поставленных целей — всё это составляет отдельную тему для изучения, которая ещё ждёт своих исследователей.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

Опубликованные

1. 1937. Показания маршала Тухачевского // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 8. С. 44–53; № 9. С. 55–63.
2. 1941 год: В 2 кн. / Сост. Л. Е. Решин и др.; Под. ред. В. П. Наумова. М., 1998. Кн. 1–2.
3. Акт о приеме Наркомата Обороны Союза ССР тов. Тимошенко С. К. от тов. Ворошилова К. Е // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 1. С. 7–16.
4. Великая Отечественная: [Сб. документов]. М., 1997. Т. 2(2): Приказы народного комиссара обороны СССР, 22 июня 1941 г. — 1942 г. 446 с. (Русский архив. Т. 13(2–2)).
5. Главный военный совет РККА, 13 марта 1938 г. — 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004.
6. Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Подг. В. А. Невежин // *Археографический ежегодник за 1995 год*. М., 1997. С. 191–207.

7. *Джугашвили Я.* Сомневаюсь, что вы будете в Москве: Протокол допроса немцами военнопленного ст. лейтенанта Я. И. Джугашвили, 18 июля 1941 г. // *VIP – premier*. 2001. № 4. С. 88–92.
8. Застольные речи Сталина: Документы и материалы / Сост. и предисл. Невежина В. А. М., 2003. 543 с.
9. Зимняя война 1939–1940. М., 1998. Кн. 2: Сталин и финская кампания: (Стенограмма совещания при ЦК ВКП(б)). 295 с.
10. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984–1985. Т. 5–6.
11. Конец глобальной лжи // *Воен.-ист. журн.* 1996. № 2, 3, 4, 5, 6.
12. *Мехлис Л.* [Директива военным советам и начпуокра КОВО и ОдВО] // *Военно-исторический архив*. 2006. № 2. С. 179–187.
13. Накануне войны: Материалы совещания высш. руководящего состава РККА 23–31 дек. 1940 г. М., 1993. 408 с.: ил.
14. «По данным радиоразведки...»: Документы Центрального военно-морского архива, июнь 1941 г. / Публ. В. Г. Кикнадзе // *Исторический архив*. 2006. № 3. С. 20–29.
15. Постановление Комитета Обороны при СНК СССР «Об организации и численности Красной Армии»; Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О производстве танков Т-34 в 1940 году» // *Известия ЦК КПСС*. 1990. № 2.
16. Приказ Народного Комиссара Обороны Союза ССР военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов № 3, 22.6.41 // *Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки*. М., 1998. Кн. 1. С. 499.
17. Приказы Народного комиссара обороны СССР, 1937 — 22 июня

1941 гг.: Сб. М., 1994.

18. Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками // *Новая и новейшая история*. 1993. № 3. С. 40–45.

19. Уроки войны с Финляндией: Неопубликованный доклад наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова на Пленуме ЦК ВКП(б) 28 марта 1940 г. // *Новая и новейшая история*. 1993. № 4. С. 100–122.

20. Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 2. С. 18–22.

* * *

21. Временный полевой устав РККА: (ПУ–36). М., 1938. 199 с.

22. Дисциплинарный устав Красной Армии. М., 1941.

23. Полевой устав Красной Армии: Проект. М., 1941. 223 с.

24. Полевой устав РККА (1929). М.; Л., 1935. 208 с.

25. Полевой устав РККА (ПУ-39). М., 1939. 81 с.

* * *

26. *Егоров А. И.* Тактика и оперативное искусство РККА на новом этапе: [Публикация тезисов доклада Маршала Советского Союза, 1932 г.: Напеч. с сокращениями] // *Воен.-ист. журнал*. 1963. № 10. С. 30–39.

27. *Егоров А. И.* Тактика и оперативное искусство РККА начала тридцатых годов // Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917–1940 гг.). М., 1965.

28. *Иссерсон Г. С.* Новые формы борьбы: (Опыт исследования совр. войн). М., 1940. Вып. 1. 76 с.: ил.

29. Постигание военного искусства: Идейное наследие А. Свечина / Сост. А. Е. Савинкина, А. Г. Кавтарадзе, Ю. Т. Белова, И. В. Домнина. М., 1999. 690 с.: ил.

30. *Свечин А. А.* Стратегия. М., 1926. 396 с.: ил.

31. *Тау.* Неудачные попытки Фуллера перепрыгнуть через себя // Красная звезда. 1932. 20 июня.

32. *Триандафиллов В.* Характер операций современных армий. М.; Л., 1929. 184 с.

33. *Тухачевский М. Н.* Избранные произведения. М., 1964. Т. 1–2.

* * *

34. *Ворошилов К. Е.* Две речи Клим Ворошилова. Фрунзе, 1930. 48 с.

35. *Ворошилов К. Е.* О проекте закона о всеобщей воинской обязанности: Доклад... на Внеочередной 4-й сессии Верховного совета СССР 1-го созыва, 31 августа 1939 г. М., 1939. 39 с.: ил.

36. *Ворошилов К. Е.* Оборона СССР. М., 1927.

37. *Ворошилов К. Е.* Оборона СССР. М., 1937.

38. *Ворошилов К. Е.* Побеждать врага малой кровью: Выступление К. Е. Ворошилова на заседании Военного Совета при наркомате обороны СССР, 1938 г. // *Исторический архив.* 1997. № 4. С. 64–74.

39. [*Мехлис Л. З.*] «Ложные установки в деле воспитания и пропаганды»: Доклад начальника Главного политического управления РККА Л. З. Мехлиса о военной идеологии, 1940 г. // *Исторический архив.* 1997. № 5–6. С. 82–99.

40. [Мехлис Л. З.] «На штурм капитализма, к мировой коммуне»: Стенограмма доклада Л. З. Мехлиса на собрании партийного актива Киевского особого военного округа, 1939 г. // *Исторический архив*. 2005. № 2. С. 60–94; № 3. С. 67–90.

41. Мехлис Л. З. Речь на XVIII съезде ВКП(б) 14 марта 1939 г. М., 1939.

42. Молотов В. М. 21-я годовщина Октябрьской революции: (Докл. на торжеств. заседании Моск. Совета 6-го нояб. 1938 г.). М., 1938. 24 с.

43. Молотов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935. 587 с.: ил.

44. Молотов В. М. Внешняя политика правительства: Докл. пред. СНК и нар. комиссара иностр. дел на заседании VI сессии Верховного Совета Союза ССР 29 марта 1940 г. М., 1940. 20 с.

45. Молотов В. М. Внешняя политика Советского Союза: Докл. пред. СНК и нар. комиссара иностр. дел на заседании VII сессии Верховного Совета СССР, 1 авг. 1940 г. М., 1940. 12 с.

46. Молотов В. М. К двадцатилетию Октябрьской революции: Докл. на торжеств. заседании в Большом театре 6 нояб. 1937 г. М., 1937. 31 с.: ил.

47. Молотов В. М. О Великой Отечественной войне: Сб. речей. Красноярск, 1942. 64 с.

48. Молотов В. М. О международном положении и внешней политике СССР: Докл. пред. СНК СССР и Нар. комиссара иностр. дел т. В. М. Молотова на Третьей сессии Верховного Совета СССР, 31 мая 1939 г. М., 1939. 15 с.

49. Молотов В. М. Отчет делегации ВКП(б) в ИККИ: (Доклад и заключительное слово на XVI съезде ВКП(б) 5–7 июля 1930 г.) // Моло-

тов В. М. В борьбе за социализм: Речи и ст. 2-е изд., доп. М., 1935.

50. *Молотов В. М.* Отчетный доклад о работе правительства VII съезду советов СССР, 28 янв. 1935 г. // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937.

51. *Молотов В. М.* План и наши задачи: (Доклад о народнохозяйственном плане 1936 г. на II сессии ЦИК СССР 10 янв. 1936 г.) // Молотов В. М. Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937.

52. *Молотов В. М.* Речи о внешней политике СССР. Хабаровск, 1939. 55 с.

53. *Молотов В. М.* Статьи и речи, 1935–1936. М., 1937. 272 с.: ил.

54. *Молотов В. М.* Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР: Докл. и закл. слово на 18 съезде ВКП(б), 14–17 марта 1939 г. М., 1939. 64 с.: ил.

55. *Сталин И. В.* Беседа с председателем американского газетного объединения Скриппс-Говард Ньюспейперс Рой Говардом 1 марта 1936 г. // Соч. М., 1956. Т. 14.

56. *Сталин И. В.* Международное положение и оборона СССР // Соч. М., 1949. Т. 10.

57. *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 2-е изд. М., 1942. 79 с.: ил.

58. *Сталин И.* О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // *Большевик*. 1941. № 9. С. 1–5.

59. *Сталин И. В.* Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. // Соч. М., 1956. Т. 14.

60. *Сталин И. В.* Сочинения. М., 1949–1956. Т. 10, 12–14.

61. Третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1938–1942 гг.): Тезисы доклада тов. В. Молотова на XVIII съезде

ВКП(б), одобренные в основном Политбюро ЦК ВКП(б): 2-ой пункт порядка дня съезда. М., 1939. 64 с.

62. *Тухачевский М. Н.* Задачи обороны СССР: Речь 15 января 1936 г. М., 1936.

63. *Тухачевский М. Н.* Полевой устав 1929 года // Красная звезда. 1929. 18 июля.

64. *Уборевич И. П.* Два очага опасности: (Выступление командующего Белорус. воен. окр. командарма 1 ранга И. П. Уборевича на совещ. в Зап. обкоме ВЛКСМ в 1936 г.) // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 10. С. 38–43.

* * *

65. *Андреев А. М.* От первого мгновения — до последнего. М., 1984. 220 с.: ил.

66. *Баграмян И. Х.* Мои воспоминания. Ереван, 1979. 664 с.: ил.

67. *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1984. 511 с.

68. *Белобородов А. П.* Всегда в бою. М., 1984. 349 с.: ил.

69. *Бирюзов С. С.* Суровые годы, 1941–1945. М., 1966. 560 с.: ил.

70. *Борисов Б. А.* Записки секретаря горкома. М., 1964. 304 с.: ил.

71. В первые месяцы Великой Отечественной войны: (Из дневниковых записей генерала армии И. Р. Апанасенко) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 208–212.

72. *Ванников Б. Л.* Записки наркома // *Знамя.* 1988. № 1. С. 130–160; № 2. С. 133–159.

73. *Василевский А. М.* В те суровые годы // *Воен.-ист. журн.* 1978. № 2. С. 65–72.

74. *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1975. 607 с.: ил.

75. [Василевский А. М.] Накануне 22 июня 1941 г.: Неопубликованное интервью маршала Советского Союза А. М. Василевского // *Новая и новейшая история*. 1992. № 6. С. 3–11.
76. Г. К. Жуков: из неопубликованных воспоминаний // *Коммунист*. 1988. № 14. С. 87–101.
77. Голованов А. Е. «Он стоял во главе тяжелейшей мировой войны» // *Слово*. 1994. № 7–8. С. 35–40; № 9–10. С. 44–51.
78. Грабин В. Г. Оружие победы. 2-е изд., испр. М., 2000. 544 с.: ил.
79. Гречко А. А. Годы войны, 1941–1943. М., 1976. 544 с.: ил.
80. Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. 10-е изд., доп. по рукописи авт. М., 1990. Т. 1.
81. Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. 318 с.
82. Каганович Л. М. Памятные записки рабочего, коммуниста-большевика, профсоюзного, партийного и советско-государственного работника. М., 2003. 671 с.
83. Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971.
84. Конев И. С. Записки командующего фронтом. М., 2000. 527 с.: ил.
85. Кузнецов Н. Г. Накануне; Курсом к победе. М., 1991. 732 с.: ил.
86. Кузнецов Н. Г. «Наши отношения с Жуковым стали поистине драматическими...» // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 1. С. 74–82.
87. Лелюшенко Д. Д. Москва — Сталинград — Берлин — Прага: Записки командарма. М., 1985. 406 с.: ил.
88. Малышев В. А. «Пройдёт десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти»: Дневник наркома В. А. Малышева // *Источник*. 1997. № 5. С. 103–147.

89. *Мерецков К. А.* На службе народу: Страницы воспоминаний. М., 1969. 464 с.: ил.
90. *Микоян А. И.* Так было: Размышления о минувшем. М., 1999. 637 с.: ил.
91. *Плиев И. А.* Дорогами войны: Воспоминания. М., 1985. 368 с.: ил.
92. *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1980. 367 с.: ил.
93. [*Уборевич И. П.*] Письмо 1936-го: И. П. Уборевич — Г. К. Орджоникидзе // Факел, 1990. М., 1990. С. 236–238.
94. *Устинов Д. Ф.* Во имя Победы: Записки наркома вооружения. М., 1988. 320 с.: ил.
95. *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: В 2 кн. М., 1985. Кн. 1. 447 с.: ил.

Неопубликованные

Российский государственный архив

социально-политической истории (РГАСПИ)

96. Ф. 74. Ворошилов Климент Ефремович. Оп. 2. Д. 37, 38, 39, 40, 41, 42, 45, 88, 89, 91, 93, 94, 100, 102, 105, 107, 119, 136, 139, 140, 141, 142.
97. Ф. 77. Жданов Андрей Александрович (1896–1948 гг.). Оп. 1. Д. 867, 886, 887, 901, 919. Оп. 4. Д. 26, 27, 71, 72.
98. Ф. 495. Коминтерн. Оп. 18. Д. 495, 526, 923; Оп. 78. Д. 150. Оп. 154. Д. 528.
99. Ф. 558. Личный фонд И. В. Сталина. Оп. 11. Д. 439, 446, 712, 753, 830, 832, 980, 1117, 1118, 1119, 1120, 1121, 1122, 1123, 1124, 1125.

Российский государственный военный архив (РГВА)

100. Ф. 4. Управление делами при народном комиссаре обороны СССР. Оп. 1. Д. 1470; Оп. 14. Д. 379, 430, 431, 532, 605, 745, 746, 754, 760, 1041, 1299, 1538, 1557, 1681, 1687, 1823, 2020, 2030; Оп. 16. Д. 11, 15, 19; Оп. 18. Д. 40, 53, 54; Оп. 19. Д. 11.

101. Ф. 9. Политическое управление Красной армии. Оп. 28. Д. 611, 615; Оп. 29. Д. 15, 107, 235, 261, 348, 391, 396; Оп. 33. Д. 78, 138, 188, 189; Оп. 35. Д. 96, 97; Оп. 39. Д. 105.

102. Ф. 31983. Управление боевой подготовки Красной армии. Оп. 2. Д. 18, 23, 186, 190, 230.

II. Литература

103. 30-е годы: Взгляд из сегодня / Отв. ред. Волкогонов Д. А. М., 1990. 165 с.

104. *Азяцкий Н. Ф.* О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году // *Военная мысль.* 1990. № 8. С. 9–18.

105. *Акинский В. С.* Климент Ефремович Ворошилов: Биограф. очерк. 3-е изд., доп. М., 1979. 286 с.: ил.

106. *Александров М. В.* Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra, 1995. 138 с.

107. *Анисимов И. В., Кузьмин Г. В.* Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945 гг.: Краткий ист. очерк. М., 1952.

108. *Анфилов В. А.* Бессмертный подвиг: Исследование кануна и первого этапа Великой Отечеств. войны. М., 1971. 543 с.: ил.
109. *Анфилов В. А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. 191 с.
110. *Анфилов В. А.* Дорога к трагедии 1941 года. М., 1997. 303 с.
111. *Анфилов В. А.* Начало Великой Отечественной войны (22 июня — середина июля 1941 г.): Военно-исторический очерк. М., 1962.
112. *Анфилов В. А.* Незабываемый сорок первый. М., 1982. 368 с.: ил.
113. *Анфилов В. А.* Незабываемый сорок первый. 2-е изд., доп. М., 1989. 368 с.
114. *Анфилов В. А.* Провал «блицкрига». М., 1974. 615 с.
115. *Аркадьев А.* К вопросу о планах нападения милитаристской Японии на СССР в 1939–1941 гг. // *Военно-исторический журнал.* 1976. № 9.
116. *Афанасьев В. А.* Халхин-Гол в ретроспективе Большой войны // *Отечественная история.* 1999. № 5. С. 181–185.
117. *Бабин А. И.* Канун и начало Великой Отечественной войны. М., 1991.
118. *Багдасарян В. Э.* Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х гг. // *Отечественная история.* 2003. № 6. С. 31–46.
119. *Безыменский Л.* Альтернативы 1939 года: Вокруг сов.-герм. пакта 1939 г. и связ. с ним документов // *Новое время.* 1989. № 23, 24.
120. *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. 510 с.: ил.
121. *Безыменский Л. А.* О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г. // *Новая и новейшая история.* 2000. № 3. С. 58–67.
122. *Бельков Д. А.* Гражданская война в Испании: использование боевого опыта в советском военном строительстве (1936–1941) // *Великая*

Отечественная война 1941–1945 гг.: Опыт изучения и преподавания: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, 17 мая 2005 г. М., 2005. С. 235–264.

123. *Бельков Д. А.* Опыт локальных войн 1930-х гг. и подготовка Красной Армии к войне // Вторая мировая война и современный мир: К 60-летию Великой Победы: Межвузовская научная конференция (26–27 апреля 2005 г., Москва): Материалы: [Приложение: Электронный ресурс]. Электрон. дан. М., 2005.

124. *Беляев В. И.* Усиление охраны государственной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал*. 1988. № 5. С. 50–55.

125. *Бим-Бад Б. М.* Сталин: Исслед. жизнен. стиля. М., 2002. 191 с.: ил.

126. *Бобылев П. Н.* К какой войне готовился Генеральный штаб РККА в 1941 году? // *Отечественная история*. 1995. № 5. С. 3–20.

127. *Бобылев П. Н.* Репетиция катастрофы: (По материалам совещания высшего командного состава Красной Армии в декабре 1941 г. и оперативно-стратегических игр на картах в январе 1941 г.) // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35.

128. *Бобылев П. Н.* Точку в дискуссии ставить рано: К вопросу о планировании в Генеральном штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах // *Отечественная история*. 2000. № 1. С. 41–64.

129. *Бонвеч Б.* Наступательная стратегия — наступление — нападение // *Отечественная история*. 1998. № 3.

130. *Бордюгов Г. А.* Гитлер приходит к власти: новые доминанты внешнеполитических решений сталинского руководства, 1933–1934 го-

ды // *Отечественная история*. 1999. № 2. С. 27–45.

131. *Бочков Е. А.* Экономические, социально-политические и военные аспекты территориально-милиционного устройства Вооруженных Сил СССР в 1920–1930-е годы // *Военно-исторический журнал*. 2005. № 12. С. 32–34.

132. Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки. М., 1998. Кн. 1: Суровые испытания. 544 с.: ил.

133. Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1965.

134. *Вишнев О. В.* Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г.: По документам герм. архивов // *Новая и новейшая история*. 1994. № 4–5. С. 242–253.

135. *Вишнев О. В.* Почему медлил И. В. Сталин в 1941 г.?: Из документов герм. архивов // *Новая и новейшая история*. 1992. № 1–2.

136. Война 1939–1945 гг.: два подхода / Под общ. ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1995.

137. Война и политика, 1939–1941 / Отв. ред. Чубарьян А. О., Городецкий Г. М., 2001. 495 с.

138. *Волков В. К.* Призрак и реальность «Барбароссы» в политике Сталина (весна-лето 1941 г.) // *Вопросы истории*. 2003. № 6. С. 31–58.

139. *Воюшин В. А., Горлов С. А.* Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 6. С. 13–23.

140. Вторая мировая война 1939–1945: Воен.-ист. очерк. М., 1958.

141. Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований: Пер. с нем. М., 1997. 700 с.

142. *Гареев М. А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году? // *Война и политика, 1939–1941*. М.,

1999. С. 270–279.

143. *Гареев М. А.* Неоднозначные страницы войны: (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отеч. войны). М., 1995. 320 с.

144. *Гареев М. А.* О военной науке и военном искусстве: (Сталинское понимание проблемы и современность) // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 5. С. 2–8; № 6. С. 2–5.

145. *Гинцберг Л. И.* Советско-германский пакт: замысел и его реализация // *Отечественная история*. 1996. № 3.

146. *Горлов С. А.* Переговоры В. М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. // *Военно-исторический журнал*. 1992. № 6–7. С. 45–48.

147. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995.

148. *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 1999. 384 с.: ил.

149. *Горьков Ю. А.* Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // *Новая и новейшая история*. 1993. № 3. С. 29–39.

150. *Данилов В.* Генеральный штаб РККА в предвоенные годы (1936 — июнь 1941 г.) // *Воен.-ист. журн.* 1980. № 3. С. 68–74.

151. *Данилов В. Д.* Готовил ли Генеральный Штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 82–91.

152. *Данилов В. Д.* Советское главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история*. 1988. № 6. С. 3–20.

153. *Данилов В.* Сталин опоздал. . . (Воен. стр-во в СССР в предвоен. годы и начал. период войны) // *Родина*. 1995. № 7. С. 70–73.

154. *Данилов В. Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность // *Отечественная история*. 1995. № 3. С. 33–44.

155. *Данилов Ф., Кравченко И.* У истоков советской теории оперативного искусства (1921–1930 гг.) // *Воен.-ист. журн.* 1973. № 11. С. 38–45.
156. *Дружба О. В.* Проблемы войны в общественном сознании 30–50-х гг.: прогнозы, реальность, первый опыт исторического осмысления // *Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки.* 1998. № 3. С. 79–90.
157. *Дэвис Р., Хлевнюк О.* Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // *Отечественная история.* 1994. № 3.
158. *Жилин П.* Дискуссии о единой военной доктрине: (Из истории развития военно-теоретической мысли) // *Военно-исторический журнал.* 1961. № 5. С. 61–74.
159. *Зеленов М. В.* Сталин И. В. — «О статье Энгельса „Внешняя политика русского царизма“» — и идеологическая подготовка к мировой войне // *Вопросы истории.* 2002. № 7.
160. *Зенкевич Н. А.* Маршалы и генсеки. Смоленск, 1997.
161. *Иванов С. П.* Начальный период Великой Отечественной войны // *Военная мысль.* 1971. № 6.
162. *Ивашов Л. Г.* В последние предвоенные // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 11. С. 12–18.
163. *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 5. С. 55–59.
164. История Великой Отечественной войны Советского Союза, 1941–1945: В 6 т. М., 1963. Т. 1: Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. XL, 532 с.: ил.
165. История военной стратегии России / В. О. Дайнес, А. А. Данилевич, В. А. Пронько и др.; Под ред. В. А. Золотарева. М., 2000. 591 с.: ил.

166. История второй мировой войны 1939–1945: В 12 т. М., 1973–1974. Т. 1–3.
167. История СССР: С древнейших времен до наших дней: В 12 т. М., 1967–1971. Т. 8–9.
168. *Кавалерчик Б. К.* Еще раз о Т–34 // *Военно-исторический архив.* 2006. № 1. С. 147–173.
169. *Кантор Ю. З.* М. Н. Тухачевский и советско-германский военный альянс 1923–1933 годов // *Вопросы истории.* 2006. № 5. С. 7–23.
170. *Капистка В. В.* М. Н. Тухачевский: «В этих вопросах „Юнкерс“ значительно обогнал ЦАГИ»: Некоторые проблемы военного сотрудничества СССР с Германией и Францией, 1920–1930-е годы // *Военно-исторический журнал.* 2005. № 8. С. 45–49.
171. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 — середина 1930-х годов). СПб., 2002. 472 с.
172. *Кирьян М. М.* Начальный период Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал.* 1988. № 6. С. 11–17.
173. *Киселев В. Н.* Упрямые факты начала войны // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?* М., 1995. С. 77–81.
174. *Козлов В. П.* Документы Архивного фонда Российской Федерации по истории Великой Отечественной войны // *Новая и новейшая история.* 2000. № 5. С. 3–9.
175. *Кокошин А. А.* Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991. М., 1995.
176. *Комал Ф. Б.* Военные кадры накануне войны // *Военно-исторический журнал.* 1990. № 2. С. 21–28.
177. *Кривошеев Г. Ф.* Накануне // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 6. С. 41–44.

178. Крумахер Ф. А., Ланге Г. Планировал ли Сталин войну против Германии? // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 6. С. 26–33.

179. Кулешова Н. Ю. Военно-доктринальные установки сталинского руководства и репрессии в Красной армии конца 1930-х годов // *Отечественная история.* 2001. № 2. С. 61–72.

180. Кулешова Н. Ю. «Не нынче — завтра грянет бой»: образ грядущей войны и ее участников в литературе 1930-х годов // *История России XIX–XX веков: Новые источники понимания.* М., 2001. С. 267–279.

181. Кульков Е. Н. Германия — СССР: от переговоров к конфронтации // *Мировые войны XX века: В 4 кн.* М., 2002. Кн. 3.

182. Курносоев А. А. К вопросу о природе видов источников // *Источниковедение отечественной истории,* 1976. М., 1977. С. 5–25.

183. Курносоев А. А. Приёмы внутренней критики мемуаров (Воспоминания участников партизанского движения в период Великой Отечественной войны как исторический источник) // *Источниковедение: Теоретические и методические проблемы.* М., 1969. С. 478–505.

184. Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1941–1945) // *Археографический ежегодник за 1975 год.* М., 1976. С. 3–11.

185. Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1945–1955 гг.) // *Археографический ежегодник за 1978 год.* М., 1979. С. 35–45.

186. Курносоев А. А. Развитие мемуарной литературы о Великой Отечественной войне (1955–1975) // *Археографический ежегодник за 1979 год.* М., 1981. С. 26–42.

187. Лобов В. Н. Актуальные вопросы развития теории советской военной стратегии 20-х — середины 30-х годов // *Военно-исторический*

журнал. 1989. № 2. С. 41–50.

188. *Ломов Н.* Советская военная доктрина // *Военная мысль*. 1963. № 1. С. 14–30.

189. *Майоров А. М.* На пороге войны: (О внешнеполит. деятельности Сов. правительства в предвоен. период) // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 5. С. 33–37.

190. *Макар И.* От стратегии сокрушения к стратегии измора: [О сов. теории воен. стратегии в 20-е гг.] // *Воен.-ист. журн.* 1999. № 6. С. 5–15.

191. *Маковский В. Б.* Прикрытие госграницы накануне войны // *Военно-исторический журнал*. 1993. № 5. С. 51–58.

192. *Максимов Ю.* Развитие взглядов на оборону: Великая Отеч. война и послевоен. период // *Воен.-ист. журн.* 1979. № 10. С. 10–16.

193. *Мельтюхов М. И.* Канун Великой Отечественной войны: Дискуссия продолжается. М., 1999. 68 с.

194. *Мельтюхов М. И.* Проблемы периодизации истории второй мировой войны // *Вопросы истории*. 2003. № 1. С. 154–163.

195. *Мельтюхов М. И.* Репрессии в Красной Армии: Итоги новейших исследований // *Отечественная история*. 1997. № 5.

196. *Мельтюхов М. И.* Советская разведка и проблема внезапного нападения // *Отечественная история*. 1998. № 3.

197. *Мельтюхов М. И.* Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол» // *Советская историография* / Под общ. ред. Афанасьева Ю. Н. М., 1996. С. 488–521.

198. *Мельтюхов М. И.* Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?* М., 1995. С. 92–109.

199. *Мерцалов А. Н.* Подходы к изучению прошлого (по новейшим

трудам о войне 1939–1945 гг.) // *Военно-исторический архив*. 2005. № 12. С. 146–165.

200. *Мерцалов А. Н., Мерцалова Л. А.* Отечественная историография второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы // *Вопр. истории*. 1996. № 9. С. 145–157.

201. *Минаков С. Т.* Советская военная элита 20-х годов (состав, эволюция, социокультурные особенности и политическая роль). Орёл, 2000. 559 с.: ил.

202. *Михайлов А.* Оперативно-стратегический аврал // Независимое военное обозрение. 2000, 24 марта. С. 5.

203. *Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3: Вторая мировая война: Ист. очерк.* 597 с.: ил.

204. *Мосеев В. И.* Военно-патриотическое воспитание и подготовка молодежи к защите Отечества в 1921–1941 гг. (на материалах Петрограда-Ленинграда и Ленинградской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 25 с.

205. *Невежин В.* «Если завтра в поход...»: Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х — 40-х годах. М., 2007. 320 с.

206. *Невежин В. А.* Синдром наступательной войны: Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939–1941 гг. М., 1997. 283 с.

207. *Невежин В. А.* Собирался ли Сталин наступать в 1941 г.?: (Заметки на полях «Ледокола» В. Суворова) // *Кентавр*. 1995. № 1. С. 76–85.

208. *Невежин В. А.* Сталинский выбор 1941 года: оборона или... «лозунг наступательной войны»? (По поводу кн. Г. Городецкого «Миф „Ледокола“») // *Отеч. история*. 1996. № 3. С. 55–73.

209. *Нежинский Л. Н.* Была ли военная угроза СССР в конце 20-х —

начале 30-х годов? // *История СССР*. 1990. № 6.

210. *Некрич А. М.* 1941, 22 июня. М., 1965.

211. *Николаев А.* Маршал Жуков против Жукова? // *Армия*. 1991. № 15. С. 64–69.

212. *Орлов Б. М.* В поисках союзников: командование Красной Армии и проблемы внешней политики СССР в 30-х годах // *Вопросы истории*. 1990. № 4.

213. Отечественная военная доктрина: (В историческом измерении: от Великого князя Дмитрия Донского до первого российского президента Бориса Ельцина) / Институт военной истории Министерства обороны Российской Федерации. М., 1996.

214. *Павленко Н. Г.* Возвращение к правде: О десятом издании мемуаров Г. К. Жукова // *Коммунист*. 1991. № 3. С. 124–128.

215. *Пантелеев Б. Ф.* Некоторые особенности партийно-политической работы накануне Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал*. 1988. № 6. С. 41–46.

216. *Пастуховский Г. П.* Развертывание оперативного тыла в начальный период войны // *Военно-исторический журнал*. 1988. № 6. С. 18–27.

217. *Перечнев Ю. Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 4. С. 42–50.

218. *Петров Б. Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М., 1995. С. 66–76.

219. *Петров В. Л.* Особенности политической системы перед войной // Великая Отечественная война, 1941-1945: Военно-исторические очер-

ки. М., 1998. Кн. 1.

220. *Поздеева Л. В.* Предисловие // Мировые войны XX века: В 4 кн. М., 2002. Кн. 3.

221. *Реброва И. В.* Воспоминания о Великой Отечественной войне: история изучения и содержательная наполняемость // *Военно-исторический журнал*. 2005. № 12. С. 65–66.

222. *Романичев Н. М.* «Красная Армия всех сильнее»? // *Военно-исторический журнал*. 1991. № 12. С. 2–9.

223. *Романовский Н. В.* Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // *Отечественная история*. 2000. № 4. С. 65–76.

224. С заседания редколлегии журнала «Отечественная история» // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?* М., 1995. С. 110–121.

225. *Савушкин Р. А.* К вопросу о зарождении теории последовательных наступательных операций // *Военно-исторический журнал*. 1983. № 5. С. 77–83.

226. *Савушкин Р. А.* Эволюция взглядов на оборону в межвоенные годы // *Военно-исторический журнал*. 1987. № 1. С. 37–42.

227. *Самсонов А. М.* Вторая мировая война 1939–1945: Очерк важнейших событий. 4-е изд., испр., доп. М., 1990. 638 с.: ил.

228. *Самсонов А. М.* Кто же прав в споре о мемуарах полководца? // *Вопросы истории*. 1989. № 5. С. 181–182.

229. *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии, 1939–1945: Ист. очерк. 2-е изд., испр. и доп. М., 1980.

230. *Самуэльсон Л.* Красный колосс: Становление воен.-пром. комплекса СССР, 1921–1941. М., 2001. 294 с.

231. Семидетко В. А. Истоки поражения в Белоруссии // *Военно-исторический журнал*. 1989. № 4. С. 22–31.
232. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. 383 с.: ил.
233. Сергеев Е. Ю. Военно-политическая элиты Российской империи о «внешней угрозе с Запада» накануне первой мировой войны // *Новая и новейшая история*. 2000. № 5. С. 214–223.
234. Сергеев Е. Ю. «Иная земля, иное небо...»: Запад и военная элита России (1900–1914 гг.). М., 2001. 282 с.
235. Сергеев Е. Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России (1900–1914 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 34 с.
236. Сергеев Е. Ю. «Угроза с Запада» в оценке военно-политической элиты Российской Империи (начало XX века) // *Россия и мир глазами друг друга: Из истории взаимовосприятия: [Сб. ст.] / Ин-т рос. истории РАН*. М., 2002. Вып. 2. С. 69–82.
237. Советские Вооруженные Силы: История строительства. М., 1978. 518 с.: ил.
238. Соколов Б. В. Красная Армия в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1990. 64 с.
239. Соколов Б. В. Собирался ли Сталин напасть на Гитлера? // *Война и политика, 1939-1941*. М., 1999. С. 305–329.
240. Сувениров О. Ф. Всеармейская трагедия // *Воен.-ист. журн.* 1989. № 3. С. 39–47.
241. Сувениров О. Ф. «Клим, Коба сказал...» // *Воен.-ист. журнал*. 1988. № 12. С. 51–60.
242. Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М., 1998. 527 с.
243. Суворов В. Ледокол; День «М». М., 1997. 575 с.: ил.

244. *Суворов В.* Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М., 1995. 479 с.: ил.
245. *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945). М., 1952.
246. *Тельпуховский Б. С.* Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945: Краткий очерк. М., 1959. 575 с.: ил.
247. *Токарев В. А.* Пакт Молотова-Риббентропа: генезис и политико-правовые аспекты: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998. 23 с.
248. *Тюшкевич С. А.* // 30-е годы: Взгляд из сегодня / Отв. ред. Волконогов Д. А. М., 1990. С. 101–107.
249. *Уколов А. Т., Ивкин В. И.* О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // *Военно-исторический журнал.* 1993. № 1.
250. *Ульянов В. И.* Развитие теории глубокого наступательного боя в предвоенные годы // *Военно-исторический журнал.* 1988. № 3. С. 26–33.
251. *Фырнин М.* Маршал Жуков — без купюр // *Чудеса и приключения.* 1995. № 8. С. 54–59.
252. *Хорьков А. Г.* Накануне грозных событий // *Воен.-ист. журн.* 1988. № 5. С. 42–49.
253. *Хорьков А. Г.* Некоторые вопросы стратегического развертывания Советских Вооруженных Сил в начале Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал.* 1986. № 1. С. 9–15.
254. *Хорьков А. Г.* Техническое перевооружение Советской Армии накануне Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал.* 1987. № 6. С. 15–24.

255. *Хорьков А. Г.* Укрепленные районы на западных границах СССР // *Военно-исторический журнал*. 1987. № 12. С. 47–54.

256. *Хоффман Й.* Подготовка Советского Союза к наступательной войне, 1941 год // *Отеч. история*. 1993. № 4. С. 19–31.

257. *Цветаев Е.* Последний подвиг Г. К. Жукова: О работе Маршала Советского Союза над кн. «Воспоминания и размышления» // *Москва*. 1986. № 11. С. 146–154.

258. *Щербаков А. А.* К истории создания самолета Ил-2 // *Вопросы истории*. 2002. № 12. С. 133–135.

259. *Эрлихман В.* Полководец и его тень: Маршал Жуков в зеркале истории // *Родина*. 2005. № 12. С. 95–99.

260. *Яковленко И. И.* О прикрытии государственной границы накануне Великой Отечественной войны // *Военно-исторический журнал*. 1987. № 5. С. 84–87.

* * *

261. *Айрапетян М. Э.* Этапы внешней политики СССР: Дис. . . . д-ра ист. наук. М., 1961. 535 с.

262. *Алексеева Т. А.* Борьба СССР против экспансии нацистской Германии накануне второй мировой войны (1936–1939 гг.): Дис. . . . канд. ист. наук. М., 1978.

263. *Арицбашев В. А.* Начальный период войны в представлениях командного состава РККА в 1921–1941 гг.: Дис. . . . канд. ист. наук. М., 2004.

264. *Герасимов Г. И.* Деятельность высших военных коллегиальных органов по повышению боеспособности Красной Армии (1921 — июнь 1941 гг.): Дис. . . . д-ра ист. наук. М., 2001. 489 с.

265. *Задонских С. И.* Принципы строительства Красной Армии в 1918–1945 годах: сущность и эволюция: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

266. *Захаров В. В.* Политика советского государства по отношению к Германии в военной области и её влияние на обороноспособность СССР (1921 — июнь 1941 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1993.

267. *Клемантович С. П.* Военная политика ВКП(б) и советского государства в 1920–1930-е гг.: (Военно-стратегические, экономические и политические аспекты): Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 356 с.

268. *Кочадзе Д. В.* Военно-экономическая политика Советского многонационального государства накануне и в начальный период Великой Отечественной войны (1938–1942 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

269. *Лошков Д. Б.* Командные кадры Красной Армии накануне Великой Отечественной войны (1939 — июнь 1941 г.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003.

270. *Львов А. А.* Подготовка командного состава сухопутных войск РККА (1937 — июнь 1941 гг.): Достижения и просчёты: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 284 с.

271. *Мельтюхов М. И.* Современная отечественная историография предыстории Великой Отечественной войны (1985–1995 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995. 255 с.

272. *Невежин В. А.* Советская пропаганда и идеологическая подготовка к войне, вторая половина 30-х — начало 40-х гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 402 с.

273. *Никифоров Ю. А.* Дискуссионные проблемы предыстории Великой Отечественной войны в новейшей отечественной историографии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 300 с.

274. *Печенкин А. А.* Высший командный состав Красной Армии накануне и в годы Второй мировой войны: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2003. 662 с.

275. *Пучков А. Г.* Методологические принципы и важнейшие направления строительства Советских Вооружённых Сил в годы второй мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1971.

276. *Рубцов Ю. В.* Политическая и военно-организаторская деятельность Л. З. Мехлиса в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

277. *Случ С. З.* Германо-советские отношения в 1918–1941 гг.: (Мотивы и последствия внешнеполитических решений): Дис. в форме научного доклада по совокупности опубликованных работ ... канд. ист. наук. М., 1995. 50 с.

278. *Стерликова Л. М.* Военно-экономическая победа Советского государства над фашистской Германией в годы Второй мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1995.

III. Справочные и информационные издания

279. Атлас командира РККА. М., 1938.

280. Военная энциклопедия: В 8 т. М., 1994–2004. Т. 1–8.

281. Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия: РИПОЛ классик, 2005. 1455 с.: ил.

282. Советская военная энциклопедия: [В 8 т. / Ин-т воен. истории]. М.: Воениздат, 1976–1979. Т. 2, 3, 6, 7.

Список сокращений

БВО	— Белорусский военный округ
ВВС	— военно-воздушные силы
ВМФ	— военно-морской флот
ГВС	— Главный военный совет
ДБА	— дальнебомбардировочная авиация
ЗапОВО	— Западный особый военный округ
ИККИ	— Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала
КВЖД	— Китайско-Восточная железная дорога
КОВО	— Киевский особый военный округ
НКО	— Народный комиссариат обороны
ОдВО	— Одесский военный округ
ОКДВА	— Отдельная Краснознамённая Дальневосточная армия
ПВО	— противовоздушная оборона
ПриБОВО	— Прибалтийский особый военный округ
ПУРККА	— Политическое управление Рабоче-крестьянской Красной армии
РВС	— Революционный военный совет
РВСС	— Революционный военный совет Союза
РГК	— резерв главного командования

РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
СНК	— Совет народных комиссаров
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦКК	— Центральная контрольная комиссия

Приложение I

Определения основных терминов, используемых в диссертации, согласно Военной энциклопедии (1994–2004 гг.) и Советской военной энциклопедии (1976–1980 гг.)

Ниже приведены выписки из статей Военной энциклопедии и Советской военной энциклопедии, определяющих основные термины, используемые в настоящей диссертации. Поскольку ограниченный объём приложений не позволяет привести тексты статей полностью, приводятся только собственно определения соответствующих терминов, опустив дополнительные подробности. Все пропуски отмечены знаком <...>. Некоторые термины определены только в одной из двух энциклопедий.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА

СВЭ (1976–1980): «Отношения и деятельность классов, гос-в, партий и иных социально-политич. институтов, непосредственно связанные с созданием воен. организации, подготовкой и применением средств вооруж. насилия для достижения политич. целей. П(олитика) в(оенная) по своей сущности и содержанию выступает как составная, органич. часть общей политики классов и гос-в. П(олитика) в(оенная) гос-в конкретизируется в военных доктринах (см. Доктрина военная), их воен. стратегии (см. Стратегия военная), в практике воен. строительства. Находясь в подчинённом положении по отношению к политике, воен. стратегия оказывает на неё обратное воздействие» [Т. 6. С. 413].

ВЭ (1994–2004): «Система общественных взглядов, отношений и учреждений, а также определяемая ими деятельность гос-ва и его отдельных структур, других соц.-полит. институтов общества, направленные на создание, подготовку и применение силы военной в полит. целях. <...> Главный смысл и предназначение П(олитики) В(оенной) — определение возможностей и пределов применения насилия военного в полит. целях, руководство строительством военным, планированием воен. действий, ведением вооруж. борьбы». Теоретическая сторона военной политики «охватывает раскрытие закономерностей и принципов воен. деятельности, анализ военно-политической обстановки и выявление тенденций её развития, прогнозирование и предвидение в воен.-полит. сфере, обоснование форм и способов достижения военно-полит. целей, выработку военно-стратег. установок, определение принципов воен. стр-ва». Практическая сторона «охватывает организационно-управленч. проблемы, воен. стр-во и применение

В(ооружённых) С(ил). Сюда входят: совершенствование механизмов формирования П(олитики) в(оенной); принятие решений, разработка планов и программ развития воен. сферы; создание и поддержание необходимой воен. мощи страны; создание оперативно-стратег. группировок; налаживание взаимодействия В(ооружённых) С(ил), др. войск, органов и военизир. формирований; организация производства оружия и боевой техники; мобилизац. подготовка органов власти и управления, предприятий, учреждений и организаций; создание и развитие оборонной инфраструктуры; формирование морально-психол. готовности граждан к защите страны; создание и накопление мобилизац. ресурсов и резервов; междунар. воен. сотрудничество в интересах нац. и междунар. безопасности; правовое регулирование оборонной и всей военно-полит. деятельности; организация гражд. контроля за воен. сферой и др.» [Т. 6. С. 476–477].

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА КПСС

СВЭ (1976–1980): «Составная часть политики партии, определяющая цели и задачи вооружённой борьбы рабочего класса и его союзников за установление диктатуры пролетариата, организации защиты социалистического Отечества и строительства Советских Вооружённых Сил, создания благоприятных условий для построения социализма и коммунизма, обеспечения вместе с другими гос-вами надёжной защиты и безопасности стран социалистич. содружества, завоеваний социализма» [Т. 2. С. 191].

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

СВЭ (1976–1980): «Принятая в государстве на данное время система взглядов на цели и характер возможной войны, на подготовку к ней страны и вооружённых сил, а также на способы её ведения. Д(октрина) в(оенная) обычно определяет, с каким противником придётся вести борьбу в возможной войне; характер и цели войны, в к-рой предстоит участвовать гос-ву и его вооруж. силам, и их задачи; какие вооруж. силы нужны для успешного ведения войны и направления их строительства; порядок подготовки страны к войне; способы ведения войны. Осн. положения Д(октрины) в(оенной) обусловлены социально-политич. и экономич. строем, уровнем произ-ва, состоянием средств ведения войны, геогр. положением своей страны и страны вероятного пр-ка и вытекают из внутр. и внеш. политики гос-ва. В Д(октрине) в(оенной) различают две тесно связанные и взаимообусловл. стороны — политическую и военно-техническую, при ведущей роли первой. Политич. сторона охватывает вопросы, касающиеся политич. целей и характера войны, их влияния на строительство вооруж. сил и подготовку страны к войне; военно-техническая в соответствии с политич. положениями включает вопросы, касающиеся способов ведения войны, воен. строительства, техн. оснащения вооруж. сил и поддержания их в боевой готовности. <...> Д(октрина) в(оенная) в своём развитии опирается на господствующую в обществе идеологию и политику правящих классов, на выводы и положения воен. науки и её важнейшей составной части — теории воен. искусства и, в свою очередь, оказывает обратное влияние, направляя развитие воен. науки на решение проблем, имеющих важное и актуальное значение для реализации положений Д(октрины)

в(оенной). Каждое гос-во имеет свою Д(октрину) в(оенную). Ни в прошлом, ни в настоящем ни одна страна или группа стран не вступала в войну, не имея собственной Д(октрины) в(оенной) или не придерживаясь доктрин своих более могуществ. союзников» [Т. 3. С. 225].

ВЭ (1994–2004): «Принятая в государстве (коалиции государств) на данное время система официальных взглядов на использование средств насилия военного в политических целях, на характер военных задач и способы их решения, на основные направления строительства военного. Д(октрина) В(оенная) в концентрированном виде выражает содержание концепций безопасности национальной, характеризует главные направления политики военной гос-ва на данном ист. этапе. <...> В теоретич. отношении Д(октрина) В(оенная) опирается на всю систему знаний о войне и армии, на выводы и положения военной науки и её важнейшей составной части — теории военного искусства. В свою очередь Д(октрина) В(оенная) оказывает обратное влияние на развитие системы знаний о войне и армии, направляет усилия воен. науки на решение проблем, имеющих актуальное значение для реализации принятых доктринальных положений. Формирование Д(октрины) В(оенной) осуществляется полит. и воен. руководством страны. <...> Д(октрина) В(оенная) обычно отвечает на вопросы: считает ли гос-во войну приемлемой в качестве средства для реализации своей политики или отвергает её, от кого исходит воен. угроза и на кого можно рассчитывать в качестве прямых или косвенных воен. союзников; каковы характер и цели возможной войны; каковы задачи В(ооружённых) С(ил) и какие В(ооружённые) С(илы) нужны гос-ву для решения воен. задач; по каким направлениям должны вестись воен. стр-во, подготовка страны и В(ооружённых) С(ил) к войне и каковы наиболее вероятные способы

её ведения. <...> В Д(октрине) В(оенной) различают две тесно связанные и взаимообусловленные стороны — полит. и собственно военную, при ведущей роли первой» [Т. 3. С. 101].

ВОЕННАЯ СТРАТЕГИЯ

СВЭ (1976–1980): «Составная часть военного искусства, его высшая область, охватывающая теорию и практику подготовки страны и вооружённых сил к войне, планирования и ведения войны и стратегических операций. <...> С(тратегия) в(оенная) находится в тесной связи с политикой, вытекает из неё и обслуживает её. <...> Ведущая роль политики по отношению к С(тратегии) в(оенной) состоит в том, что политика вырабатывает цели войны, определяет способы её ведения, ставит перед С(тратегией) в(оенной) задачи и создаёт условия для их выполнения, мобилизуя на нужды войны необходимые материальные и людские ресурсы. В свою очередь С(тратегия) в(оенная) оказывает обратное воздействие на политику. Теоретич. выводы С(тратегии) в(оенной), результаты науч. исследований в области С(тратегии) в(оенной) используются политич. руководством при определении целей войны и способов их достижения, а также в практич. решении задач воен. строительства, подготовки и ведения войны. <...> С(тратегия) в(оенная) тесно взаимосвязана с воен. доктриной гос-ва (см. Доктрина военная). В решении практич. задач С(тратегия) в(оенная) руководствуется её положениями. Вместе с тем выводы и рекомендации С(тратегии) в(оенной), военной науки в целом используются высшим политич. и воен. руководством гос-ва при формировании военной доктрины» [Т. 7. С. 555–556].

ВЭ (1994–2004): «составная часть военного искусства, его высшая область, включающая теорию и практику военной деятельности гос-ва. <...> В С(стратегии) конкретизируются применительно к военно-стратег. сфере установки воен. доктрины гос-ва. <...> Осн. задачи воен. С(стратегии) определяются политикой и экономикой страны, формулируются в законодат. актах и доктрине военной гос-ва. <...> Воен. С(стратегия) тесно взаимосвязана с воен. доктриной гос-ва. В решении практич. задач С(стратегия) руководствуется ее положениями. Вместе с тем теоретич. выводы и рекомендации С(стратегии) используются высшим гос. и воен. руководством при разработке положений воен. доктрины» [Т. 7. С. 675].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ

ВЭ (1994–2004): «Система основополагающих взглядов на цели и способы использования военной силы для обеспечения нац. интересов и безопасности гос-ва, а также основанные на этих взглядах планирование и ведение войны, подготовка страны и армии к ней. С(стратегия) в(оенно)-п(олитическая) гос-ва определяется военно-полит. руководством и зависит от различных причин, в т.ч. полит. целей гос-ва, междунар. военно-полит. обстановки, материальных возможностей страны, состояния средств вооруж. борьбы и др. обстоятельств. <...> Концептуальные установки С(стратегии) в(оенно)-п(олитической) излагаются в офиц. документах („Воен. доктрина РФ“, „Нац. воен. стратегия США“, „Белая книга по обороне Китая“, „Белая книга Японии“ и т.д.) и конкретизируются, как правило, в программах и планах воен. стр-ва, военно-техн. развития, подготовки

В(ооружённых) С(ил), к-рые разрабатываются на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективу» [Т. 7. С. 680–681].

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ВЭ (1994–2004): «... Оценивает место и роль насилия военного, возможности и пределы его применения во внутр. и внешней политике гос-ва, в междунар. отношениях» [Т. 4. С. 172].

ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ВЭ (1994–2004): «... Определяет цели, задачи, пути и способы стр-ва и применения вооруж. сил, подготовки страны к войне, организации и ведения вооруж. борьбы» [Т. 4. С. 172].

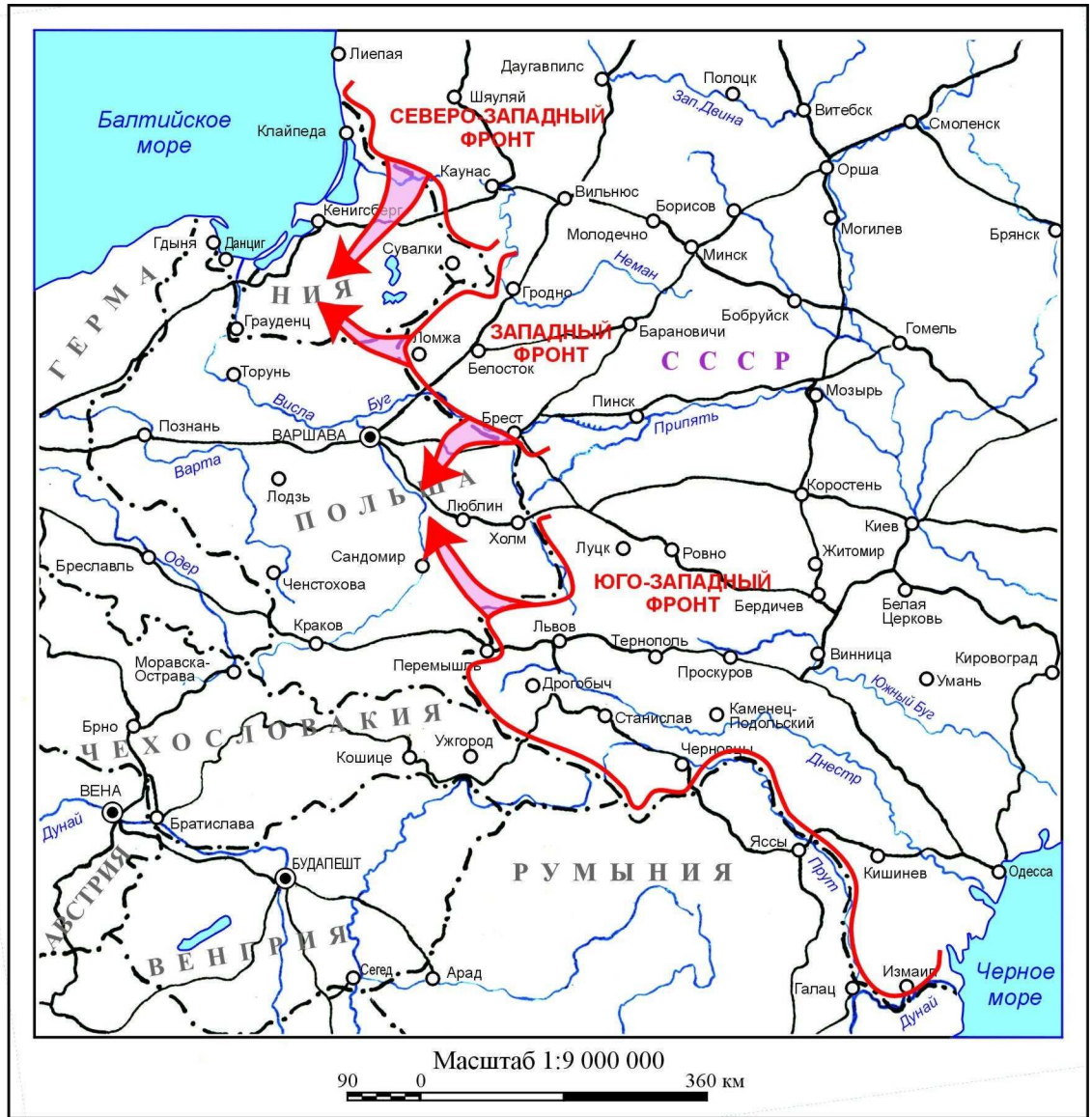
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

ВЭ (1994–2004): «... Обосновывает необходимость создания, развития и способы применения различных видов оружия и боевой техники» [Т. 4. С. 172].

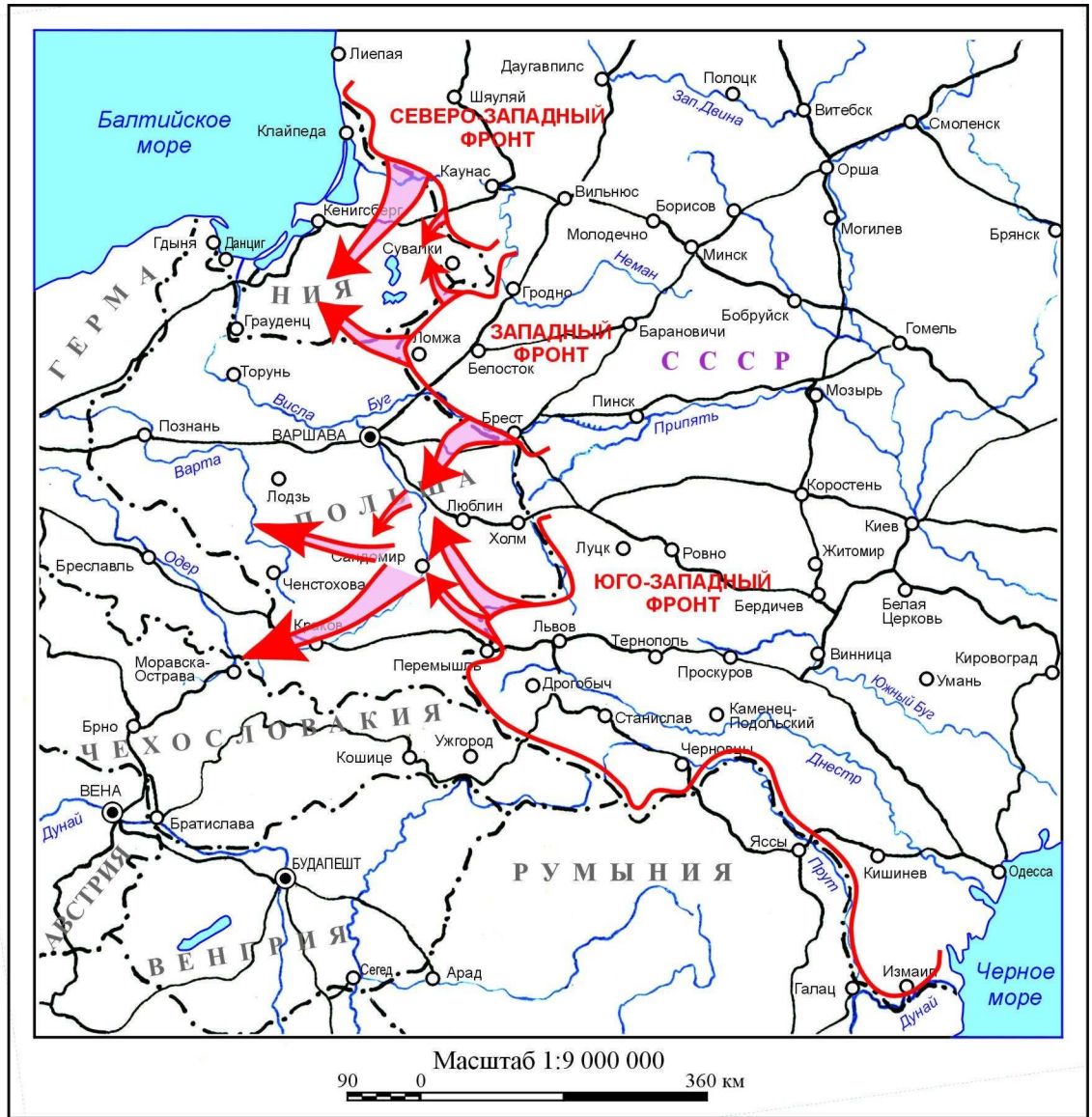
Приложение II

Задачи советских войск согласно основным редакциям стратегического плана 1940–1941 гг. (схемы)

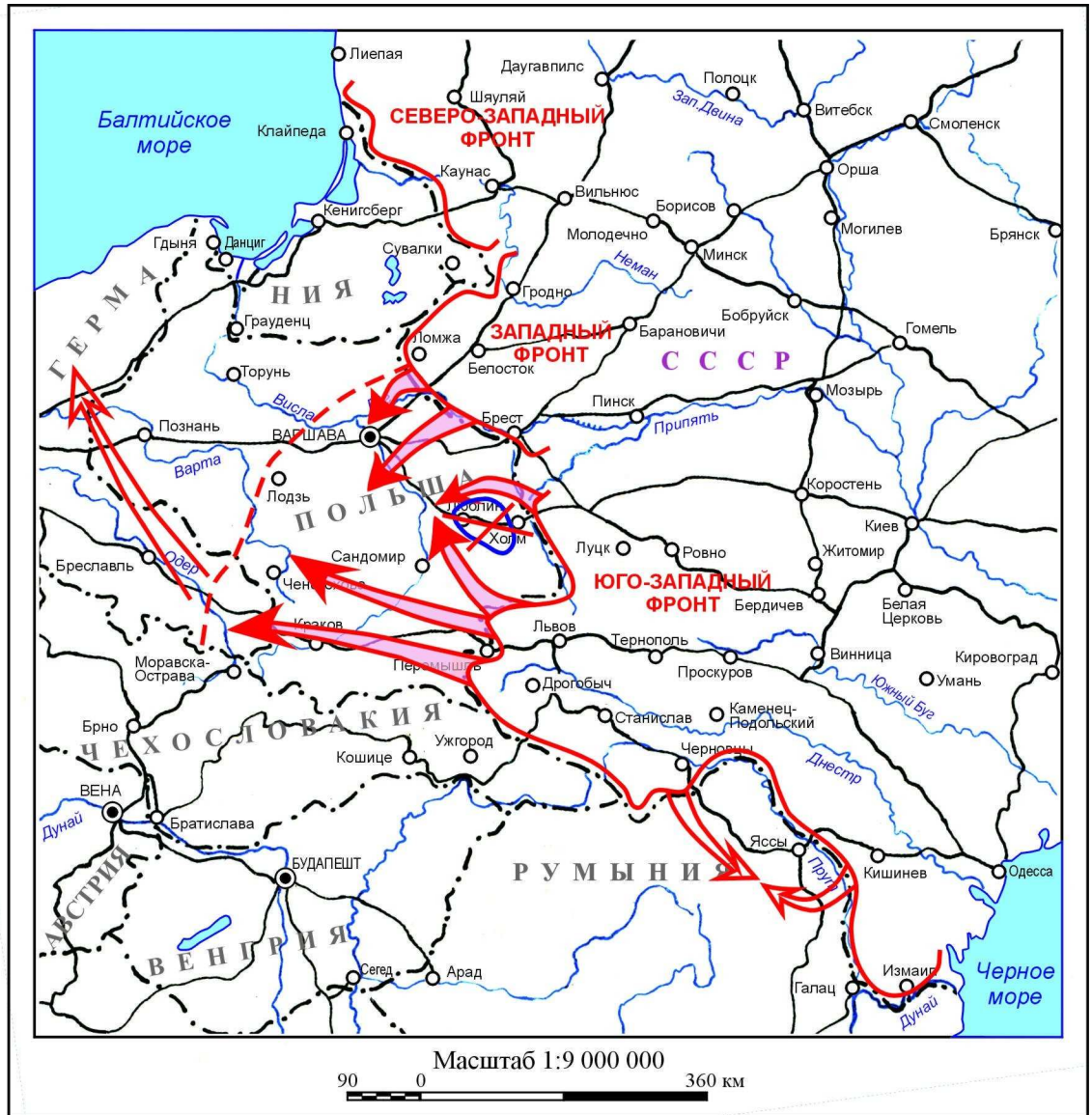
Ниже приводятся четыре схемы, иллюстрирующие основные варианты стратегического плана войны на Западном театре, разработанные во второй половине 1940 — первой половине 1941 г. На первой схеме показаны задачи советских войск согласно «северному» варианту стратегического плана. На этой концепции была основана августовская (1940 г.) редакция плана; кроме того, она была практически без изменений включена в сентябрьскую редакцию в качестве «северного» варианта развёртывания. Вторая схема иллюстрирует «южный» вариант, впервые появившийся именно в сентябрьской редакции. К нему восходит и замысел первой операции, изложенный в майском (1941 г.) проекте стратегического плана и показанный на третьей схеме. Наконец, на четвёртой схеме обозначены задачи советских войск в соответствии с директивой ГВС № 3 от 22 июня 1941 г.

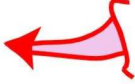

Задачи советских войск в соответствии с августовской (1940 г.) редакцией стратегического плана и «северным» вариантом сентябрьской (1940 г.) редакции

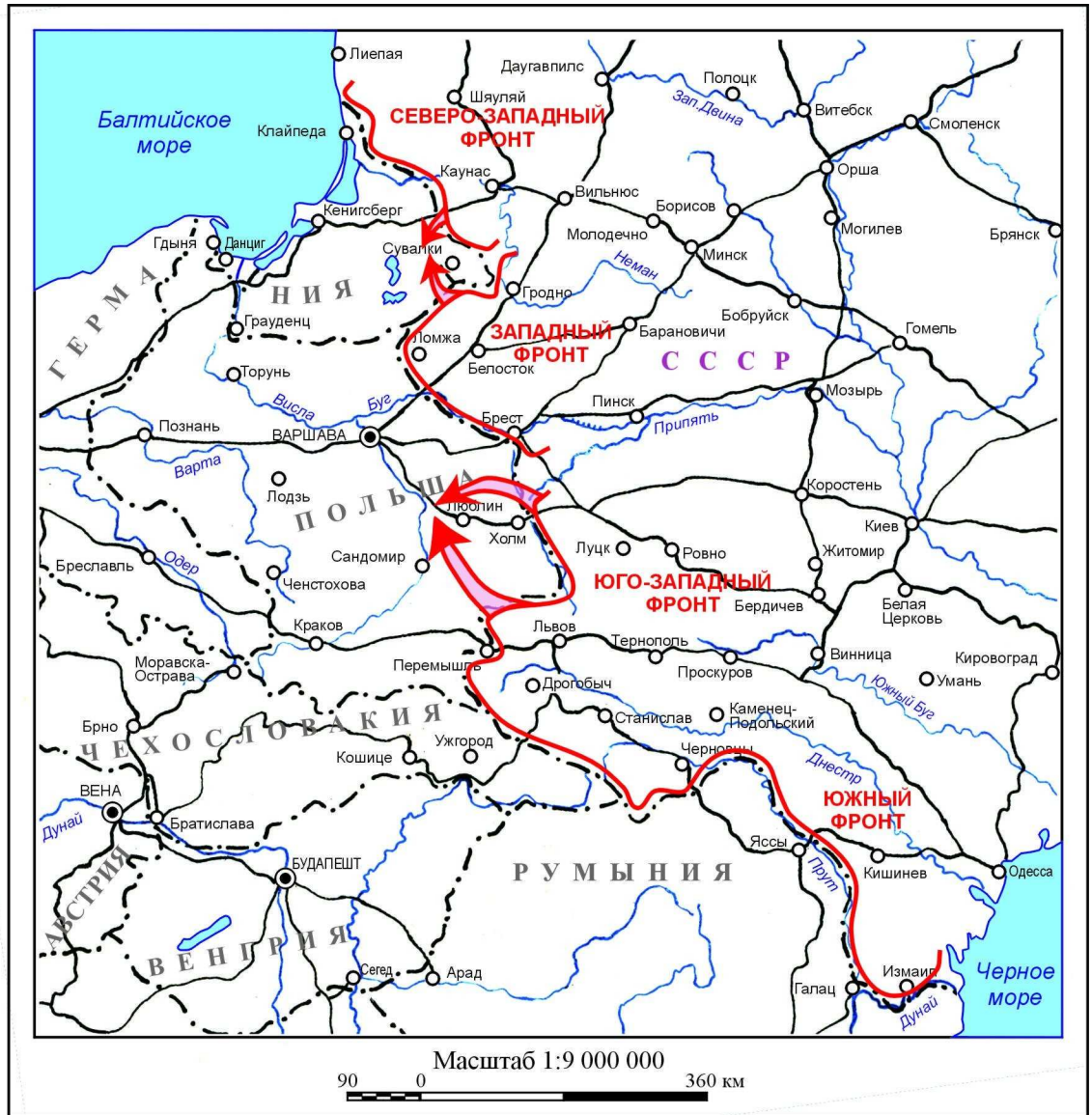

Задачи советских войск в соответствии с сентябрьской (1940 г.) редакцией стратегического плана, «южный» вариант

Задачи советских войск в соответствии с майской (1941 г.) редакцией стратегического плана

-
Исходное положение и действия советских войск в первый месяц войны
-
Положение советских войск на 30-й день войны
-
Дальнейшие задачи советских войск
-
Окружение и ликвидация люблинской группировки противника

Задачи советских войск на 23-24 июня 1941 г. в соответствии с директивой ГВС № 3 (вечер 22 июня 1941 г.)